

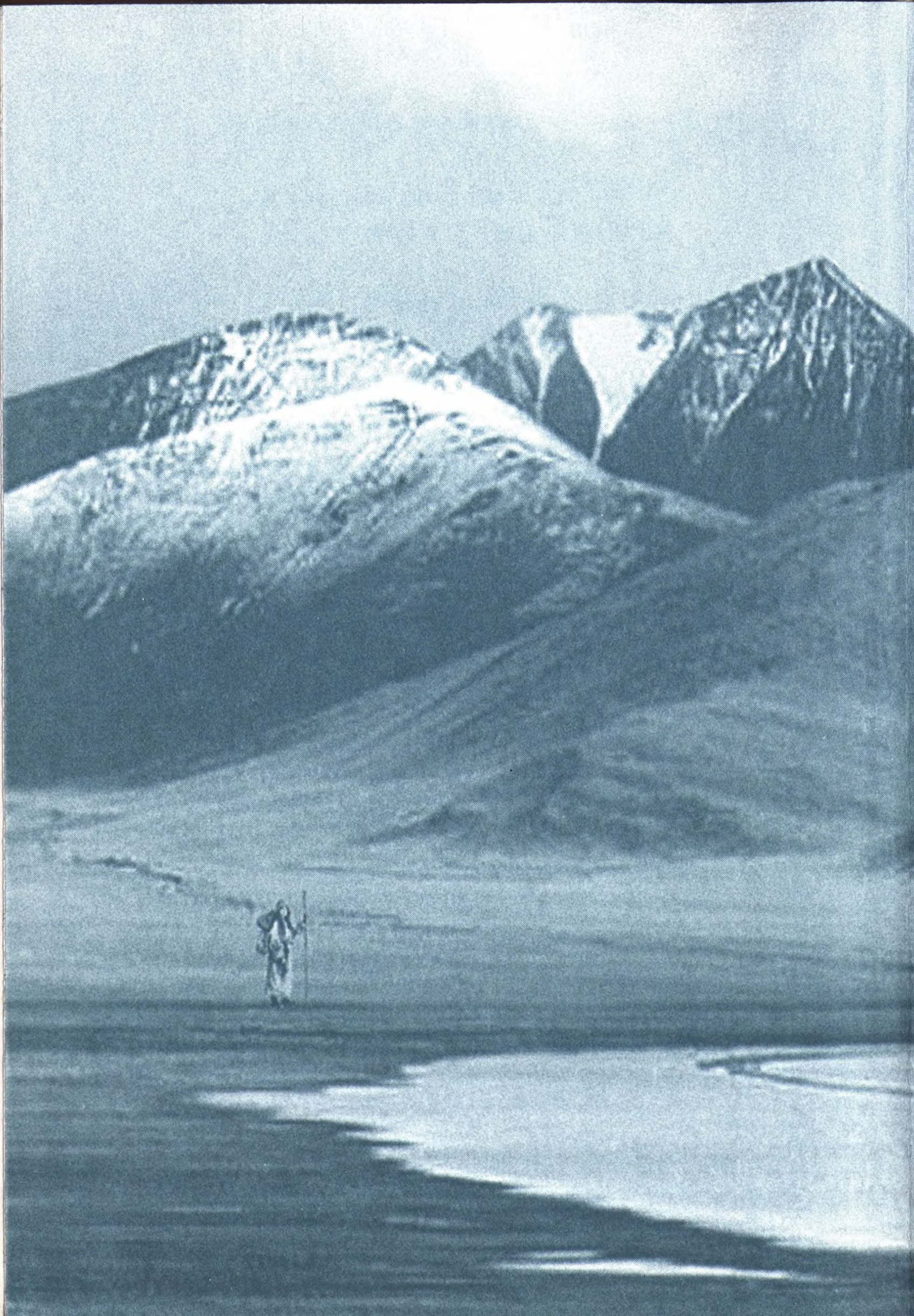
Магия и Тайна Тибета

Александра Давид-Неэль

С О Ф И Я

Магия
и Тайна
Тибета

MAGIC AND MYSTERY IN TIBET

*Alexandra
David-Neel*

WITH AN INTRODUCTION BY

Dr. A. D'Arsonval

DOVER PUBLICATIONS, INC.
NEW YORK

Александра Давид-Неэль

Магия и Тайна Тибета

«СОФИЯ»

Киев ♦ Москва ♦ С.-Петербург

2003

УДК 294.321

ББК 86.39

Д13

Д13 Давид-Неэль Александра

Магия и тайна Тибета

Перев. с англ. В. Ковальчук. — К.: «София», 2003;

М.: ИД «София», 2003. — 400 с.

Книга повествует о годах, проведенных среди буддистских монахов и магов. Это не путевые записки и не автобиография, но изучение контактов со сверхъестественным, описание оккультных ритуалов, мистических теорий, а также принятых в Тибете традиционных учебных практик. Тибетский фольклор и его герои, реинкарнация и память о прошлых воплощениях, магические ритуалы, позволяющие овладеть сверхъестественными способностями, ужасающие некромантические ритуалы жрецов добуддистской религии бонпо, техника дыхательных упражнений, визуализация бесплотных мыслеформ (тулп) и управление температурой тела, паранормальные аспекты йоги, телепатическая передача мыслей с ветром и многое иное получило в этой книге детальное освещение.

Один из необычных аспектов книги Давид-Неэль состоит в том, что она лично пережила многие из описываемых ею феноменов.

ISBN 5-9550-0251-0

© «София», 2003

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	9
<i>От автора</i>	13
<i>ГЛАВА I. Тибет и ламы</i>	16
<i>ГЛАВА II. В гостях у лам</i>	74
<i>ГЛАВА III. Знаменитый тибетский монастырь</i>	127
<i>ГЛАВА IV. Контакты с призраками и демонами</i>	176
<i>ГЛАВА V. Ученики в древности и в наши дни</i>	218
<i>ГЛАВА VI. Окультурная физкультура</i>	254
<i>ГЛАВА VII. Мистические теории и духовные практики</i>	305
<i>ГЛАВА VIII. Как тибетцы объясняют паранормальные явления</i>	360
<i>Наши книги можно приобрести</i>	398

Автор книги в Тибете в одежде отшельника. На шее — четки из ста восьми шариков, выпиленных из ста восьми человеческих черепов.

На поясе — магический кинжал и *конглинг*
(труба, сделанная из бедренной кости человека).

Handwritten text, likely bleed-through from the reverse side of the page. The text is illegible due to extreme blurriness and low contrast.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многим западным читателям Тибет воображается скрытым за таинственной Дымкой краем неведомого, невообразимого и невозможного. Какими только сверхъестественными способностями ни наделяли обитающих высоко в горах лам, магов, колдунов, некромантов и оккультистов, изолированных от всего мира самой природой да и собственным на то произволением! И с какой готовностью принимают за чистую монету самые невероятные истории о них! Создается впечатление, что в этой Земле Снегов животные, растения и люди для собственного удобства низложили дотоле незыблемые законы физики, химии, физиологии и даже обычного здравого смысла.

Поэтому совершенно очевидно, что ученые, привыкшие к четкости и ясности экспериментального метода, должны относиться ко всем этим забавным историям с известной долей снисхождения, как обычно относятся люди к волшебным сказкам.

Именно таким было и мое умонастроение, пока я не познакомился с г-жой Александрой Давид-Неэль.

В этой известной и мужественной исследовательнице Тибета счастливо сочетаются все физические, моральные

и интеллектуальные качества, которых только можно пожелать человеку, занимающемуся изучением подобного предмета. Я не могу не подчеркнуть это, хотя и рискую уязвить ее скромность.

Г-жа Александра Давид-Неэль свободно говорит и пишет на всех тибетских диалектах. В Тибете и соседних с ним странах она провела четырнадцать лет. Она исповедует буддизм, что стало залогом доверительного отношения к ней самых высокопоставленных лам. Ее приемный сын — посвященный лама; автор книги на себе испытала большую часть духовных практик, упомянутых в книге. Она действительно стала, как сама говорит, настоящей азиаткой, и, что еще важнее для исследователя недоступной ранее страны, это признало и ее окружение.

Но эта азиатка, истинная тибетка, осталась, тем не менее, и европейкой, ученицей Декарта и Клода Бернара; она унаследовала философский скептицизм первого — а ведь именно скептицизм, по словам второго, должен быть неизменным спутником ученого. Приступая к тибетским исследованиям без какой бы то ни было предвзятости и предубежденности, г-жа Давид-Неэль изучала предмет в совершенно свободной и беспристрастной манере.

В курсе лекций, которые я как профессор Коллеж де Франс (на этом посту я сменил моего учителя Клода Бернара) попросил ее прочитать, г-жа Давид-Неэль так подытожила свой опыт:

«Все, что имеет какое-то отношение к паранормальным явлениям и причастным к ним силам, нужно изучать, как изучают любую науку. В этих явлениях нет ничего чудесного, ничего такого, что могло бы подтвердить старые предрассудки или породить новые. С помощью трениров-

ки психики, осуществляемой разумно и с опорой на научные методы, можно достичь необходимых результатов. Именно поэтому сведения об оккультном воспитании — пусть даже оно проводится эмпирическим путем и основывается на положениях, с которыми мы не всегда можем согласиться, — эти сведения представляют собой практическое документальное свидетельство, которое, безусловно, заслуживает нашего внимания.

Мы видим здесь истинно научный детерминизм, далекий как от огульного скептицизма, так и от слепого легковерия.

Исследования г-жи Давид-Неэль в равной мере заинтересуют востоковедов, психологов и физиологов.

ДОКТОР А. Д'АРСОНВАЛЬ

*член Академии наук и Медицинской академии,
профессор Коллеж де Франс,
президент Института общей психологии*

Лама Йонгден

ОТ АВТОРА

Сразу же после выхода в свет моей книги о путешествии в Лхасу появились посвященные ей статьи, в которых, как и в личных беседах со мной, люди выражали желание узнать, как я попала в окружение лам, а также более подробно ознакомиться с учениями и практиками тибетских магов и мистиков.

В этой книге сделана попытка удовлетворить доброжелательное любопытство читателей. Правда, при ее написании я столкнулась с некоторыми трудностями.

Чтобы ответить на поставленные вопросы в том порядке, в каком они были мне заданы, я начала повествование с описания событий, способствовавших моему соприкосновению с религиозным миром лам и окружавших их магов.

Затем я попробовала изложить некоторые характерные эпизоды из теории и практики духовного воспитания тибетцев. Как только в моей памяти, хранящей множество различных эпизодов, всплывал какой-либо факт, имевший отношение к упомянутым вопросам, я тут же его за-

писывала. Поэтому книгу «*Магия и тайна Тибета*»^{*} нельзя назвать путевыми заметками; задумана она совсем иначе.

Во время моих тибетских исследований случалось и так, что однажды полученные о чем-либо сведения дополнялись разной информацией на протяжении еще нескольких месяцев, а то и лет. Поэтому составить адекватное представление о том или ином описанном в книге явлении читатель сможет лишь после того, как узнает о нем всю совокупность сведений, отраженных в разных ее местах.

В дальнейшем я намерена написать более специализированную работу, посвященную анализу тибетского мистицизма и философии.

Как и в предыдущей книге, «*Мое путешествие в Лхасу*», тибетские имена поданы здесь лишь в фонетической транскрипции. Иногда приводится тибетское написание некоторых слов, позволяющее представить, насколько их письменная форма отличается от устной.

^{*} Название французского оригинала книги несколько иное: «*Mystiques et magiciens du Thibet*» — «Мистики и маги Тибета». — Прим. ред.

Бармиаг Кушоғ (см. стр 40).

ГЛАВА I

ТИБЕТ И ЛАМЫ

— И так, решено. Оставляю вам переводчиком Давасандупа. Он проводит вас в Гангток.

Кто мой собеседник? Человек ли он? Желтокожий коротышка в одеянии из оранжевой парчи, на головном уборе сверкает бриллиантовая звезда — не дух ли это, сошедший с окрестных гор?

Его называют *воплощенным ламой* и наследным принцем гималайского престола, но я не уверена, что это человек из плоти и крови. Быть может, он сейчас растворится в воздухе как мираж, исчезнет вместе со своей принаряженной лошадкой и спутниками, облаченными в одежды всех цветов радуги? Он — часть той магии, в которой я прожила эти пятнадцать дней. Вот и этот очередной эпизод сродни сну. Пройдет несколько минут, и я проснусь в настоящей постели, в мире, где не бывает ни духов, ни закутанных в мерцающий шелк «воплощенных лам». В мире, где мужчины носят уродливые темные пиджаки, а на лошадях нет ни инкрустированных серебром седел, ни золоченых попон.

Звук литавр заставляет меня вздрогнуть; два гобоя затянули грустную мелодию. Юный демон сел на своего ми-

ниатюрного скакуна; рыцари и оруженосцы тоже вскочили в седла.

— Я буду ждать тебя, — любезно улыбается мне принц-лама.

Будто со стороны я слышу собственный голос, который обещает, что завтра я отправлюсь в его столицу, и маленький отряд с музыкантами во главе скрывается из виду.

С последними звуками затихающей вдали грустной мелодии рассеиваются и заморозившие меня чары.

Это не сон, все происходит на самом деле. Я в Калимпонге, в Гималаях. И рядом стоит переводчик, которым меня снабдили по прибытии.

Я уже рассказывала о том, что привело меня в Гималаи*. Политическая обстановка вынудила далай-ламу искать прибежища на британской территории. Я поняла, что во время остановки далай-ламы на индийской границе у меня появится уникальная возможность взять у него интервью и расспросить о той особой форме буддизма, которую в основном исповедуют тибетцы.

Очень немногие иностранцы удостоились аудиенции у царствующего монаха в его священном городе в Краю Снегов. Даже будучи в изгнании, он никого не принимал. Из женщин к нему бывали допущены лишь тибетки; полагаю, мое посещение далай-ламы до сих пор является единственным исключением из этого правила.

В то холодное весеннее утро, когда я покидала Дарджилинг, я и представить себе не могла, к чему в конце концов приведет это мое желание. Мне виделась непродолжитель-

* См. мою предыдущую книгу, «Мое путешествие в Лхасу». — Здесь и далее примечания автора, если не оговорено иное.

ная поездка, интересное, но короткое интервью — вместо этого меня ожидали странствия по Азии, затянувшиеся на четырнадцать лет.

В первых дневниковых записях, посвященных этим поездкам, далай-лама выступает любезным хозяином, который приглашает одинокого странника осмотреть свои владения.

Свое предложение он выразил короткой фразой: «Изучайте тибетский язык».

Если правы подданные далай-ламы, которые называют его *Всеведущим*^{*}, тибетский правитель знал, что делал, направив меня не только в свою закрытую столицу Лхасу, но и к учителям-мистикам, а также к таинственным магам, которые живут в его стране чудес и скрываются особенно тщательно.

В Калимпонге царственный лама жил в просторном доме посланника бутанского раджи. Прилегающую к дому территорию украшала аллея, по обе стороны обсаженная высоким бамбуком. На каждом стебле развевался флажок, где в окружении магических формул был изображен *конь-ветер* или написано «*Ом мани падме хум!*».

Свита у правителя-изгнанника довольно многочисленна — больше сотни слуг. Заняты они в основном нескончаемыми разговорами, так что в усадьбе обычно царят покой и безмятежность. Но во время празднеств или перед приемом высокопоставленных гостей появляются целые толпы озабоченных чиновников и слуг. И те и другие выглядывают из всех окон, снуют туда-сюда по прилегающему к дому обширному двору, куда-то спешат, что-то кричат и при этом так похожи друг на друга в своей грязной и

* Тхамстчед мкьенпа.

засаленной одежде, что человек со стороны может легко обмануться относительно занимаемого ими положения.

Блеск, великолепие и этикет Поталы неведомы этой земле изгнания. Глядя на такой придорожный лагерь, где глава тибетской теократии ждет, когда подданные снова возведут его на престол, невозможно даже вообразить, что представлял собою королевский двор в Лхасе.

Когда британские войска ворвались на запретную территорию и, несмотря на все волшебство прославленных магов, прошли маршем по Лхасе, сила варваров-чужеземцев, возможно, и заставила далай-ламу признать их превосходство в материальном отношении. Да и путешествуя по Индии, он видел много такого, что должно было убедить его в способности европейцев управлять материальными силами природы и ставить их себе на службу. Однако его уверенность в умственной ущербности белой расы не пошатнулась — и в этом он был не более чем солидарен с жителями всей Азии, от Цейлона до северных границ Монголии.

Женщина, что-то смыслящая в буддизме, — это казалось далай-ламе непостижимым.

Если бы во время нашей беседы я вдруг исчезла, он удивился бы меньше. Скорее его изумляло то, что я существую. Но поверив наконец в это, после моего «Учитель» он вежливо осведомился, как я узнала о Будде. По его мнению, такие сведения можно было получить только от жителя Азии. И мне стоило больших трудов убедить его в том, что один из наиболее почитаемых буддийских текстов «Гьячер ролпа», изложенный по-французски Э. Фуко, профессором из Коллеж де Франс, был переведен с тибетского еще до моего рождения.

— Ну ладно, — нехотя произнес он. — Может, и нашлись иностранцы, которые изучили наш язык и прочли наши священные книги, но они наверняка ничего в них не поняли.

— Это был мой шанс, и я поспешила им воспользоваться:

— Это действительно так. Я сильно подозреваю, что тибетское религиозное учение истолковано европейцами неверно, и пришла сюда именно затем, чтобы просветиться.

Мои слова понравились далай-ламе, и он охотно ответил на все заданные ему вопросы, а некоторое время спустя передал мне изложенные на бумаге детальные пояснения, касающиеся тех или иных тем, затронутых в нашем разговоре.

Принц Сиккима и его эскорт скрылись из виду; мне же оставалось только сдержать слово и тоже приготовиться к отъезду в Гангток. Но перед тем как пуститься в путь, нужно было кое-что выяснить.

Накануне вечером я видела, как далай-лама благословляет паломников — он делает это совсем иначе, чем Папа Римский, одним жестом благословляющий многотысячную толпу. Тибетцы в этом отношении более требовательны, и каждый из них ожидает своей очереди.

Кроме того, в ламаизме манера благословения зависит от занимаемого человеком социального положения. Того, кого далай-лама уважает больше всех, он благословляет, возлагая ему на голову обе руки. В остальных случаях кладется одна рука, два пальца или даже один. Последними в этой иерархии идут те, кто получает благословение в виде

легкого касания разноцветными лентами, прикрепленными к короткому жезлу.

В любом случае важен прямой или опосредованный физический контакт между ламой и верующим. Ламаисты считают его необходимым, поскольку цель ритуала — получение не Божьего благословения, а части исходящей от ламы живительной силы.

Я поняла, какой большой популярностью пользуется далай-лама, когда увидела огромное множество людей, прибывших в Калимпонг за царственным прикосновением.

Чтобы подойти к далай-ламе, люди выстаивали в очереди по несколько часов. Я заметила, что среди участников процессии были не только ламаисты, но и индусы из Непала и Бенгалии.

Одного из тех, кто, стоя поодаль, просто смотрел на происходящее, внезапно охватил религиозный энтузиазм, и теперь этот человек спешил влиться в толпу благоговящих.

Наблюдая за ним, я заметила сидящего на земле и слегка склонившегося набок мужчину. Спутанные волосы обвивали его голову наподобие тюрбана — такая прическа распространена у индусов-аскетов. Однако черты его лица не напоминали индийские; одет он был в грязную и во многих местах порванную одежду ламаистского монаха.

Поставив около себя небольшую сумку, бродяга пренебрежительно — так мне показалось — разглядывал толпу.

Указав на него Давасандупу, я спросила, кто этот гималайский Диоген.

— Скорее всего, это странствующий *налджорпа*^{*}, — ответил тот. Видя мой вопросительный взгляд, предупредительный переводчик подошел к этому человеку и завел с ним разговор.

Когда он опять подошел ко мне, выражение его лица было серьезным:

— Этот лама — бродяга-аскет из Бутана. Ночует где придется — в пещерах, пустых строениях, просто в лесу. На несколько дней он остановился в маленьком монастыре неподалеку отсюда.

Когда принц со свитой растворились вдали, я вспомнила об этом скитальце. У меня не было четких планов на день — так почему бы не пойти в *гомпа* (монастырь), где поселился этот монах, и не попробовать с ним поговорить? Действительно ли он насмеялся над далай-ламой и верующими, как это мне показалось? Если да, то почему? Может, за этим кроется нечто весьма любопытное.

Я поделилась своими планами с Давасандупом, и он согласился составить мне компанию.

Мы оседлали лошадей и быстро доехали до *гомпа*, оказавшегося всего лишь просторным деревенским домом. *Налджорпу* мы нашли в *лха-кханге*, помещении, где хранятся священные изображения. Сидя на мягкой подстилке за низким столиком, он заканчивал трапезу. Нам тоже принесли подстилки и предложили выпить чаю.

С ламой трудно было разговаривать, так как его рот был набит рисом; в ответ на наше вежливое приветствие он лишь что-то промычал.

* Слово «налджорпа» (пишется как *рнал хбйорпа*) буквально переводится «достигший безмятежного спокойствия», но обычно понимается как «аскет, овладевший магической силой».

Я как раз обдумывала, какой бы фразой растопить лед, когда этот странный субъект рассмеялся и тихо пробормотал несколько слов.

Давасандуп смутился.

— Что он сказал? — спросила я.

— Прошу прощения, — ответил переводчик. — *Налджорны* иногда выражаются грубо. Я не уверен, что это нужно переводить.

— Пожалуйста, переведите, — попросила я. — Я ведь для того и приехала, чтобы все записывать — особенно интересные и самобытные вещи.

— Ну, тогда, извините, он сказал: «Зачем сюда пришла эта идиотка?»

Я не очень удивилась такой неучтивости, так как в Индии у некоторых йогов тоже есть привычка оскорблять каждого, кто к ним приблизится.

— Скажи, что я пришла спросить, почему он насмеялся над теми, кто просил благословения у далай-ламы.

— Их раздуло от ощущения собственной важности и важности того, что они делают. Насекомые, копошащиеся в нечистотах, — процедил *налджорна* сквозь зубы.

Высказывание было довольно туманным, однако именно такого стиля речи и можно было ожидать от нашего собеседника.

— А вы, — спросила я, — вы сами всегда можете избежать грязи?

Он громко расхохотался:

— Тот, кто ее избегает, вязнет в ней еще больше — я же, как свинья, катаюсь в грязи. Я пропускаю ее через себя и превращаю в золотую пыль, в ручьи чистой воды. Сотворить звезду из собачьего дерьма — это великое дело!

Далай-лама (стр. 17).

Личная резиденция его высочества Ситкеонга Намгьяла, магараджи Сиккима и ламы *тулку*, окруженная дворцовыми садами (стр. 29).

Было ясно, что этот тип просто валяет дурака.

— По-вашему, эти паломники совершают ошибку, пытаясь воспользоваться присутствием далай-ламы и получить его благословение? Они ведь самые обычные люди и не могут подняться до понимания высшего учения...

Но *налджорна* перебил меня:

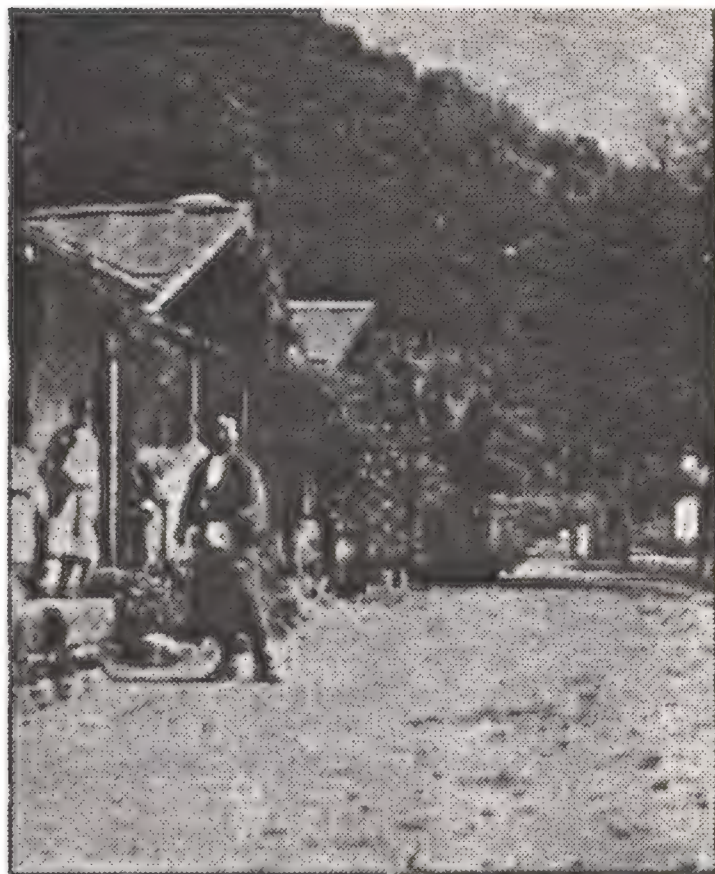
— Чтобы от благословения был толк, благословляющий сам должен обладать той силой, которую хочет передать другим. Если бы Благородный Покровитель (далай-лама) владел такой силой, то разве для войны с Китаем или еще кем-то ему нужны были бы солдаты? Разве не мог бы он выпроводить всех неудобных ему за пределы Тибета и оградить свою страну невидимым, но непреодолимым барьером? У рожденного в лотосе гуру* была такая сила. И его благословения до сих пор помогают тем, кто почитает его, обитающего ныне в далеком краю ракшасов. Я всего лишь смиренный ученик, и все же...

«Смиренный ученик» показался мне слегка не в своем уме и весьма тщеславным — настолько многозначительным взглядом он сопровождал свое «и все же».

Между тем мой переводчик явно чувствовал себя неловко. Он искренне уважал далай-ламу и с трудом переносил критику в его адрес. С другой стороны, человек, способный «творить звезды из собачьего дерьма», внушал Давасандупу суеверный ужас.

Уже собираясь уходить, я дала Давасандупу несколько рупий с тем, чтобы он вручил их ламе: если я правильно поняла, тот собирался следующим утром пуститься в путь.

* Имеется в виду Падмасамбхава, проповедовавший в Тибете в VIII веке.

Давасандуп в своей школе в Гангтоке (стр. 37).

Мальчики из школы Давасандупа (стр. 37).

Налджорне не понравился мой подарок. Он отказался, заявив, что у него съестных припасов и так уже больше, чем он в силах унести.

Давасандуп решил настоять. Он сделал несколько шагов вперед, намереваясь положить деньги около ламы на стол. Внезапно он пошатнулся, будто от сильного толчка, и отлетел к стенке, ударившись о нее спиной. Давасандуп закричал и схватился за живот. *Налджорна* встал и с презрительной усмешкой покинул комнату.

— На меня словно налетел чудовищный порыв ветра, — проговорил Давасандуп. — Лама разгневан. Как его теперь успокоить?

— Давай уйдем, — сказала я. — Может, лама тут вовсе ни при чем, а просто у тебя пошаливает сердце и надо обратиться к врачу.

Переводчик, бледный и встревоженный, ничего не ответил. Сказать тут действительно было нечего. Мы вернулись домой, но мне так и не удалось его успокоить.

На следующий день мы отправились в Гангток. Шли по протоптанной мулами тропе, которая вела вглубь Гималаев, священной земли, где, по индийским преданиям, обитают знаменитые мудрецы, суровые маги, боги и отшельники.

Летние курорты, построенные иностранцами на границе этой потрясающей горной страны, еще не успели изменить лик Гималаев. Стоит удалиться на несколько километров от гостиниц, где представители западного мира танцуют и слушают джаз, как взору открываются бескрайние просторы девственных лесов.

Окутанное клубящимся туманом, задрапированное синевато-серыми и зелеными мхами сказочное войско де-

ревьев словно охраняет узенькие тропинки, загадочными жестами предостерегая путника или угрожая ему. Весь этот край, от роскошных лесов в долинах до покрытых вечными снегами горных вершин, погружен в какие-то таинственные чары.

Именно в такой местности должно безраздельно властвовать волшебство. Здесь так называемые буддисты — по существу шаманы, а то и медиумы: чуть ли не в каждой хижине живут *бёны*, *наво*, *бунтинги* и *йабы* обоих полов; все они умеют общаться с богами, демонами и мертвецами.

Мы переночевали в Пакъйонге и на следующий день достигли Гангтока.

Неподалеку от этой деревни-столицы нас неожиданно застигла жестокая буря с градом.

Тибетцы считают, что погодные явления подчиняются демонам и магам. А буря с градом — излюбленное оружие как первых, так и вторых. Демоны используют ее, чтобы не дать паломникам достичь святых мест, а уединенно живущие маги таким способом ограждают себя от незваных гостей и отпугивают малодушных кандидатов в ученики.

Спустя несколько недель суеверный Давасандуп признался, что справлялся у *мона* (прорицателя), что может означать эта внезапная буря в чудесный ясный день. Оракул заявил: хоть местные боги и святые ламы и относятся к гостю без враждебности, но если она попытается жить на *Земле монахов*, как тибетцы называют свою страну, то столкнется со многими трудностями.

Пророчество не преминуло исполниться: трудностей оказалось с лихвой!

Его высочество Сидкеонг Намгьял, наследный принц Сиккима, оказался истинным ламой: он был настоятелем монастыря, принадлежащего секте карма-кагью, а также *тулку*^{*}, считавшимся воплощением своего дяди, ламы блаженной памяти.

Согласно обычаю, он был отдан в монахи еще ребенком; в молодости принц Сиккима провел несколько лет в возглавляемом им ныне монастыре.

Именно его, а не старшего сына магараджи, британское правительство предпочло видеть престолонаследником; в наставники и телохранители ему был определен англазизированный индеец. Эту чужеродную составляющую его образования увенчало короткое пребывание в Оксфорде и кругосветное путешествие.

Сидкеонг-*тулку*^{**} знал английский язык лучше, чем родной тибетский. Он свободно говорил на хиндустани и немного по-китайски. Дом, который он построил в отцовском саду, представлял собой помесь английского коттеджа и тибетского храма. Столь же противоречив был и интерьер: первый этаж меблирован в английском стиле, а на втором — тибетская гостиная и молельня с ламаистскими изображениями.

Молодой принц отличался необычайной широтой взглядов. Он сразу же проникся интересом к моим исследованиям и с огромным рвением оказывал мне посильную помощь.

* Тулку — монах высшего ранга, которого за пределами Тибета называют «живым Буддой». См. гл. III, раздел «Живые будды».

** В тибетском языке титулы и тому подобные отличительные звания ставятся после имени.

Приехав в Сикким, я посвятила какую-то часть своего времени посещению разбросанных по лесам монастырей. Живописные, расположенные в основном на горных отрогах, они поразили мое воображение. Я представляла, что в этих деревенских домишках обитают чуждые мирских сует и притязаний мыслители, проводящие целый день в спокойствии и глубокой медитации.

Однако монастыри оказались не совсем такими, как я их себе рисовала. Сиккимские монахи в массе своей неграмотны и не выказывают ни малейшего желания что-либо изучать — даже буддизм, который исповедуют. Свободного времени им тоже не хватает. *Гомпы* в Сиккиме на редкость бедны: доходы их мизерны, а богатых меценатов нет. И *траппы* вынуждены сами зарабатывать себе на жизнь.

Зарубежные авторы обычно всех без разбора представителей ламаистского духовенства называют ламами, но в Тибете заведено иначе. Ламами* имеют право называться лишь такие высокопоставленные духовные лица, как *тулку*, настоятели больших монастырей, главы крупных духовных учебных заведений, а также монахи, которые получили высшие ученые степени. Все же прочие, даже если они посвящены в *гелонги*, зовутся *траппами* (учениками). Тем не менее ко всем пожилым и высокоученым монахам принято вежливо обращаться «лама».

В Сиккиме многие *траппы*, считающиеся в своем кругу просвещенными, умеют отправлять лишь несколько религиозных ритуалов. Они учат этому новообращенных, за что получают плату натуральными продуктами, иногда мелкими деньгами, — но в основном ученики просто поступают им в услужение. Главным же источником доходов

* Пишется *блама*, что значит «исключительный, непревзойденный».

трапп остается выполнение их священнических обязанностей.

Ортодоксальный буддизм не допускает религиозных обрядов, и ученые ламы считают, что даровать человеку просветление невозможно — оно может быть достигнуто лишь благодаря его собственным усилиям. Однако многие люди верят в эффективность определенных ритуалов, направленных на излечение от болезней, достижение материального успеха, победу над злом и сопровождение душ умерших в мир иной.

Отправление погребальных ритуалов — основная обязанность гималайских монахов, которую они выполняют с энтузиазмом, если не сказать с удовольствием. Последнее объясняется тем, что семья умершего должна устроить один-два обеда для монахов того монастыря, к которому был прикреплен покойный. А *траппы*, которые непосредственно совершают обряд погребения, получают еще и вознаграждение деньгами или натурой.

Эти монахи-крестьяне настолько бедны и так плохо питаются, что им трудно сдержать радость при известии о смерти деревенского богача — ведь оно сулит им пиршество в течение нескольких дней.

Взрослые обычно скрывают свои чувства, но дети-новички, пасущие в лесу скот, бывают забавно непосредственны.

Однажды, когда я прогуливалась по лесу, издалека доносились еле уловимые звуки духовых инструментов. Игравшие рядом юные пастушки тотчас остановились, внимательно прислушиваясь. Звук повторился. Дети все поняли:

— Раковины! — сказал один.

— Кто-то умер! — добавил другой.

Они замолчали, глядя друг на друга блестящими от радости глазами.

— Нам дадут мясо! — прошептал кто-то из них.

Во многих деревнях существует конкуренция между священнослужителями-ламаистами и колдунами. Однако вражды между ними, как правило, не возникает. Конкуренты обычно в большей или меньшей степени верят в способности друг друга. Правда, к ламе относятся более почтительно, чем к колдуну-бёну, исповедующему древнюю веру коренных жителей, или *нгагсна* — магу, принявшему официальную религию. С другой стороны, бён и *нгагсна* считаются более сведущими в обращении с враждебными человеку демонами и душами умерших.

Узнать, каким образом совершающий обряд лама освобождает душу из тела покойного и указывает ей дорогу в мир иной, мне помог случай. Как-то раз, возвращаясь с прогулки по лесу, я услышала резкий пронзительный крик, не похожий на звуки, которые могли бы издавать известные мне животные. В течение нескольких минут этот крик дважды повторился. Стараясь не шуметь, я крадучись пошла на звук и обнаружила хижину, совсем незаметную из-за ее небольших размеров.

Притаившись в кустах, я стала наблюдать за тем, что происходило вдали от любопытных глаз.

Под деревом, прикрыв веки, сидели погруженные в медитацию двое монахов.

— Хик! — пронзительно взвизгнул один.

— Хик! — спустя какое-то время откликнулся второй. Так повторялось несколько раз; вопли перемежались про-

должительными паузами, во время которых монахи оставались недвижимы.

Было видно, что эти крики даются им ценой немалых усилий и идут из самого нутра. Через некоторое время один из *трапп* взялся за горло; на его лице отразилась мука, и, повернув голову набок, он выплюнул на землю сгусток крови. Второй что-то сказал ему, и монах, ничего не ответив, пошел к хижине.

Я заметила, что в его темя вертикально воткнута длинная соломинка. Что могло бы означать такое украшение?

Пока *траппа* был в лачуге, а его напарник сидел ко мне спиной, я поспешила скрыться.

Встретив Давасандупа, я поинтересовалась, чем были заняты эти люди и почему они издавали такие странные звуки.

Он пояснил, что это были ритуальные крики над новопреставленным; цель их состоит в том, чтобы освободить его душу и позволить ей выйти сквозь родничок, который открывают в темени человека магические слова.

Успеха может достичь только тот лама, которому право кричать «хик» даровано опытным наставником и который делает это с надлежащей интонацией и силой. После «хик!» следует выкрик «*пхат!*». Но монахи-ученики, подобные тем, которых я нечаянно подслушала, ни в коем случае не должны произносить «*пхат*». Сочетание этих двух звуков неизменно влечет за собой отделение души от тела, и лама, правильно произнесший их наедине с самим собой, тотчас умрет.

Если же лама отправляет обряд, смерть ему не грозит, поскольку, действуя согласно полномочиям, он занимает

место покойника — заменяет его голос своим, и сила магических слов оказывается направленной на умершего.

Когда наставник пожалует ученику право отделять душу от телесной оболочки, тот должен научиться правильно выкрикивать «хик!». Считается, что ученик достиг такого умения, если воткнутая в его макушку соломинка стоит прямо столько времени, сколько требуется. Выкрик «хик!» открывает в темени маленькое отверстие, в которое и вставляется соломинка. У покойника же образуется щель значительно больших размеров — иногда такая, что в нее можно просунуть мизинец.

Давасандуп живо интересовался всем, что касалось смерти и загробного мира. Через пять или шесть лет после нашего знакомства он перевел классическую тибетскую книгу о странствованиях мертвых в ином мире*.

Кроме меня, еще несколько приезжих — то ли исследователей Востока, то ли британских чиновников — смогли оценить Давасандупа по достоинству, воспользовавшись его услугами. Однако у меня есть все основания полагать, что никто не узнал его так досконально, как я. Давасандуп был оккультистом и даже в каком-то смысле мистиком. В надежде обрести сверхъестественные способности он стремился к тайной связи с дакини** и навевающими ужас богами. Его невыразимо влекло ко всему, что касалось невидимого глазу таинственного мира. Однако необходимость зарабатывать на хлеб насущный лишила его воз-

* «Бардо тодол», тибетскую «Книгу мертвых».

** Дакини — санскритское название богинь, употребляемое также в тибетской мистической литературе. По-тибетски их зовут мках хгрома; произносится «кандома». Часто их называют матерями и наделяют умением передавать тайные и трудные для понимания учения.

возможности посвящать достаточное время исследованиям в интересующей его области.

Родился Давасандуп в Калинпонге; предками его были горцы — бутанцы или сиккимцы из тибетского рода завоевателей. Он выучился грамоте и окончил школу для тибетской молодежи в Дарджилинге.

Поступив на британскую правительственную службу, он работал переводчиком в Бэйкс-Дуаре, на южной границе Бутана. Там же он встретил ламу, ставшего его духовным наставником.

По словам Давасандупа, относившегося к учителю с глубоким уважением, я составила примерное представление об этом наставнике. Судя по всему, это был добрый и отзывчивый человек, похожий на тех лам, с которыми меня сводила судьба; какими-то знаниями он, безусловно, обладал, а недостаток таковых восполнял суевериями.

Однако от остальных лам он отличался тем, что в свое время имел наставником истинного праведника, чья смерть заслуживает отдельного рассказа.

Этот святой лама был отшельником и занимался мистическими медитациями в одном из глухих уголков Бутана. Как это часто случается, у него в услужении находился ученик. Как-то к отшельнику пришел один набожный благотворитель и дал денег, чтобы лама закупил себе на зиму достаточно провизии. Подстрекаемый алчностью ученик ударил своего наставника ножом, схватил серебро и убежал. Старик не умер сразу, он пришел в сознание вскоре после того, как убийца скрылся. Раны доставляли ему невыносимые страдания, и, чтобы не чувствовать боли, лама погрузился в медитацию.

Силой концентрации мысли тибетские мистики могут полностью избавиться от боли или по крайней мере на много уменьшить ее.

Через несколько дней к ламе пришел второй его ученик и обнаружил учителя неподвижно скорчившимся на одеяле. В нос ученику ударил тлетворный запах, он увидел обогренную кровью подстилку. Ученик бросился к наставнику с расспросами; тот все рассказал, но в ближайший монастырь за врачом идти запретил.

— Если обо всем узнают монахи и крестьяне, они станут разыскивать виновного, — пояснил отшельник, — а уйти далеко он не мог. Если его найдут, то могут и убить. Этого я допустить никак не могу. Может, однажды он станет на праведный путь — в любом случае я не буду причастен к его смерти. Так что никому не рассказывай о том, что видел. А теперь иди, оставь меня одного. Во время медитации я не страдаю, но, когда возвращаюсь в сознание, боль становится невыносимой.

На Востоке приказы такого рода не подлежат обсуждению. Ученик пал ниц перед своим гуру* и ушел. Через несколько дней отшельник умер у себя в хижине.

Хоть Давасандуп и восхищался от всей души поведением святого ламы, подобные высоты духа были не для него — он и сам это смиренно признавал.

Бичом Давасандупа была часто встречающаяся среди его соотечественников тяга к спиртному. Он любил выпить, и это еще больше усиливало свойственную ему вспыльчивость, из-за чего однажды он чуть не убил чело-

* На санскрите гуру означает «духовный отец и проводник». Это в основном книжное выражение, часто используемое тибетскими мистиками.

века. Во время нашего пребывания в Гангтоке я старалась как-то повлиять на него. Я убеждала его полностью отказаться от популярных среди буддистов горячительных напитков. Но такой подвиг был ему не по плечу. Он не мог противостоять влиянию своего окружения, где считается, что выпить и оставить на дне бокала свой разум — это именно то, что должен делать истинный ученик Падмасамбхавы*.

Когда мы с Давасандупом познакомились, он уже оставил правительственную службу и стал директором тибетской школы в Гангтоке. В этой роли он был просто неподражаем.

Это был страстный книголюб. Куда бы он ни шел, всюду брал с собой книгу. Погрузившись в нее, как погружаются в транс, он забывал обо всем на свете, забывал о том, где находится. Ученые толкования текстов, продолжительные беседы с ламами и отправление оккультных ритуалов постоянно отвлекали его от школы. Часто возникало ощущение, что он забыл о самом факте ее существования.

Иногда Давасандуп целый месяц не появлялся в классе, оставляя учеников на попечение заместителя. Тот и вовсе о них не заботился, нимало не опасаясь потерять работу.

Предоставленные самим себе, мальчики резвились, бродили по лесу, забывая то небольшое, что успели выучить.

Однако настал день, когда Давасандуп, грозный, как Судия Мертвых, внезапно предстал перед учениками. Те уже знали, что их ждет, и дрожали от страха.

* Падмасамбхава принадлежал к пришедшей в упадок секте тантрического буддизма. Но вопреки тому, что в оправдание своего пьянства утверждают его последователи, о его пристрастии к алкоголю нет никаких свидетельств.

Они выстраивались перед экзаменатором, и тот задавал вопрос мальчику, стоящему в самом начале или в конце шеренги.

Если ребенок отвечал неправильно или вообще ничего не говорил, вопрос переадресовывался его соседу, который в случае верного ответа должен был ударить невежду по лицу и стать на его место.

Жертве опять задавался вопрос. Если результат был тот же, что и в первый раз, вызывался третий в шеренге. Ответив правильно, третий тоже должен был ударить проштрафившегося и занять его место.

Несчастный мальчонка, ошеломленный всеми этими издевательствами и схлопотав целую дюжину затрещин, перемещался таким образом в самый конец шеренги.

Не часто, но случалось, что бок о бок стояли несколько ничего не знавших ребятишек. Тогда наиболее «эрудированному» в группе поручалось бить товарищей; если же никто из учеников не мог ответить на вопросы, Давасандуп карал их сам.

Некоторым детям было жаль бить своих однокашников, и они только имитировали удар. Но Давасандуп был тут как тут.

— Подойди-ка сюда! — говорил он с недоброй улыбкой. — Ты не знаешь, как это делается, мой мальчик. Я покажу тебе. — Бах! — и его тяжелая ладонь со всего маху впечатывалась бедному пареньку прямо в лицо. После этого мальчик должен был продемонстрировать на щеке друга, хорошо ли он усвоил урок своего страшного учителя. Наказания полагались и за другие, не связанные непосредственно с учебой, промашки. В этой странной школе, где ни о какой дисциплине и слыхом не слыхивали, изобрета-

тельный Давасандуп усматривал нарушения несуществующих правил этой самой дисциплины. В наказание он заставлял провинившегося вытянуть вперед руку и бил мальчика по ладони специально заготовленной для таких случаев длинной и тяжелой тростью. Удары он отсчитывал сам.

Манипулируя своим оружием, Давасандуп исполнял что-то вроде дикарского боевого танца, подпрыгивая и сопровождая каждый удар истошным воплем «хэн!». Это наказание при активном, хоть и невольном участии жертвы, чья боль заставляла Давасандупа притопывать, извиваться и вскрикивать, походило на какую-то сатанинскую пляску. Зайдя как-то раз в школу, я стала свидетельницей одной из таких сцен; дети, с которыми у меня сложились приятельские отношения, без утайки поведали мне о воспитательных методах их учителя. После нескольких дней такого интенсивного наставничества Давасандуп опять забывал об учениках.

Я бы могла поведать о моем славном переводчике еще много историй — некоторые из них, вполне в духе Бокаччо, показались бы довольно забавными. Давасандуп был не только оккультистом, школьным учителем и писателем. Однако, мир праху его, я не хочу умалять его достоинств. Это был симпатичный и интересный человек, благодаря своему упорству ставший настоящим эрудитом. Считаю, мне повезло, что мы были знакомы; с признательностью возвращаю ему свой долг.

Также могу сообщить, что Давасандуп является автором первого и пока единственного англо-тибетского словаря; свои дни он окончил профессором тибетского языка в университете Калькутты.

Я очень обрадовалась, когда узнала от принца-тулку, что из знаменитого университета Ташилхунпо* приезжает настоящий тибетский доктор философии; остановиться он планирует в монастыре Энче близ Гангтока. Еще принц ожидал ламу, уроженца Сиккима, который учился в Тибете, а теперь возвращался домой.

Вскоре у меня появилась возможность встретиться с этими двумя людьми и убедиться, что они действительно выдающиеся ученые.

Доктора философии звали кушог** Чёсдзед. Он являлся потомком древнего рода тибетских правителей. Несколько лет он был политическим заключенным. Именно тюремная пища, утверждал он, стала причиной его слабого здоровья.

Принц Сиккима очень высоко ценил ученых мужей. Он с радостью приютил беглеца и назначил его настоятелем *гомпа* Энче, а также вверил ему почти два десятка новичков, которых лама должен был обучать грамматике и знакомить со священными текстами.

Кушог Чёсдзед был *гэлугпа*, то есть последователем преобразованной секты, основанной Цзонхавой около 1400 г. Ее часто называют сектой «желтошапочников».

Если бы иностранные авторы, резко противопоставляющие учение и религиозные практики «желтошапочников» и «красношапочников», вдруг оказались в монастыре Энче, они быстро поняли бы свою ошибку, увидев, как настоятель-гэлугпа правит службу перед монахами-красношапочниками.

* Около Шигадзе, центра провинции Цанг.

** Кушог — тибетский аналог английского «сэр».

Не знаю, занимался ли этот лама серьезно медитациями, — может, он был и мистиком. Но что не подлежало сомнению, так это его обширнейшие знания. Его память была сродни удивительной библиотеке, где всегда можно открыть нужную книгу на нужной странице и найти ответ на любой вопрос. Без малейших усилий он целыми страницами цитировал различные тексты из книг, повествующих о ламаизме, буддийской философии, тибетской истории и мирской литературе.

В Тибете подобная эрудиция не редкость, однако точные суждения кушога Чёсдзеда, его тонкое проникновение в оттенки смысла были исключительны.

Возможно, из-за боязни показаться назойливым, а может, из-за высокого социального положения (по рождению он был более знатен, чем его покровитель), лама редко посещал принца в его особняке — лишь когда требовалась консультация по вопросам, касающимся монастыря.

Временами он заходил ко мне, но как правило я сама карабкалась к его *гомпа* на вершину возвышающейся над Гангтоком горы.

После нескольких наших бесед лама, подозрительный, как и большинство азиатов, придумал забавную уловку, с помощью которой решил проверить мое знание буддизма и то, насколько я понимаю это учение. Однажды, когда мы были в его комнате, он вытащил из ящика лист бумаги с длинным списком вопросов и очень вежливо попросил меня здесь же на них ответить. Предложенные темы были трудны для понимания и выбирались, без сомнения, с тем, чтобы сбить меня с толку.

Я с честью выдержала испытание; мой экзаменатор был, очевидно, доволен. Он признался, что до этого мо-

мента не верил, что я исповедую буддизм. Не зная, как истолковать мой интерес к религии лам, он опасался, что помышления у меня самые недобрые.

Совсем успокоившись, он стал относиться ко мне очень доверительно.

Второй лама, тоже вскоре прибывший в Гангток, приехал из монастыря Толунг Цурпху, что расположен недалеко от Лхасы. Там он учился в молодые годы, а теперь возвращался в ранге секретаря главы школы кармапа, одной из основных сект «красношапочников».

Его величали Бермиаг-кушог («досточтимый из Бермиага»), поскольку он приходился сыном правителю этой земли и был одним из немногих представителей сиккимской знати, происходивших из коренного населения этих мест — *лепча*.

Как и кушог Чёсдзед, он был посвящен в *гелонги* и дал обет безбрачия. Жил он как духовник магараджи во дворце.

Почти каждый день он шел через сады ко дворцу наследного принца. Там в небольшой, обставленной в английском духе гостиной мы вели долгие разговоры о вещах, которые западному человеку совсем неизвестны.

Мне нравится вспоминать эти беседы, которые постепенно приподнимали завесу, скрывающую истинный Тибет и его мир монахов.

Сидкеонг-тулку, всегда в парчовом одеянии, восседал на диване. Я занимала кресло напротив него; между нами стоял столик. И у принца, и у меня были маленькие чашечки из китайского фарфора, серебряные блюда и крышеч-

ки, формой напоминающие крышу пагоды и усыпанные кораллами и бирюзой.

Досточтимый из Бермиага, облаченный в величественные одежды темно-красного цвета, сидел рядом с Сидкеонгом-тулку. У него тоже были блюдечко и чашечка, но уже без крышечки. Что касается часто присутствовавшего на этих встречах Давасандупа, он сидел на манер портного («в позе лотоса», как говорят на Востоке) у наших ног, и к его чашке, поставленной на ковер, не прилагалось ни блюдца, ни крышки. Таким образом, все было устроено сообразно со сложным и очень строгим тибетским этикетом.

Пока Бермиаг-кушог, ученый и велеречивый оратор, говорил, нам щедро наливали тибетский чай, приправленный маслом и солью. Чашку такого чая цвета увядших роз зажиточные тибетцы всегда имеют под рукой. Крылатое выражение, обозначающее богатого человека, гласит, что у того «губы всегда влажны от чая или пива». Однако в знак уважения к ортодоксальным принципам буддизма, которых я придерживалась, на этих встречах подавался только чай.

Юный прислужник вносил большой серебряный чайник. Нес он его около плеча, потом заученным жестом, словно участвуя в каком-то ритуале, опускал вровень с нашими чашками. Несколько дымящихся в углу комнаты палочек распространяли вокруг сильный аромат, который не был мне знаком ни по Индии, ни по Китаю.

Временами из стоящей в стороне от дворца башни долетали приглушенные звуки торжественной и грустной мелодии. А лама Бермиаг все рассказывал о жизни и мыслях мудрецов и магов — некоторые из них давно умерли,

некоторые жили в наши дни, жили на запретной земле, граница которой была так близко...

Именно кушогу Чёстзеду и Бермиаг-кушогу я обязана знакомством с традиционными ламаистскими верованиями о смерти и потустороннем мире — верованиями, о которых большинство иностранцев даже понятия не имеют.

Поскольку один лама был красношапочником, а другой желтошапочником, я могла быть уверена, что услышанное мною является неким общим мнением, а не позицией одной из сект.

Более того, в последующие годы я много раз общалась с другими ламами на эти же темы. Для удобства чтения я кратко изложу полученные сведения.

Смерть и потусторонний мир. Непосвященные, как правило, считают, что буддисты верят в перевоплощение душ и даже в метемпсихоз. Это ошибочное мнение. Буддизм учит, что если живое существо умирает, то произведенная его духовной и физической активностью энергия становится началом нового духовного и физического бытия.

Обо всем этом существует множество утонченных теорий, и тибетские мистики, очевидно, более глубоко, чем остальные буддисты, проникли в суть подобных представлений.

Однако в Тибете, как и везде в мире, философов способны понять лишь избранные. Простым людям, хоть они и твердят традиционное «ничто в мире не постоянно» или «никакого «я» не существует ни в человеке, ни где-либо еще», все же более доступна вера в то, что есть некая субстанция, переходящая в разных обликах из одного мира в другой.

Представления ламаистов о том, что происходит с человеком сразу после смерти, отличаются от буддийских толкований, распространенных в таких южных странах, как Цейлон, Бирма и Сиам. Тибетцы утверждают, что через некоторое время после того, как человек умирает, он возрождается в облике представителя одного из шести известных видов живых существ*.

Согласно бытующим представлениям, от совершённых в предыдущей жизни добрых и злых дел зависит то, к какому из шести классов существ будет в следующей жизни принадлежать человек и какими будут условия его существования.

Более просвещенные ламы утверждают, что от мыслей и поступков человека (как и любого другого существа) происходят те или иные формы сродства, которые естественным образом приводят его к бытию, этим формам соответствующему.

Другие говорят, что человек своими делами и прежде всего своей духовной деятельностью влияет на саму свою сущность, обретая качества бога, животного или кого-то еще.

Эти взгляды отличаются от традиционно буддийских очень незначительно. Но среди ламаистских построений имеются и более оригинальные.

Прежде всего необходимо заметить, что в ламаизме придается большое значение интеллекту — еще большее, чем в учениях буддизма махаяны.

В Тибете говорят: «Тому, кто знает, как взяться за дело, будет хорошо и в аду». Эта пословица лучше любых опре-

* См. стр. 329.

делений и разъяснений дает понять, что ламы подразумевают под словом *тхабс* — метод.

В то время как большинство буддистов убеждены в четкой зависимости судьбы умершего от его моральных качеств, ламы утверждают, что человек, знакомый с правильным «методом», свою посмертную участь может и улучшить. Иными словами, он может добиться того, что родится вновь в более благоприятных условиях.

Они говорят: «настолько благоприятных, насколько это возможно», так как интеллект интеллект, но груз совершённых поступков — огромная сила. Она бывает столь мощной, что никакие старания усопшего или его посвященного духовника не в состоянии спасти душу от вселения в какое-нибудь жалкое существо. Немного позже мы поговорим о подобных трудностях.

Отталкиваясь от идеи чрезвычайной важности «метода» и «умения», ламы полагают, что мало научиться хорошо жить: человек должен еще научиться хорошо умирать и «хорошо вести себя» в другом мире.

Предполагается, что посвященные, ознакомленные с тайным учением, знают, что ожидает их после смерти, а ламы-созерцатели еще в этой жизни способны предвидеть и испытать чувства, сопровождающие смерть. Поэтому они не удивятся и не обеспокоятся, когда почувствуют, что их нынешняя личность распадается. То, что продолжит существование и осознанно войдет в другой мир, сумеет узнать новые места и ведущие к ним дороги и тропинки.

Чем является то, что продолжает быть после смерти физической оболочки? Это особое «сознание», одно из нескольких, различаемых ламаистами. «Сознание я», или же, другими словами, «воля к жизни».

Для обозначения того, что странствует между мирами, — по этому пути однажды последуем и мы — я буду использовать слово «душа». Оно не является точным эквивалентом тибетского *йид кий рнампар шеспа*, однако западный человек к нему привык. К тому же ни в одном из европейских языков не найдется более точного варианта перевода.

Как уже говорилось, посвященный в таинство способен, по мнению тибетцев, пребывать в ясном уме, пока его личность подвергается разрушению, и полностью осознавать переход из одного мира в другой. Следовательно, такой человек не нуждается ни в помощи в последние часы жизни, ни в каких-либо религиозных ритуалах после смерти.

Однако с обыкновенными смертными дело обстоит иначе.

Под обыкновенными смертными следует разуметь всех — как монахов, так и мирян, не изучивших науку смерти; естественно, большинство людей попадает в эту категорию.

Ламаизм не бросает этих несведущих на произвол судьбы. Во время агонии и сразу после смерти лама учит их всему, что они не выучили при жизни. Он объясняет суть того, что встретится им на пути, успокаивает и, конечно, всегда указывает верное направление.

Напутствуя умирающего, лама следит, чтобы тот не впал в кому, не потерял сознание и не уснул. Он отмечает следующее одно за другим отделение особых «сознаний», отвечающих за пять чувств человека: сознания глаз, носа, языка, тела и ушей, — иными словами, следит за постепенным угасанием зрения, обоняния, вкуса, осязания и слуха.

Далее от ламы требуется заставить душу выйти из ее оболочки через отверстие в темени, поскольку если душа выйдет из тела как-то иначе, дальнейшая судьба человека окажется под большой угрозой.

«Душа» извлекается с помощью криков «хик!» и «пхат!», но сначала лама должен отождествить себя с новопреставленным. Он прилагает усилия, которые должны были бы исходить от покойного. Направлены эти усилия на то, чтобы душа с должной силой поднялась к темени умершего и пробила в его черепе отверстие, сквозь которое смогла бы выбраться.

Посвященные, которые сами могут заставить свою душу подняться к темени, выкрикивают освобождающие ее «хик» и «пхат», лишь только чувствуют приближение смерти; таким людям посторонняя помощь не нужна.

Этим же способом они могут совершить и самоубийство; говорят, подобные прецеденты случались.

Бестелесная душа пускается в неведомые странствия. В народе бытует поверье, что путь ее лежит через реально существующие земли, в которых живут обыкновенные люди. Однако ученые монахи говорят, что путешествие представляет собой последовательность разнообразных видений, сотканных душой умершего соответственно его характеру и совершённым поступкам.

Некоторые ламаисты утверждают, что сразу после отделения от тела Высшая Реальность являет душе мгновенное, как вспышка молнии, озарение. Если та сумеет удержать свет, она действительно выйдет из круга сменяющих друг друга рождений и смертей и достигнет состояния нирваны.

Такое происходит очень редко. Как правило, этот внезапный свет ослепляет душу, которая под влиянием каких-то ложных представлений, привязанности к индивидуальному существованию и чувственным удовольствиям пытается уклониться от него. Или же от нее ускользает значимость происходящего, подобно тому как поглощенный своими заботами человек не замечает ничего вокруг.

Если обычный человек умрет не приходя в сознание, то, очнувшись, он не сразу поймет, что произошло. Еще на протяжении нескольких дней он будет пытаться «заговорить» со своими знакомыми, изумляясь, что ему не отвечают и даже как будто не замечают его присутствия.

Лама из монастыря Литанг, что на востоке Тибета, рассказывал, что некоторые усопшие сообщали через *паво* (медиумов) о своих попытках воспользоваться принадлежавшими им при жизни предметами. Они пробовали надеть свое платье, висящее на крюке, или взять плуг, чтобы вспахать поле. Этих мертвых раздражало то, что привычная жизнь стала им недоступна.

В таких случаях душа мертвого оказывается сбита с толку. Что произошло? Она видит неподвижно распростертое тело, похожее на то, в котором она обреталась, видит поющего над телом монаха. Возможно ли, что это была смерть?

Простые люди верят, что отделившаяся душа идет по песку и смотрит на свои следы. Если следы развернуты вспять, то есть если пятки повернуты вперед по ходу движения, душа убеждается, что человек умер.

Могут спросить: разве у души есть ноги, чтоб оставлять следы? Нет, они есть не у души, а у *бесплотного двойника*, с

которым она все еще слита. Тибетцы, как и египтяне, верят в двойников.

В обычной жизни этот двойник составляет почти единое целое с физическим телом, однако некоторые обстоятельства могут заставить его отделиться. Тогда, покинув тело, двойник может показываться в разных местах или же, оставаясь невидимым, пускаться в странствия. Двойники некоторых людей отделяются от тела помимо их воли, но тибетцы утверждают, что можно научиться контролировать этот процесс.

Однако такое разделение не полно: существует соединяющая эти две субстанции нить, которая не рвется даже некоторое время после смерти. Труп разлагается — и это, как правило, влечет за собой и разрушение двойника. Последнее, впрочем, не обязательно: двойник может и выжить.

В Тибете встречаются побывавшие в состоянии летаргии люди, которые могут описать места, где, по их словам, они путешествовали. Кто-то посещал края, населенные обычными людьми, а кто-то побывал в раю, в чистилище или в *бардо*, промежуточном мире, где души умерших ожидают перевоплощения*.

Таких необычных путешественников называют *делогами*, что означает «вернувшиеся с того света». Хотя рассказы *делогов* и разнятся между собой, все эти люди сходятся в том, что ощущение псевдосмерти довольно приятно.

В деревне Царонг я встретила женщину, которая спала целую неделю. Она сказала, что была приятно изумлена легкостью и подвижностью своего нового тела и той невероятной скоростью, с которой оно могло передвигаться.

* Традиционный буддизм отрицает существование *бардо*.

Ей стоило лишь захотеть очутиться в каком-то месте, чтобы немедленно там оказаться. Она могла пересекать реки, ходить по воде, проникать сквозь стены. Единственное, что было ей недоступно, — это разорвать нить, соединявшую ее эфирное тело с физическим, погруженным в сон. Она видела, что ее материальная оболочка спит в кресле. Эта нить, хоть и была едва различимой, иногда затрудняла движения. Она «словно поводок» держала эту женщину, как та сама выразилась.

Мужчина-делог, с которым в юности познакомился мой сын, описывал свое состояние подобным же образом.

Ясно, что *делоги* на самом деле не мертвы, поэтому нельзя утверждать, что испытываемые ими во время лентаргии чувства идентичны ощущениям мертвеца. Однако тибетцы, похоже, не обращают внимания на разницу между *делогом* и мертвым.

После того как умирающий испустит последний вздох, его одевают наоборот: перекручивают одежду назад, а затем связывают. Перед этим его ноги скрещивают или сгибают в коленях, подтягивая к груди. В деревнях обряженное таким образом тело кладут в котел. После того как труп заберут на кладбище, этот котел наспех моют и используют для приготовления супа или чая для поминального обеда. Гостей, которые едят эти блюда, ничуть не беспокоит опасность отравления трупным ядом.

В Тибете погребальные церемонии растягиваются на несколько дней. И если в высокогорных районах центральных и северных провинций процессы разложения протекают медленнее, то во влажных и жарких долинах незахороненные трупы источают тлетворный запах в течение семи и больше дней.

Все это ничуть не сказывается на аппетите отправляющих обряд *трапп*, которые продолжают напутствовать умершего, каких дорог в потустороннем мире ему следует придерживаться, а каких избегать. Едят они прямо перед покойником. Слушая, как главный монах говорит: «Душа, ну-ка иди сюда и поешь», можно даже сказать, что они едят вместе с ним.

В лесистых областях Тибета покойников сжигают. В огромных пустынях северных и центральных областей страны, где топливом могут служить лишь коровьи лепешки, трупы оставляют на растерзание хищникам или относят на кладбище, обычно расположенное недалеко от деревни или в безлюдном месте в горах.

Тела высокопоставленных религиозных деятелей иногда сохраняют, пропитывая их солью и маслом. Такие мумии называются *мардонгами*. Их оборачивают тканью, наносят на их лица позолоту и помещают в усыпанные драгоценными камнями саркофаги из чистого серебра. Иногда на уровне головы оставляют застекленное отверстие, в которое видно покрытое золотой краской лицо. Далай-лам, случается, поливают маслом и кремируют; кости их хранятся в богато украшенных гробах. Все надгробия в Тибете имеют форму *чортена*, имитирующего *ступы*, которые в древности индийские буддисты возводили для погребения святых, а также для разного рода драгоценных реликвий.

Поскольку буддизм придает большое значение благотворительности, ламаисты усматривают в похоронах великолепную возможность совершить акт такого рода. Покойный хотел — или считается, что хотел, — чтобы его те-

ло в последний раз послужило добру и насытило тех, кого мучит голод.

В книге, озаглавленной «Путеводитель для души усопшего в ином мире»^{*}, этот ритуал описывается так:

1. Тело поднимают на вершину горы, где расчленяют. Острым ножом отсекают руки и ноги. Внутренности, сердце и легкие выбрасывают: их съедят птицы, волки и лисы.
2. Тело бросают в священную реку. Кровь и вся находящаяся в нем жидкость растворятся в голубой воде, а рыбы съедят мясо и сало.
3. Труп сжигают. Мясо, кости и кожа превращаются в горсть пепла. Запахом полакомятся тисы^{**}.
4. Тело закапывают в землю. Мясо, кости и кожа достанутся червям.

В семьях, которые смогли заплатить совершающим ритуал монахам, религиозные службы отправляются ежедневно на протяжении шести недель после похорон. Затем из одежды покойного, натянутой на каркас из легких палочек, изготавливают человеческую фигуру. Лицо ей делают из листа бумаги — иногда на нем схематически набрасывают портрет усопшего, но чаще покупают в монастыре уже готовое изображение. Монахи рисуют два типа лиц: муж-

^{*} Цэ хдас кий рнамшез тхог гранг.

^{**} Тисы — полубоги, питающиеся запахами; некоторые из них предпочитают приятные ароматы, в то время как другим нравятся неприятные людям запахи — как, например, запах горелого мяса.

ское и женское. Под изображением пишется имя покойника.

В завершение церемонии лама сжигает лист бумаги или купленный портрет умершего. Одежды, в которые была облачена фигура, отдаются ламе как часть гонорара.

После такого символического сожжения должны быть развязаны все узлы, которые могут задержать умершего в этом мире.

Тибетцы тщательно избегают какого бы то ни было общения с мертвыми. Крестьяне произносят целые речи, помогающие им от них избавиться. Перед тем как тело вынесут из дома, для усопшего готовится еда и старейшина семьи горячо увещевает его: «Слушай, имярек. Поверь, ты мертв. Здесь тебе больше нечего делать. Поешь всласть последний раз. Тебя ждет долгая дорога через горные перевалы. Набирайся сил и никогда не возвращайся».

Мне довелось услышать еще более необычное обращение.

После надлежащих слов о том, что покойный больше не принадлежит этому миру, и просьб никогда не возвращаться, говорящий добавил:

— Падзин, я должен сказать тебе, что твой дом сгорел. Сгорело и все хозяйство. В счет забытого тобой долга кредиторы забрали себе в услужение двух твоих сыновей. Твоя жена нашла нового мужчину. Увидев все это, ты опечалишься — так что лучше не возвращайся.

Этот сногсшибательный перечень несчастий изумил меня.

— Как могли случиться все эти бедствия? — спросила я у помощника.

— На самом деле ничего не произошло, — ответил он со злой усмешкой. — Скот и все хозяйство невредимы, а вдова с сыновьями сидит дома. Мы все это выдумали, чтобы отвратить Падзина от его жилища.

То была наивная уловка людей, верящих, что душа неспособна видеть события этого мира.

В совершаемом ламами обряде, куда более торжественном, чем у крестьян, покойного также просят идти своей дорогой и не оглядываться. Это делается для его же блага, в то время как обычные люди просто пытаются оградиться от тайного присутствия призрака, которого они считают опасным.

Во время отправления всех этих церемоний душа проходит через *бардо*.

Там перед ее взором предстают то прекрасные лучезарные создания, то отвратительные страшилища. Она видит разноцветные тропы, перед ней проходит множество необычных видений. Эти призраки пугают душу, приводят ее в замешательство; она бродит между ними, не зная, куда податься.

Если душа сможет услышать советы совершающего ритуал ламы и последовать им, она, подобно посвященному, который подробно изучил «карту» *бардо* и вошел в него в полном сознании, сумеет отыскать дорогу, ведущую к перерождению в образе бога или схожего с ним существа.

Но тот, кто никогда о *бардо* не слышал и входит в него с сожалениями о материальном мире, вряд ли сможет воспользоваться полученными советами.

Таким образом души упускают возможность избежать математически predetermined последствий совершённых поступков. Дорога к неземному счастью им

неведома. Им надлежит выбрать между чревом земной женщины и утробой самки животного, но под влиянием галлюцинаций они принимают то и другое за прекрасные дворцы и гроты. Думая, что там можно приятно отдохнуть, они входят туда наобум, тем самым обуславливая свое следующее рождение. Одна душа воплощается в собаку, другая — в сына или дочь выдающихся людей.

Согласно другим представлениям, большинство из тех, на кого не распространилось посмертное духовное озарение и кто не смог постичь смысл явившихся им сразу после смерти видений, бродят, подобно перепуганному стаду баранов, среди фантасмагорий *бардо*, пока не придут ко дворцу Шиндже — Судьи Мертвых.

Шиндже рассматривает прижизненные дела этих людей в зеркале или взвешивает их в виде белых и черных камешков. В зависимости от того, какие деяния перевесят, он определяет, какую телесную оболочку обретет душа, а также каким будет это существо: красивым или уродливым, умным или не очень, какое социальное положение будут занимать его родители и т. д.

Судья этот беспристрастен и неумолим; никакая ловкость и никакой интеллект здесь не помогут. Собственно говоря, польза, которую может принести ловкость, так или иначе ограничена силой некогда совершённых поступков. Я уже упоминала об этих ограничениях, а сейчас расскажу по этому поводу одну любопытную историю, иллюстрирующую особенности тибетского юмора.

Некий лама, настоятель монастыря, всю жизнь провел в праздности. В юности у него были великолепные учителя, он унаследовал прекрасную библиотеку, всегда был ок-

ружен учеными людьми. Невзирая на все это, он едва научился читать. И вот он умер.

В те времена жил на свете один странный человек, чудотворец и философ. Биографы нередко преувеличивают его чудачества — временами действительно довольно грубые, как и речь этого человека. Эти-то чудачества и породили о нем множество историй в духе Рабле, весьма почитаемого в Тибете.

Дугпа Кунлегс — так его звали — странствовал под видом нищего бродяги. Выйдя как-то раз к ручью, он увидел девушку, которая пришла набрать воды. Ни слова не говоря, он накинулся на нее и попытался ею овладеть.

Девушка оказалась сильной, а Дугпа Кунлегс был почти старик. Она вырвалась и бросилась прочь. Прибежав домой, она рассказала обо всем матери.

Добрая женщина очень удивилась. Все местные мужчины были весьма благонравны, никто не вызывал подозрения. Она заставила дочь подробно описать нечестивца.

Выслушав девушку, она изумилась еще больше. Описание как нельзя более точно подходило к наружности Дугпы Кунлегса, эксцентричного святого ламы, с которым она познакомилась во время паломничества. У нее не осталось сомнений: надругаться над ее дочерью хотел именно Дугпа Кунлегс.

Мать девушки задумалась о странностях поведения святых. Она решила, что общепринятые моральные нормы, управляющие поведением простых смертных, не имеют власти над великими мудрецами. Для *дубтоба** не существует никаких правил. Его поступки продиктованы

* Мудреца и чудотворца.

высшими соображениями, недоступными рядовому обывателю...

И мать сказала дочери:

— Человек, которого ты видела, — великий Дугпа Кунлегс. Любой его поступок оправдан. Так что вернись к ручью, пади к его ногам и не противься его воле.

Девушка так и сделала. *Дубтоб* сидел на камне и о чем-то размышлял. Девушка поклонилась, попросила прощения за то, что, не зная, кто он, сопротивлялась ему, и сказала, что теперь она полностью в его распоряжении.

Святой пожал плечами.

— Дитя мое, — произнес он, — я безразличен к женщинам. Дело в том, что в соседнем монастыре скончался настоятель; он пренебрег всеми уроками и умер в полном невежестве. Я видел его душу, блуждающую по *бардо*; ей было уготовано жалкое перевоплощение. Движимый состраданием, я захотел дать ей человеческое тело, но груз злых деяний этого ламы оказался слишком тяжел, и мне это не удалось. Пока ты была в деревне, на этом поле совокупились осел и ослица. Этот лама скоро появится на свет в облике осла.

Большинство мертвых подчиняются желанию родственников и не возвращаются. Последние делают из этого вывод, что судьба усопшего на том свете улажена и, быть может, он всем доволен.

Однако некоторые отошедшие в мир иной ведут себя менее благоразумно. Они часто являются во снах своим родным и близким; в домах, где раньше обитали эти умершие, происходят странные события. Тибетцы считают это свидетельством того, что душа несчастна и просит помощи.

В таких случаях обращаются к ламе-прорицателю. Для того чтобы несчастная душа успокоилась, читают священные тексты, отправляют обряды, преподносят дары духовенству.

Кроме того, многие тибетцы, особенно живущие в отдаленных пограничных районах, прибегают в такой ситуации к древней практике *бёнов**. По их мнению, мертвого нужно выслушать — а для этого необходим медиум, мужчина или женщина (*паво* или *памо*), голосом которого будет вещать покойник.

Тибетские спиритуалистические сеансы не похожи на западные. Темнота и тишина здесь не обязательны, иногда все происходит под открытым небом.

Паво поет, аккомпанируя себе с помощью маленького барабана и колокольчика. Он танцует — сначала медленно, потом все быстрее, и под конец сотрясается в конвульсиях. Им завладевает существо из другого мира: бог, демон или дух умершего человека.

Как безумный, он выкрикивает обрывки фраз, в которых, как считается, и заключено послание этого невидимого существа.

На такой сеанс со всей деревни скликаются наиболее смышленные люди, поскольку чрезвычайно важно понять смысл сказанного и то, кто именно говорит через медиума. Случается, что в медиума поочередно вселяются несколько богов или духов. И временами под влиянием какого-то из этих существ он внезапно набрасывается на одного из присутствующих и беспощадно избивает его. Побой подобного рода всегда сносятся безропотно. Тибетцы считают, что таким способом из человека изгоняется демон, о

* Шаманов, исповедующих местные добуддийские верования.

существовании которого он даже не подозревал; однако незваного гостя распознает дух, вселившийся в медиума.

Умершие, которые мучаются в загробном мире, обычно ограничиваются тем, что перечисляют свои несчастья.

Во время одного сеанса, на котором я присутствовала, такой мертвец говорил: «Я встретился с демоном, который затащил меня в свое логово. Он сделал меня своим рабом. Он заставляет меня тяжело работать без всякого отдыха и жестоко обращается со мной. Пожалейте меня! Освободите меня, чтобы я смог войти в “Рай Великого Блаженства”!»

Мать, жена и дети того, кто, как предполагалось, обращался к живым, горько плакали.

Семьи, которым адресованы подобные мольбы, думают только о том, как вызволить бедного пленника.

А вызволить его совсем не легко.

Прежде всего, нужно войти в контакт с демоном и внести выкуп за невольника.

Посредником часто выступает *бён*. Он ставит в известность родственников несчастного, что его хозяин-демон требует себе в жертву свинью или корову, после чего душа будет выпущена.

Сказав это, *бён* впадает в транс. Его *двойник* должен посетить жилище демона.

Путь двойника полон препятствий, он долог и труден. Все это можно видеть по жестам колдуна. В отличие от *наво*, он все время сидит; двигаются лишь его голова и верхняя часть туловища. Из горла *бёна* вырываются обрывки фраз, описывающих наблюдаемые видения.

Понять его бывает еще труднее, чем *наво*. Даже самые сообразительные из слушателей с трудом проникают в смысл его слов.

Бён выполнил задание; теперь он входит в контакт с душой и готовится к тому, чтобы освободить ее. Получивший выкуп демон часто нарушает уговор и не желает отпускать пленника. Колдун вступает с ним в поединок. Он вскрикивает, тяжело дышит, и видно, как он с кем-то борется.

Родные и близкие покойного в величайшей тревоге следят за разворачивающимся действием. Они вне себя от радости, если колдун сообщает, что вышел из схватки победителем и проводил душу в благодатные места.

Но первая попытка не всегда удачна. Я несколько раз была свидетельницей того, как после имитации сверхчеловеческих усилий колдун объявлял, что демон забрал душу себе.

В таких случаях заново совершают все ритуалы, приносят новые жертвы... и опять платят *бёну*.

Когда душу из рабства спасает лама, то выкупа не требуется; для совершаемых им обрядов также не нужны и никакие переговоры с демоном. Сведущий в магических ритуалах лама считает себя достаточно сильным, чтобы заставить демона отпустить пленника.

Тибетцы, живущие в собственно Тибете, под влиянием буддизма от жертвоприношений отказались, чего нельзя сказать о тибетцах гималайских, которых ламаизм лишь слегка коснулся и которые, по существу, продолжают исповедовать шаманизм.

Представления ученых лам и мистиков-созерцателей о том, что происходит с душой после смерти, весьма отличаются от воззрений простого люда.

Прежде всего, они считают все происходящее с душой в *бардо* субъективными видениями, природа которых зависит от прижизненных мыслей человека. Рай, ад и Судья Мертвых предстают лишь перед теми, кто в них верил.

Один *гомчен* из восточного Тибета поведал мне такую историю.

Художник, чьей основной работой было расписывание башен, часто изображал на них фантастических существ с телом человека и головой животного, которые будто бы служат подручными Шиндже. Рядом с художником нередко вертелся его малолетний сын и разглядывал изображенных на фресках чудовищ.

Случилось так, что этот мальчик умер и, войдя в *бардо*, встретил ужасных существ, чей облик был ему знаком. Вместо того чтобы испугаться, он рассмеялся: «А, я вас знаю, — сказал он. — Вас рисует на стенах мой отец». И захотел поиграть с ними.

Однажды я спросила у ламы из монастыря Энче, что увидит после смерти атеист, считающий смерть полным распадом.

— Возможно, — ответил лама, — ему явятся видения из религиозных верований его детства или из тех верований, которых придерживались окружавшие его люди. Если он достаточно умен и после смерти его сознание останется незамутненным, он, быть может, сумеет проанализировать эти свои видения и вспомнить, почему всю жизнь отрицал ту реальность, которая сейчас ему является. Правда, он может прийти к заключению, что перед ним мираж.

Менее умный человек, чей атеизм явился результатом скорее равнодушия и тупости, чем размышлений, может вообще ничего не увидеть. Однако энергия его поступков все равно устремится дальше и проявится вновь. Другими словами, материалист все равно не избежит перевоплощения.

Многочисленные тетради, сплошь заполненные записями, свидетельствовали о том, какой огромный объем работы я проделала за время своего пребывания в Сиккиме. Я подумала, что могу позволить себе отпуск. Было лето, и стоявшая в те дни жара побудила меня предпринять поездку на север страны.

Я ехала по пробитой мулами прекрасной тропе, ведущей из Гангтока в Кампа-цзонг и дальше в Шигадзе, в Тибет. Поднявшись от затерянного в джунглях бунгало для путешественников, тропа вышла к берегу реки Тисты и вдоль одного из ее рукавов привела прямо к истоку. С тропы открывались обворожительные виды.

Примерно в восьмидесяти километрах от Гангтока на высоте около двух с половиной тысяч метров эта дорога проходит через деревню Лачен, которой в моих исследованиях ламаистского мистицизма принадлежит особое место.

Эта небольшая, всего в несколько домиков деревенька на самом севере Сиккима — последнее человеческое жилье на пути к высоким перевалам, по которым проходит тибетская граница. Живут здесь крепкие горцы. Кроме небольшого хозяйства, имеющегося у них в долине, они

Монастырь в Лачене. Справа от самого большого здания видны палатки, в одной из которых автор книги останавливалась, пока для нее не было построено более прочное жилище.

Тибетские похороны. Труп расчлениют, чтобы накормить хищных птиц и зверей (стр. 53).

занимаются тем, что перегоняют яков* на высокогорные плато. Там пастухи по несколько месяцев живут в палатках.

Скромного вида монастырь, приютившийся на горном склоне, возвышался над всеми остальными строениями.

Посетив его на следующий день после приезда и не найдя там ничего интересного, я уже собиралась уходить, когда яркий свет, проникавший через широко раскрытую дверь, заслонила чья-то тень: на пороге стоял лама. Я сказала «лама», но одеяние этого человека не было традиционно-монашеским. Однако и на мирянина он похож не был. Туалет его состоял из длинной белой юбки и темно-красного жилета китайского покроя, из больших прорезей которого выглядывали широкие рукава желтой сорочки. На шее у него висели четки из каких-то серых шариков, перемежавшихся коралловыми бусинками. В ушах — массивные золотые серьги, усыпанные бирюзой, а длинные до пят волосы были заплетены в косу**.

Этот необычный человек просто молча смотрел на меня. Я в то время очень плохо говорила по-тибетски и не решилась первой обратиться к нему. Я только поприветствовала его и сразу вышла.

Юноша, мой доверенный слуга, ждал меня на веранде монастыря. Едва завидев в перистиле спускающегося за

* Яки — длинношерстные тибетские быки.

** Позже я узнала, что такой наряд носят искушенные в *туммо* (см. гл. VI) и других областях тайного знания. Их четки состоят из ста восьми маленьких костяных шариков, каждый из которых вырезан из отдельного человеческого черепа.

Санг-юм (супруга) ламы-мистика

Монахиня

мною ламу, он трижды поклонился ему в ноги и попросил благословения.

Я удивилась, так как обычно паренек не был щедр на подобные знаки внимания и не оказывал их никому, кроме принца-тулку и Бермиаг-кушога.

— Кто этот лама? — спросила я его, когда мы вернулись в бунгало.

— Это великий *гомчен*, — ответил юноша. — Пока вы были в башне, один из монахов рассказал мне о нем. Он несколько лет прожил один в пещере высоко в горах. Ему повинуются демоны, и он может творить чудеса. Говорят, что он на расстоянии может убить человека и умеет летать.

«Какой незаурядный человек!» — подумала я.

Мое любопытство сильно разыгралось под влиянием прочитанных с Давасандупом рассказов о тибетских *гомченах*. От принца-тулку и многих лам я также была наслышана о жизни тибетских отшельников, о тех учениях, которых они придерживаются, и совершаемых ими чудесах.

И вот теперь я случайно столкнулась с одним из этих людей. Это была счастливая возможность. Но как мне поговорить с ламой? Мой переводчик понятия не имел о тибетских философских терминах, он не сможет перевести мои вопросы.

Обеспокоенная и взволнованная, я заснула, но спала плохо и видела какие-то сумбурные сны. Снилось, что меня окружили слоны, издававшие направленными на меня хоботами утробный рев, похожий на звучание длинных тибетских труб. Этот странный концерт меня и разбудил. В моей комнате царил мрак. Слонов я больше не видела, но продолжала слышать музыку. Внимательно прислушав-

шись, я узнала религиозные напевы. Это *траппы* играли на веранде. Для кого они исполняли ночью серенады?..

Я решила во что бы то ни стало попытаться поговорить с *гомченом*. Я написала ему письмо с просьбой принять меня и на следующий день в сопровождении своего слуги пошла в монастырь.

В комнату ламы, расположенную над молитвенным залом, вела грубо сработанная лестница. Напротив входной двери была маленькая лоджия, украшенная фресками. Ожидая приглашения войти, я взирала на нее с некоторым удивлением. Художник, в большей степени наделенный воображением, чем мастерством, изобразил на стенах муки тех, кто находится в чистилище, наполненном толпами скалящих зубы демонов и их жертв, извивающихся в самых комичных позах.

В центре композиции было изображено, как наказывается похоть. Обнаженный мужчина, неправдоподобно тощий, стоял перед раздетой женщиной. Непропорционально большой живот придавал этой «красавице» вид водруженного на две ноги пасхального яйца с приделанной к нему кукольной головкой. Распутный грешник, неисправимый раб своих страстей, мужчина совсем позабыл, где находится и как он сюда попал, — он крепко сжимал в объятиях это исчадие ада, пока оно не выпустило изо рта столб пламени и не сожгло его.

Неподалеку от этой парочки мучилась еще одна грешница. Ее привязали вверх ногами к треугольнику с обращенной вниз вершиной. Эта женщина вынуждена была терпеть ласки зеленых демонов с обезьяньими хвостами и зубами, напоминавшими зубья пилы. Дальше, на заднем

плане, маячили другие демоны, — красные, синие, желтые, — все они ожидали своей очереди.

Жилище *гомчена* напоминало полутемную часовню: в нем было лишь одно маленькое окошко; свод поддерживали деревянные опоры, выкрашенные в красный цвет. По тибетской традиции, алтарь одновременно служил вместилищем для книг.

В нише, между книгами, виднелось небольшое изображение Падмасамбхавы, перед которым стояла лампада и семь чашек с зернами и чистой водой.

Мистический аромат, исходивший от дымящихся на маленьком столике палочек, смешивался с запахом чая и растопленного масла. Подушки и коврики, нагроможденные для учителя, были выцветшими и истертыми, а свет, отбрасываемый крошечной лампадой в глубину комнаты, выявлял целые залежи пыли и полное отсутствие мебели.

Слуга переводил; я попробовала задать *гомчену* несколько вопросов о тех вещах, которые мы обсуждали с гангтокскими ламами. Бесполезно. Если бы Давасандуп был здесь! Юношу мои вопросы ошарашили; он не смог перевести то, смысла чего не понимал.

Я оставила свои попытки завести разговор, и мы долго сидели молча друг против друга.

На следующий день я покинула Лачен и поехала дальше на север. Виды, открывавшиеся теперь с тропы, уже не просто очаровывали, а прямо-таки потрясали. Заросли азалии и рододендрона стояли еще в своем весеннем убранстве. Создавалось впечатление, что в долине плещется блистающий океан цветов, захлестывая все окрестные склоны неодолимыми пурпурными, желтыми, алыми и бе-

лоснежными волнами. Издалека казалось, что мои носильщики — над кустами виднелись лишь их головы — плывут в море цветов.

Через несколько километров волшебные сады стали редеть; лишь кое-где продолжали попадаться розовые азалии. Эти карликовые кустарники ни за что не желали уступать головокружительной высоте.

Тропа теперь вела по сказочным местам вблизи пограничных перевалов*. Тихо беседуя, мы шли среди безмолвия этих диких безлюдных просторов, среди льдов, кристаллов, журчащих ручьев. На пустынном берегу озера сидела птица с золотым хохолком и серьезным взглядом провожала нашу процессию.

Мы поднимались все выше и выше, огибая огромные ледники и бросая мимолетные взгляды на перекрещивающиеся долины, сплошь заполненные огромными облаками. И когда мы вышли из тумана, укрывавшего Тибетское нагорье, нам открылось необъятное, безоблачное и сверкающее небо Центральной Азии.

С той поры я много путешествовала по краю, лежащему за далекими горными хребтами, которые тогда ограничивали обзор. Я повидала Лхасу, Шигадзе, безлюдные районы на севере Тибета с их травами и огромными как море солеными озерами, землю рыцарей-разбойников и магов Кхам, девственные леса По и прекрасные долины Царонга, где растут гранаты. Однако ничто из этого не способно затмить моего первого впечатления от тибетской панорамы.

* Кору-ла и Сепо-ла; оба выше 5000 м.

Через несколько недель погода переменилась и опять повалил снег. Съестные припасы подошли к концу, носильщики и слуги стали агрессивны и задиристы. Однажды мне пришлось прибегнуть к плетке, чтобы разнять двух мужчин, сцепившихся из-за места около костра.

Совершив несколько вылазок на тибетскую территорию, я ушла с границы. Для продолжительного путешествия у меня не было необходимого снаряжения, и, кроме того, лежащие передо мной земли были закрыты для иностранцев.

Я снова прошла через Лачен и поговорила с *гомченом* о его ските, до которого был день ходьбы вверх по склонам. Он прожил там семнадцать лет. Эти простые сведения мой юноша легко переводил, да я и сама понимала общий смысл сказанного.

Тем не менее я не отважилась упомянуть о демонах, которые якобы подчиняются *гомчену*. Я знала, что мой юный переводчик очень суеверен, чтобы спросить об этом; лама тоже мог не захотеть отвечать на подобные вопросы.

В Гангток я вернулась в плохом настроении. Я упустила возможность узнать нечто действительно интересное о мире тибетских затворников, с одним из которых случайно столкнулась. Тогда я не могла даже помыслить о любопытных последствиях этой моей поездки.

Далай-лама уезжал из Калимпонга. Его войска разбили китайцев, и он возвращался в Лхасу победителем. Я отправилась попрощаться с ним в небольшую деревушку, расположенную под перевалом Джелап.

В деревню я прибыла раньше его и пошла к домику, где он должен был остановиться. Там я застала сильный пере-

полох среди представителей сиккимской знати. Они отвечали за приготовления к короткому пребыванию здесь ламы-правителя, но, как это часто случается на Востоке, все делалось в последнюю минуту. Мебель, ковры, портьеры — все еще было не на своих местах, а высокие гости могли прибыть с минуты на минуту.

В маленьком домике все было перевернуто с ног на голову; хозяева и их слуги бешено метались по комнатам. Идея помочь им показалась мне забавной, и я сложила подушки, предназначавшиеся для ночлега далай-ламы. Слуги уверили меня, что это принесет мне удачу как в этой жизни, так и в последующих воплощениях.

Здесь мне выпала возможность еще раз пообщаться с тибетским монархом. Похоже, теперь его разум целиком был поглощен государственными делами.

Как обычно, он благословлял своих приверженцев, используя для этого лоскутное опахало. Но было заметно, что душа его уже за пограничными перевалами и что думает он только о том, как извлечь пользу из своей победы.

Следующей осенью из Сиккима я переехала в Непал, а еще позже — в Бенарес, где провела почти год. Когда-то в юности я надолго останавливалась там, и с удовольствием опять посетила эти места.

Я с благодарностью приняла предложение членов Теософского общества снять небольшую комнату в их прекрасном парке. Царившая там аскетическая простота гармонировала с атмосферой священного города Шивы и вполне соответствовала моему вкусу.

В этой благоприятной обстановке я с новым усердием возобновила изучение философии Веданты, на время за-

бросив исследования ламаизма, в которых продвинулась настолько, насколько это было для меня в то время возможно.

Я не собиралась уезжать из Бенареса, но однажды утром непредвиденные обстоятельства заставили меня сесть в поезд и отправиться в Гималаи.

ГЛАВА II

В ГОСТЯХ У ЛАМ

В Гангтоке я снова встретила с Бермиаг-кушогом. Лама из Энче отбыл в Тибет, в Шигадзе, и должен был вернуться лишь через несколько месяцев. Давасандупу тоже пришлось уехать: в Индии проходила китайско-тибетская конференция, и он был там переводчиком. Магараджа умер, его сын Сидкеонг унаследовал трон и теперь не мог уделять много времени изучению религии. Непредвиденные обстоятельства лишили меня возможности завершить запланированную поездку. Все было против меня.

Вокруг меня будто собирались враждебные силы. Словно какие-то невидимые существа завладели моим сознанием, подстрекая покинуть страну и внушая мысль, что я больше не смогу продвинуться ни вглубь тибетской земли, ни в своих ламаистских исследованиях. Одновременно неким внутренним зрением я видела, как мои неведомые враги ликуют и веселятся по поводу моего отъезда, по поводу того, что все же сумели выпроводить меня восвояси.

Я списала все это на нервное возбуждение или неврастению, развившиеся на почве умственного переутомления, а также из-за досады, что мои планы рухнули. Кто-то, возможно, счел бы мое самоощущение результатом ок-

культурной деятельности. В любом случае, превозмочь это болезненное состояние, граничащее с галлюцинациями, было невозможно. Успокоительные лекарства не помогали. Может, перемена места, подумала я, исцелит меня?

Пока я ломала голову, куда бы отправиться, не покидая Гималаев, новый магараджа, лама-тулку, предложил мне поселиться в монастыре Поданг, затерянном в сырых туманных лесах милях в десяти от Гангтока. Он даже не подозревал, насколько его предложение отвечает моим желаниям. В мое распоряжение поступала громадная комната на втором этаже башни и внушительных размеров кухня, где, по тибетскому обычаю, должны были спать мои слуги.

Два огромных окна пропускали внутрь весь дневной свет и, с не меньшим успехом, — ветер, дождь и град: рамы были очень узкими и крепились к стенам только наверху: по бокам их зияли два больших проема.

Свои книги я сложила на широкой стенной панели в одном из углов помещения; там же поставила раскладные стол и стул — получился «кабинет». В другом углу на строительных балках я растянула полог и поставила походную кровать — это была моя спальня. Прекрасно вентилируемая всеми ветрами середина помещения стала чем-то вроде гостиной, где в хорошую погоду я принимала посетителей.

Меня завораживала религиозная музыка Поданга — я слышала ее дважды в день, перед рассветом и на закате. В состав небольшого оркестра входили два *гьялинга* (инструмент, напоминающий гобой), два *рагдонга* (огромные тибетские трубы) и два барабана.

Прелюдией звучал колокольчик — он задавал специфический, характерный для восточных храмов ритм. По-

том он затихал и через несколько мгновений слышалось глубокое рокотание *рагдонгов*. Затем *рагдонги* смолкали и вступали *гьялинги* — они выстраивали медленную музыкальную фразу, трогательную в своей простоте. *Гьялингам*, вновь и вновь исполнявшим вариации одной мелодии, на басах вторили *рагдонги*, к которым уже в самом конце присоединялись барабаны, имитирующие отдаленные раскаты грома.

Эта музыка текла плавно и спокойно, как воды глубокой реки, без пауз и акцентов. Она дышала невыносимым страданием, словно голоса всех живых созданий всех миров и времен слились в одной горькой и отчаянной жалобе.

Какой музыкант в порыве неосознаваемого им самим вдохновения явил миру этот лейтмотив вселенской печали? И как получалось у участников этого разнородного оркестра, не наделенных профессиональным художественным чутьем, передать его с такой душераздирающей страстью? То была загадка, которую монахи-музыканты не смогли бы объяснить. Мне же оставалось довольствоваться тем, что я просто слышала эту музыку ранним утром, когда над горами поднимается рассвет, или на закате, в сумерках вечернего неба.

В Падонге я каждый день посещала религиозные службы; кроме того, мне посчастливилось присутствовать на ежегодной Церемонии Демонов. Позже я видела, как в Тибете те же ритуалы отправляли с гораздо большей помпой и гораздо большим количеством священных атрибутов. Но, на мой взгляд, в гималайских лесах все это выглядело намного колоритнее. Волшебство сильно проигрывает, ес-

ли совершается средь бела дня и при большом стечении народа.

В начале ритуала *траппы* с подношениями и молитвами вынимают из сундука Махакалу, который хранился там целый год.

В каждом ламаистском монастыре есть помещение для древних местных богов и божеств, заимствованных в Индии. Очутившись в Земле Снегов, эти последние утратили существенную часть величия. Не сознавая своей непочтительности, тибетцы обращаются с ними подчас очень грубо, представляя чуть ли не демонами.

Махакала — самый известный из индийских богов-изгнанников. Его изначальная сущность — ипостась Шивы как Разрушителя Мира. Когда Махакала превратился в злого духа, ламы сделали его своим рабом, без промедления наказывая за малейшую нерасторопность.

По народному преданию, Махакалу взял себе в слуги прославленный лама — глава секты кармапа. Находясь при дворе китайского императора, этот лама оскорбил монарха, за что был привязан за бороду к хвосту лошади. Великому кармапе грозила смерть, лошадь волокла его за собой все дальше, и он воззвал о помощи к Махакале. Но тот не явился сразу. Кармапа уже сам освободился от пут с помощью магических слов, отделивших его бороду от подбородка, когда увидел бредущего к нему Махакалу. От злости, что тот пришел слишком поздно, лама влепил бедному демону такую оплеуху, что тот по сей день ходит с распухшей щекой.

Безусловно, *траппы* Поданга не могли позволить себе подобных вольностей — Махакала внушал им неподдельный ужас.

Здесь, как и в некоторых других монастырях, все жили в предчувствии чего-то ужасного и необъяснимого. Случалось, что сквозь доски саркофага, где помещался Махакала, проступала кровь; иной раз, открывая гробницу, монахи находили внутри куски человеческого сердца или легких. Все это, по словам *трапп*, свидетельствовало о таинственной жизни страшного божества.

Из усыпальницы извлекли маску, изображавшую Махакалу, — именно в ней он якобы обитает, — и поместили в затемненную молельню, предназначенную для таких вот злобных духов. Наблюдать за ней приставили двух новичков — чтобы предотвратить побег Махакалы, они без передышки твердили магические заклинания. Убаюканные монотонным звучанием молитв, мальчики в течение всей долгой ночи старательно боролись со сном. Они были уверены, что стоит им хоть на миг перестать повторять магические формулы, как их жуткий пленник выберется на волю, а сами они станут его первыми жертвами.

Даже намек на то, что Махакала может вырваться на свободу, приводил местных крестьян в величайший трепет. Они запирали свои жилища, как только сгущались сумерки, и не велели детям оставаться на улице после захода солнца.

Менее значительных демонов, в соответствии с поверьями слонявшихся по деревне в поисках чего бы плохого сделать людям, ламы с помощью заклинаний завлекли в специальную клеть, сплетенную из мягкого дерева и скрепленную разноцветными нитями. Этот прелестный домик торжественно вынесли из монастыря и вместе с находящимися в нем пленниками бросили в раскаленную печь.

Однако демоны (на счастье колдунов, чье благосостояние зависит именно от них) бессмертны. Через год те же ритуалы опять должны быть совершены от начала и до конца.

Из Тибета только что вернулся ученый лама, выходец из состоятельной сиккимской семьи. Он стал настоятелем монастыря Рамтек, унаследовав этот титул от недавно скончавшегося брата. Согласно обычаям, именно в Поданге, главном монастыре его сиккимской секты, лама должен был совершить определенные обряды, которые обеспечили бы благоденствие умершего в мире ином.

Покойный лама-настоятель был моим старым знакомцем. Он входил в свиту наследного принца, когда тот приезжал в Калимпонг с визитом к далай-ламе; в Калимпонге мы и познакомились.

Это был весельчак и настоящий бонвиван. Он не забывал себе голову философскими проблемами, жил с двумя женами и так любил доброе старое бренди, что выпивал по несколько бутылок в день. Он имел солидный доход и мог себе позволить приобрести любую вещь, не особо задумываясь о ее истинном назначении. Так, однажды этот лама, отличавшийся могучим телосложением, заявился ко мне в украшенной розовыми лентами шляпке, какие носят трехлетние девочки.

Новый настоятель, прозванный в народе «тибетским джентльменом» за то, что большую часть времени проводил в Тибете, был совсем не похож на брата. В молодости Пёд-кушог учился в нескольких тибетских монастырях, и даже ученые ламы из Лхасы признали его выдающимся филологом. Став духовным лицом высокого ранга, он так

и не женился, что не часто встречается среди представителей гималайского духовенства.

Похоронные обряды, осуществляемые под его руководством, растягивались на целую неделю. То было счастливое время для *трапп* Поданга: они пировали и принимали подношения!

По окончании этих церемоний в первый месяц нового года* Пёд-кушог по ежегодной традиции благословил монастырь. В сопровождении хора, исполнявшего что-то вроде ектеньи с добрыми пожеланиями, он прошел по всем коридорам, бросая в каждую комнату освященное зерно.

Несколько горстей ячменя, сопровождаемые благосклонной улыбкой и ритуальным пожеланием *таши шог* («да сопутствует вам успех»), упали и на мою «палатку-спальню», зерна пробарабанили по столу и книгам в «кабинете».

Успех! успех!.. Предполагалось, что очищенный должным образом от недобрых духов монастырь станет частью Рая Великого Блаженства (Нуб Девачен). Однако монахи все еще не чувствовали себя в полной безопасности. Ламы втайне сомневались в своих оккультных способностях и даже в способностях ученого филолога. Они опасались, что некоторые демоны смогли избежать смерти и теперь затаились в ожидании, когда же опять можно будет пакостить людям. Монахи призывали на помощь того, в кого больше всего верили.

Как-то вечером *гомчен* из Лачена облачился в полную амуницию мага. На нем была пятиугольная корона, четки-ожерелье из ста восьми шариков, материалом для которых

* Тибетский год начинается в феврале.

послужили сто восемь черепов, передник из распиленных и просверленных человеческих костей; на поясе у него висел ритуальный нож (пхурба).

Стоя у всех на виду около пылающего костра, жезлом-дордже лама начертал в воздухе магические слова и, тихо бормоча заклинания, ударил кинжалом кого-то невидимого.

Не знаю, с какими злобными духами он дрался, но в фантастических отсветах пляшущих языков пламени он сам легко мог сойти за демона.

Лекарство подействовало: возможно, перемена места уничтожила возбудителей неврастения или новая обстановка прогнала умственную усталость; а может, разумные существа таинственного мира отступили перед моим несокрушимым упорством. Как бы то ни было, терзавшее меня наваждение исчезло.

Во время моего пребывания в Поданге произошло еще одно странное событие.

Сидкеонг-тулку, став магараджей, пожелал, чтобы его подданные забыли предрассудки и обратились в ортодоксальный буддизм. Он пригласил индийского монаха из философской школы тхеравадинов проповедовать в Сиккиме. Миссионер был призван бороться с такими враждебными буддизму явлениями, как колдовство, поклонение духам и употребление горячительных напитков. Этот монах по имени Лали Кумар уже приступил к работе.

У магараджи-ламы в монастыре имелось свое помещение — ведь он был еще и настоятелем Поданга. В этом помещении магараджа останавливался в те редкие дни, когда исполнял обязанности главы монастыря. Он как раз на двое суток приехал в Поданг, когда я жила в этом *гомпа*.

Ранним вечером мы сидели и пили чай, беседуя о миссии Кали Кумара и о том, каким образом он может искоренить в душах горцев древние предрассудки.

— Невозможно ведь, — говорила я, — точно сказать сейчас, каким был Падмасамбхава, проповедовавший в Тибете много веков назад. Однако его последователи делают из него легендарную личность, поощряя тем самым пьянство, а также нелепые и вредные ритуалы. Прикрываясь его именем, они поклоняются злым духам — вот как вы, — засмеявшись, я указала на стоявшую в дальнем углу большую статую мага, подсвеченную снизу алтарной лампадой.

— Нужно... — опять заговорила я, но вдруг почувствовала, что не могу больше вымолвить ни слова. Меня остановило незримое присутствие кого-то третьего. Никто ничего не сказал, вокруг царила мертвая тишина, и все же я остро ощущала воздействие какой-то таинственной силы.

— Ничего у тебя не выйдет, — произнес беззвучный голос. — Люди этой земли принадлежат мне... И моя сила больше твоей...

Я изумленно прислушивалась к безмолвной речи, практически уверенная, что это голос моих собственных сомнений в возможности удачного исхода задуманных магараджей реформ. Но Сидкеонг-тулку вдруг заговорил.

Он отвечал на то, чего я не говорила, отвечал своему невидимому сопернику:

— Почему же не выйдет, — говорил он. — Возможно, для перемен в умах крестьян и низших слоев духовенства потребуется какое-то время. Демоны, которых эти люди кормят, не будут, конечно, безропотно сносить муки голода; и все равно я возьму над ними верх!

Это был насмешливый намек на приношения колдунами животных в жертву злым духам.

— Но я не говорила... — начала было я, однако сразу осеклась. Несмотря на свои мужественные и воинственные заявления, принц не был полностью свободен от суеверий, и я сочла за лучшее не рассказывать ему, что произошло.

Но мне бы не хотелось, чтоб у читателя сложилось превратное суждение о Сидкеонге-тулку. Видимо, он был все же менее суеверен, чем я предполагала.

В гороскопе магараджи — а гороскопам тибетцы доверяют безоговорочно — год, в который ему предстояло умереть, был обозначен как опасный. Чтобы противодействовать силам зла, некоторые ламы, в том числе и гомчен из Лачена, предложили совершить специальные обряды.

Магараджа поблагодарил монахов и отказался от их услуг, заявив, что, если ему суждено умереть, он сможет перейти в иной мир без всяких ритуалов.

Думаю, Сидкеонг-тулку прослыл еретиком. Сразу после его смерти все его нововведения и реформы были отменены. Миссионерскую деятельность прекратили, а в монастыри снова завезли пиво. Лама возвестил монахов о возврате к прежним порядкам.

Магараджа потерпел поражение, как и предсказывал его невидимый противник.

Остановившись в Поданге, я, однако, не прекратила поездки по Сиккиму. Случилось так, что я познакомилась с двумя гомченами из Восточного Тибета, недавно поселившимися в Гималаях.

Один из них раньше проживал в Сакьйонге — из-за этого его и прозвали Сакьйонг-гомченом. В Тибете счита-

ется невежливым обратиться к человеку по имени. Все, кто занимает достаточно высокое положение в обществе, получают какой-нибудь титул.

Сакьйонг-гомчен был человеком широких взглядов и по-своему колоритной фигурой. Жил он на кладбищах и, совершая магические обряды, месяцами не выходил из дому. Как и другой *гомчен*, прибывший из Лачена, он не все время носил монашеское одеяние и не остригал волосы, а на манер индийских йогов собирал их на макушке в пучок. Если тибетец, не будучи мирянином, носит длинные волосы, это означает его принадлежность к клану аскетов-отшельников, называемых *налджорпами*, которые ищут спасения на мистическом *Коротком Пути**.

До этого времени мои беседы с ламами в основном касались философского учения махаяны, послужившего источником ламаизма. Сакьйонг-гомчен был едва знаком с этой доктриной, что не мешало ему неуважительно отзываться о ней. Он любил парадоксы.

— В достижении истинного знания, — говорил он, — обучение помочь не может; оно только мешает. Все, что мы узнаем в процессе обучения, — бесполезно. По существу, человек может лишь *знать* свои мысли и мечты. Что же касается обстоятельств, породивших эти мысли, то они недоступны нашему пониманию. При попытке осмыслить причины мы наталкиваемся на свои же мысли о них.

Действительно ли он понимал то, о чем говорил, или только повторял прочитанное где-то или услышанное от других?..

По просьбе принца-*тулку* он тоже занялся миссионерской деятельностью. Мне посчастливилось увидеть, как он

* См. гл. VII.

произносил проповедь. Я говорю «увидеть», поскольку тогда мне было еще очень далеко до понимания всего сказанного им по-тибетски. Он превосходно выглядел в роли проповедника. Страстность его речи и жестов, а также богатейшая мимика выдавали в нем прирожденного оратора, а залитые слезами лица перепуганных слушателей служили красноречивым доказательством производимого им впечатления.

Сакьйонг-гомчен был единственным знакомым мне буддистом, вещавшим в такой страстной манере. С точки зрения ортодоксального буддизма, неуместно использовать жесты и голосовые эффекты в проповеди учения, призывающего к полному спокойствию.

Как-то раз я спросила у него:

— Что есть Высшее Освобождение?

Он ответил:

— Это отсутствие каких-либо суждений и фантазий, остановка умственной деятельности, порождающей иллюзии*.

В другой раз он сказал:

— Вам нужно отправиться в Тибет и пройти посвящение у наставника из секты «Короткого Пути». Вас очень многое связывает с теоретическими построениями *ниент-хо* (буддистов школы тхеравада). Предвижу, вы сумеете постичь тайное учение**.

* Той умственной деятельности, которую тибетцы называют *тогна* (умозаключением), в отличие от *тогсна* (понимания).

** Имеется в виду тайное учение, касающееся методов духовного воспитания, а отнюдь не так называемая эзотерическая буддийская доктрина, как считают некоторые незнакомые с буддийской литературой иностранцы. «Эзотерического буддизма» не существует. Все развиваемые мистиками теории изложены в литературе. То, чему втайне обучают пос-

— Но как мне попасть в Тибет? Туда ведь не пускают иностранцев.

— Ба! В Тибет ведет много дорог, — не задумываясь ответил лама. — Не все ученые ламы живут в Ю и Цанге (центральные провинции; столицы — Лхаса и Шигадзе). На моей родине* можно найти даже более сведущих учителей.

Мысль о том, чтобы попасть в Тибет через Китай, никогда не приходила мне в голову, и даже предложение *гомчена* не нашло в моей душе отклика. Видимо, тогда мой час еще не настал.

Второй *гомчен*, с которым я познакомилась, отличался замкнутостью и был весьма заносчив. Даже от обычных вежливых фраз, которые он вынужден был произнести в мой адрес, веяло ледяным холодом.

Как и Сакьйонг-гомчена, его прозвали в соответствии с прежним местом его проживания: Далинг-гомчен.

Он всегда носил обычное монашеское одеяние, а также серьги из слоновой кости; в волосы был воткнут серебряный *дордже*, сплошь усыпанный бирюзой.

Гомчен каждое лето проводил в хижине, выстроенной специально для него на поросшей лесом горе.

За несколько дней до прибытия ламы его ученики и жители окрестных деревень сносили в лачугу запасы еды на три-четыре месяца. После этого им строго-настрого возбранялось близко подходить к жилищу *гомчена*. Ламе не составляло особого труда заставить их уважать свое

вященных, суть приемы подготовки сознания к обретению просветления, а на низших уровнях — методы развития сверхъестественных способностей.

* Как уже отмечалось, *гомчен* был уроженцем Восточного Тибета.

уединение. Деревенские жители не сомневались: он совершает там какие-то жуткие ритуалы, имеющие целью заманить в ловушку демонов и защититить почитавших его людей, а также их имущество. Крестьяне хоть и чувствовали себя в полной безопасности с таким покровителем, все же не осмеливались приближаться к его хижине, опасаясь встречи со зловредными существами, против своей воли явившимися на зов ламы и настроенными из-за этого не самым благодушным образом. Кроме того, загадочный характер и не менее загадочное поведение *налджорп* также заставляли людей быть начеку.

Своим назначением на должность настоятеля небольшого далингского монастыря этот лама был обязан принцу. И теперь, когда принц пожелал, чтобы *гомчен* ответил на мои вопросы, тот не мог откровенно игнорировать меня.

Среди всего прочего мы затронули в нашей беседе и вопрос о дозволенной для буддиста пище.

— Можно ли толковать повеление не убивать живых существ иносказательно и продолжать есть мясо и рыбу? — спросила я.

Гомчен, как и большинство тибетцев, не был вегетарианцем. В ответ он изложил не лишенную оригинальности теорию, слышанную мной потом и в других областях Тибета.

— Большинство людей, — сказал он, — едят как животные, чтобы просто утолить голод, и не особо задумываются о самом процессе принятия пищи и о его последствиях. Таким невеждам лучше мясо и рыбу не есть.

Иные же задумываются о том, что происходит с материальными частицами, содержащимися в продуктах жи-

вотного происхождения. Такие люди понимают, что вместе с материальной массой организм усваивает и неотделимые от нее духовные частицы. Любой, кто это осознает, может, развивая на свой страх и риск такое сотрудничество с жертвой, попытаться достичь результатов, полезных для съеденного животного.

Весь вопрос в том, будут ли животные элементы усиливать низменные наклонности того, кто ест мясо, или человек все же сможет преобразовать эти компоненты в умственную и духовную энергию — в таком случае сила животного, став частью мужчины или женщины, возродится в человеческой деятельности.

Я спросила, может ли это служить объяснением тайного смысла распространенной среди тибетцев веры в то, что ламы способны отправлять души убитых животных в Рай Вечного Блаженства.

— Этот вопрос слишком сложен, чтобы ответить на него одной фразой, — отозвался он. — Животные, как и мы, имеют несколько сознаний, пути которых после смерти расходятся, как и пути сознаний человека. Живое существо представляет собой сумму составляющих, а не единое целое. Однако чтобы понять все это, необходимо пройти посвящение у хорошего учителя.

Лама часто обрывал свою речь этим заявлением.

Однажды вечером мы втроем — принц, далингский лама и я — сидели в бунгало Кевзинг и говорили об аскетах-мистиках. С тем особым сдержанным восхищением, которое производит наиболее сильное впечатление на слушателей, лама рассказывал о своем наставнике, о мудрости и сверхъестественных возможностях этого человека. Сидке-

онга-тулку глубоко тронуло благоговение ламы перед духовным учителем.

В то время принц был сильно озабочен будущим бракосочетанием с бирманской принцессой.

— Очень жаль, что нельзя встретиться с этим великим *налджорпой*, — сказал он мне по-английски. — Он, несомненно, дал бы мне хороший совет.

И, обращаясь к *гомчену*, повторил по-тибетски:

— Жаль, что ваш учитель далеко отсюда. Мне бы сейчас очень пригодился совет такого пророка-ясновидца.

Однако принц не сказал, что его тревожило и о чем он хотел бы поговорить с *налджорпой*.

С обычной своей сухостью лама осведомился:

— Дело серьезное?

— Чрезвычайно серьезное, — ответил принц.

— Возможно, вы получите нужный совет, — произнес Далинг-гомчен.

Я решила, что он предлагает отправить к *налджорпе* гонца с письмом, и хотела было напомнить, какое большое расстояние предстоит преодолеть посыльному, как лама вдруг разительно переменялся в лице. Веки его опустились, кожа резко побледнела, а сам он словно окаменел. Я подумала, что ламе стало плохо, и хотела подойти к нему. Но принц, тоже наблюдавший внезапную перемену в облике монаха, остановил меня. Он прошептал:

— Не двигайтесь. *Гомчены* иногда совершенно неожиданно впадают в транс. Их очень опасно беспокоить в таком состоянии — от этого они могут даже умереть.

Я сидела и смотрела на неподвижного ламу. Постепенно лицо его ожило, покрылось морщинами и приняло вы-

ражение, которого нам прежде у него не случалось видеть. Когда *гомчен* открыл глаза, принц вздрогнул.

Перед нами сидел не Далинг-гомчен, а совсем незнакомый нам человек. Он с трудом шевельнул губами, и голосом, не похожим на голос *гомчена*, произнес:

— Не тревожьтесь. Вам не придется думать об этом.

Затем глаза его плавно закрылись, лицо снова переменялось, явив нам знакомые черты далингского ламы — *гомчен* постепенно приходил в себя.

Лама уклонился от наших вопросов и, пошатываясь, в полной тишине покинул помещение. Он казался еле живым от усталости.

— В его ответе нет никакого смысла, — заключил принц.

По совпадению или нет, но оказалось, что смысл, к сожалению, был.

У молодого магараджи была невеста, а волновался он из-за того, что и после свадьбы не хотел расставаться с другой девушкой, уже родившей ему сына. Но магарадже действительно не пришлось думать, как вести себя с этими двумя женщинами: за день до свадьбы он умер.

Я познакомилась еще с двумя отшельниками. В Тибете, где местное население в целом более цивилизовано, чем в Гималаях, я больше не встречала никого похожего на них.

Совершив экскурсию на непальскую границу, принц-тулку и я возвращались обратно. Зная, что принц любит показывать мне религиозные диковины своей страны, его слуги рассказали, что в горах, окружающих деревню, в которой мы планировали остановиться на ночлег, живут два отшельника.

От крестьян мы узнали, что эти отшельники так умело прячутся, что их уже несколько лет никто не видел. Время от времени в условленном месте, под скалой, для них оставляют еду, и ночью они ее забирают. Что же касается хижин, сооруженных самими анахоретами, то искать их никто и не пытался: если затворники избегали попадаться кому-либо на глаза, то суеверные крестьяне и подавно стремились держаться от отшельников подальше, стороной обходя лес, в котором те жили.

Сидкеонг-тулку не боялся волшебства. Он велел слугам и крестьянам обыскать лес и привести к нему отшельников: слугам надлежало обращаться с ними вежливо, но в то же время, обещая затворникам всяческие подарки, слуги не должны были дать им сбежать.

Преследование было напряженным. Отшельники, застигнутые врасплох в своем тихом жилище, попытались скрыться, однако в погоню бросились двадцать человек и затворников быстро поймали.

Их насильно привели в небольшой храм, где, кроме нас, затворников ожидали несколько лам — в том числе и сакьйонгский гомчен. Однако никто не смог вытянуть из анахоретов ни слова.

Мне еще не доводилось видеть столь необычных представителей человеческого рода. Оба они, с покрытыми буйной растительностью лицами, были невообразимо грязны; жалкие лохмотья едва прикрывали их наготу, а из их глаз, точно из жаровен, так и сыпались снопы искр.

Пока они озирались по сторонам, словно только что пойманные хищники, принц распорядился принести две большие плетеные корзины. В корзинах были чай, мясо, ячменная мука, рис и еще всякая всячина. Но, несмотря на

этот милый натюрморт, отшельники продолжали хранить молчание.

Тут один из крестьян сказал, что анахореты, перед тем как уединиться в горах, видимо, дали обет молчания. На это его высочество, подвергшийся внезапно приступу настоящей восточной властности, ответил, что они могли хотя бы поклониться ему, как того требует обычай, и вообще вести себя более почтительно.

Видя, что гнев принца растет, я, чтобы предотвратить надвигающуюся на диковатых «святых» бурю, попросила магараджу отпустить их.

Сперва он отказывался, но все же я его убедила.

Тем временем я велела слуге принести из моего багажа две пачки кристаллического сахару — тибетцы его очень любят — и положила по пачке в каждую корзину.

— Откройте двери и выпустите этих животных, — приказал наконец принц.

Почуввав свободу, отшельники схватили корзины. Один из них быстро вытащил что-то из-под лохмотьев и погрузил клешнеобразную руку мне в волосы; затем оба быстро, как зайцы, скрылись из виду.

Из волос я извлекла небольшой амулет и показала его моим друзьям. Позже я показывала эту вещицу некоторым ламам, разбирающимся в талисманах. Все они сходились на том, что этот амулет совершенно безвреден. Более того, в нем заключен добрый дух, который будет мне служить и отводить от меня всевозможные напасти. Так что повода для недовольства у меня не было — скорее наоборот. Возможно, отшельник понял, что я просила отпустить его и его товарища, и преподнес мне этот необычный подарок в знак благодарности.

Наша последняя совместная с принцем-ламой поездка снова привела меня на север страны. В Лачене я опять встретилась с обитавшим там *гомченом*. Теперь я уже могла говорить с ним, однако для долгих бесед не хватило времени: через день мы должны были отправиться к подножию Канченджанги*.

По пути мы разбили лагерь на берегу живописного озера в долине Лонак, что недалеко от самого высокого в мире перевала Джонгсон (около 7900 м над уровнем моря) — здесь сходятся границы Тибета, Непала и Сиккима.

Через несколько дней, проведенных среди гигантских морен у подножия покрытой снегами Канченджанги, Сидкеонг-тулку со своей свитой отправился обратно в Гангток.

Он посмеивался над моей страстью к укромным высокогорным уголкам, заставившей меня продолжить путешествие в обществе юного Йонгдена и нескольких слуг. Образ принца до сих пор стоит у меня перед глазами. В тот день в снаряжении западного альпиниста он совсем не походил на дэва из «Тысячи и одной ночи». Прежде чем скрыться за горным отрогом, он обернулся ко мне и, помахав издалека шляпой, прокричал:

— Скорей возвращайтесь! Не задерживайтесь слишком долго!

Больше я его никогда не видела. Несколько месяцев спустя, когда я была в Лачене, магараджа умер при таинственных обстоятельствах.

* Высота над уровнем моря 8585 м. Высота Эвереста, первой вершины мира, 8848 м.

Долина Лонак расположена в непосредственной близости от тибетской границы. Я не удержалась и поднялась на один из перевалов, ведущих в Тибет. Перевал Наго (около 5900 м) оказался наиболее доступным. Когда мы отправились в путь, шел небольшой снег и было облачно, но в целом погода нам благоприятствовала. Открывшаяся с седловины перевала панорама совсем не напоминала то, что я видела в чудесный солнечный день два года назад. Бескрайние плато, величественно пустынные, подернулись багряной с проседью дымкой, с наступлением сумерек поднимавшейся от самого подножия гор и устремлявшейся к едва различимым вдали хребтам. В сгущавшихся сумерках этот запретный и безлюдный край казался еще более таинственным и был невыразимо притягателен.

Я пришла сюда с определенной целью, хотя с удовольствием просто побродила бы по этим удивительным местам. Еще в Гангтоке один из представителей духовенства посоветовал мне обратить внимание на монастырь Чортен-Ньима.

— Монастыри, виденные вами в Сиккиме, отличаются от тибетских, — говорил он мне. — Раз уж вы не имеете возможности свободно путешествовать по Тибету, посетите хотя бы Чортен-Ньима. Хотя этот *гомпа* совсем невелик, все же он дает представление о настоящем тибетском монастыре.

Итак, я направлялась в Чортен-Ньима.

Этот поселок монахов полностью оправдывал тибетское слово *гомпа* («уединенное жилище»), обозначающее монастырь. Более укромного места невозможно было даже представить: там не только никто, кроме монахов, не

жил, но огромная высота над уровнем моря превращала его в настоящую пустыню.

Песчаные откосы, причудливо изъеденные эрозией, обширная долина, верхняя часть которой оканчивалась горным озером, высокие заснеженные вершины и прозрачный ручей, журчащий по лиловой, серо-зеленой и розовой гальке, — таков был окружавший *гомпа* сдержанный и безжизненный ландшафт; от него веяло неизъяснимым спокойствием.

Именно такое место самой природой предназначено для легенд и чудес, которых в Чортен-Ньима предостаточно. Даже название монастыря, обозначающее «храм Солнца», имеет необычное происхождение: когда-то давным-давно из Индии сюда чудесным образом на солнечном луче был перенесен *чортен* со святыми мощами.

Древние легенды повествуют, что тибетский проповедник Падмасамбхава спрятал поблизости от Чортен-Ньима много разных рукописей, в которых содержались мистические знания. Падмасамбхава считал, что людям их открывать рано: в VIII веке, когда он пришел в Тибет, жители этой страны еще не обладали необходимой культурой мышления. Этот учитель предвидел, что спустя много столетий после того, как он отойдет в мир иной, другие ламы, подготовленные к этой миссии прежними жизнями, вновь извлекут на свет древние писания. Говорили, что несколько манускриптов уже найдено; теперь ламы занимались поисками остальных рукописей.

Тибетцы верят, что в окрестностях Чортен-Ньима находятся сто восемь *чортенов* и сто восемь источников. Все они невидимы и могут открыться только человеку с совершенно чистой душой. Если принести жертву, бросив ее в

Монастырь Поданг. Слева направо: Давасандуп, его высочество Сидкеонг Намгьял — сиккимский магараджа и лама-тулку, г-жа А. Давид-Неэль. На заднем плане монахи из монастыря (стр. 75).

Ламаистская Фиваида — монастырь Чортен-Ньима.
Слева видны палатки автора книги.

воду именно там, где ключ бьет из земли, и загадать при этом желание, то оно непременно сбудется.

По всему Тибету вздымаются стоящие поодиночке или сложенные в виде пирамид *чед-до* (каменные жертвы). Благочестивые паломники, сооружая эти примитивные монументы, верят, что те будут стоять вечно.

Некогда процветавший монастырь теперь лежит в руинах. Как и многие другие, он стал жертвой обнищания древних сект, не признавших реформ Цзонхавы, — а ведь именно из учеников последнего состоит нынешнее духовенство страны.

В Чортен-Ньима я насчитала всего лишь четырех монахинь, принадлежащих к секте ньингма («древней секте», старейшей из сект «красношапочников»). Они не вступали в брак, однако полностью посвящены в духовный сан не были и не носили монашеского одеяния.

В Тибете можно увидеть множество самых ярких контрастов, но больше всего меня поразило тихое мужество простых тибеток. Едва ли многие из западных женщин отважились бы в компании четырех или пяти таких же, как они, или вообще в полном одиночестве жить в пустыне. И уж совсем немногие отправились бы в многомесячные и даже многолетние странствия по диким горам, кишущим хищниками и бандитами.

Все это говорит об исключительности тибеток. Они не закрывают глаза на реальные опасности — мало того, в их воображении живут еще и легионы злых духов, принимающих самые разные личины, в том числе и облик демонического растения: притаившись на краю пропасти, оно цепляет путника колючими ветками и сбрасывает его в бездну.

Лама Йонгден совершает обряд в доме богатого кхамского торговца. Двое стоящих по бокам мужчин - - наши слуги-монахи; на время путешествия они надели мирскую одежду. Сын торговца (стоит на коленях) протягивает шелковый шарф. Его язык высунут в знак уважения.

Уединенное жилище автора (высота около 3900 м). На втором плане справа, напротив входа в пещеру, видна хижина. На переднем плане - - налатка, где жили слуги. Позже ее заменила деревянная хижина (к стр. 106).

В Тибете много монастырей, где женские общины численностью не более десятка человек живут, обособившись от всего мира, на огромной высоте, пренебрегая всеми разумными доводами и не желая спокойно сидеть в родных деревнях. Зимой выпадает глубокий снег, и с некоторыми из этих монастырей по полгода нет никакого сообщения.

Есть женщины, живущие отшельницами в пещерах. Многие тибетки совершают паломничества — в одиночку, неся весь свой нехитрый скарб за плечами, преодолевают необъятные тибетские просторы.

Обходя сохранившиеся среди разрушенных монастырских сооружений *лхаканги* (обиталища богов, где хранятся их изображения), я обнаружила в одном из них вылепленные из цветной глины фигурки тех фантастических существ, с которыми сталкиваются в *бардо* души мертвых*. Над ними в медитативной позе Будды восседал обнаженный Дордже Чанг; его голубое тело символизировало пространство, или, в мистической традиции, пустоту.

Дававшая разъяснения монахиня удивила меня:

— Ничего этого на самом деле нет, — сказала она, указывая на жуткие обличья населявших *бардо* призраков. — Разум вызывает их из небытия и разум же может снова вернуть их туда.

— Откуда вам это известно? — сомневаясь, что эта добрая женщина могла сама придумать такое, спросила я.

— Это рассказал мне мой лама, — ответила она.

— А кто ваш лама?

— *Гомчен* с озера *Мо-те-тонг*.

— Он иногда навещается сюда?

* См. гл. I.

— Нет, никогда. Лама Чортен-Ньима живет в Транглунге.

— Он тоже *гомчен*?

— Нет, он *нгагсна* (маг) и домовладелец. Он очень богат и умеет творить чудеса.

— А какие чудеса?..

— Он может исцелить человека или животное, а может наслать на них болезнь, даже на расстоянии. Может прекратить или вызвать дождь или град... Вот послушайте, что он сделал несколько лет назад.

Когда пришло время жатвы, он велел жителям деревни собрать и сохранить его урожай. Некоторые крестьяне согласились хранить у себя его овес, но лишь после того, как уберут свои поля.

Погода была переменчивой, все опасались нередкой в эту пору года бури с градом. И некоторые крестьяне, вместо того, чтобы попросить ламу защитить их поля, пока они будут работать на его участке, оказались настолько упрямы, что решили собрать сначала свой овес.

И тогда лама прибег к колдовству. Он совершил обряд *дубтхаб*, с помощью которого вызвал своих духов-покровителей и оживил несколько *торм**. Как только лама произнес магические заклинания, *тормы* выпорхнули на улицу и полетели, словно птицы, к жилищам ослушников, наделав там немало бедствий. Дома же тех, кто вышел собирать овес ламы, *тормы* не тронули.

С тех пор никто не смеет пренебрегать повелениями ламы.

* Ритуальных хлебцев.

Вот это да! Поговорить с магом, который швырял карающими лепешками! Меня просто разрывало на части от желания с ним познакомиться.

От Чортен-Ньима до Транглунга было недалеко — по словам монахинь, всего однодневный переход. Но этот однодневный переход лежал через запретную территорию. Чтобы посетить Чортен-Ньима, я уже отважилась нарушить границу, и теперь колебалась: следует ли продолжать путь и показываться в деревне? Если все откроется, не выдворят ли меня из Сиккима? Мысли о длительном путешествии по Тибету у меня даже не возникло — я совсем не была к нему подготовлена. Речь могла идти лишь о коротком визите к колдуну — а стоил ли этот визит того, чтобы ставить под угрозу срыва мои тибетские исследования в Гималаях?

Итак, оставив подарки монахиням и ламе из Транглунга, я пустилась в обратный путь.

Позже мне все-таки удалось наверстать упущенное: через два года я познакомилась с этим колдуном и несколько раз гостила в его доме.

Осень вступала в свои права, снег засыпал перевалы, и ночевать в палатке становилось все холоднее. Перейдя через границу, я с удовольствием обнаружила горячую печку в одном из домов, построенных британским правительством для путешественников-иностранцев. Такие дома сооружены повсеместно в Индии, а также в соседних с ней странах, находящихся под патронатом Великобритании. Благодаря этим строениям, путешествия, которые при ином раскладе пришлось бы планировать как экспедиции, стали вполне доступными.

Приют Тангу расположен на высоте 3900 метров среди лесов, в живописном безлюдном месте, в 220 километрах к югу от тибетской границы.

Я чувствовала себя там очень уютно и совсем не спешила возвращаться в Гангток или Поданг. Знакомые ламы вряд ли могли сообщить мне много нового. В мирное время я бы отправилась в Китай или Японию, но как раз когда я уезжала в Чортен-Ньима, в Европе разразилась война, и теперь было совсем небезопасно пускаться в путь по океану, кишашему подлодками.

Я как раз думала, где бы провести зиму, когда спустя несколько дней после прибытия в Тангу узнала, что неподалеку от приюта уединенно живет *гомчен* из Лачена.

Я тут же решила навестить его. Эта экскурсия обещала быть чрезвычайно увлекательной. Что представляла собой «пещера ясного света», как называл свое жилище *гомчен*, и что за жизнь он там вел? Мне не терпелось все это разведать.

Отправляясь в Чортен-Ньима, я отправила назад мою лошадь и проделала весь путь на яке. Животных для возвращения в Гангток я намеревалась нанять в Лачене. Хозяин приюта, видя, что у меня нет коня, предложил мне своего. Он уверил меня, что его конь очень надежен и хорошо умеет взбираться по крутым и извилистым горным тропинкам, ведущим к жилищу *гомчена*.

Я приняла его предложение, и на следующий день села на небольшого рыжего коня, произведшего на меня более-менее благоприятное впечатление.

В отличие от яков, лошадей взнуздывают и во время езды держат за поводья. Я же, привыкнув к якам, совсем позабыла об этом. Надевая перчатки и думая о чем-то своем,

я выпустила поводья из рук, чего делать совсем не следовало, тем более что нрав этого коня был мне неизвестен. Пока я о чем-то грезил, лошадь уперлась передними ногами в землю, а задними взбрыкнула в воздухе. Меня вышвырнуло из седла, и я полетела на землю. Упала я, по счастью, на траву, что росла ниже тропинки, но от сильного удара потеряла сознание.

Очнувшись, я не смогла подняться из-за резкой боли в спине.

Что касается рыжего коня, то желание брыкаться у него прошло, и теперь он даже не шевелился. Тихий как ягненок, он стоял, повернув голову в мою сторону, и внимательно наблюдал, как меня подняли на руки и унесли в комнату.

Хозяина приюта очень огорчили мои упреки.

— Уверяю вас, с этим конем никогда ничего подобного не случилось. У него добрый нрав, — сказал он. — Да я и сам никогда бы не предложил вам его, если бы не был полностью уверен в этом животном. Я уже несколько лет на нем езжу. Вот смотрите, сейчас я пущу его рысью.

В окне я видела это животное. Стояло оно довольно смирно.

Хозяин подошел к нему, заговорил, взялся за уздечку и, поставив ногу в стремя, оттолкнулся от земли. Но взлетел он не в седло, как намеревался, а в воздух, получив от коня добрый пинок.

Он оказался менее везучим, чем я, и упал на камни.

Слуги поспешили ему на помощь. У него была разбита голова, из раны обильно текла кровь, однако обошлось без переломов.

Когда его несли в дом, среди стонов можно было разобрать, как он твердит: «Никогда, никогда с этим конем не было ничего подобного!»

Неподвижно лежа в кровати и потирая синяки и ушибы, я думала, что все это очень странно.

Мои размышления о необычном поведении животного, которое все считали кротким, были прерваны визитом повара.

— Достопочтенная госпожа, здесь что-то не так, — сказал он. — Я спрашивал у слуги — тот подтвердил, что его хозяин не лжет: этот конь всегда отличался спокойным нравом. Тут не обошлось без *гомчена*. Ему служат демоны. Не ходите к нему; вам от этого будет только хуже. Возвращайтесь в Гангток. Если не сможете ехать верхом, я найду вам носилки и носильщиков.

Другой слуга зажег палочки ладана и маленькую лампадку. Йонгден — ему в то время едва исполнилось пятнадцать — плакал, забившись в угол.

Все это напоминало сцену у смертного одра. Я рассмеялась.

— Да полно вам, я же еще не умерла! — сказала я им. — Демоны тут ни при чем. И *гомчен* совсем не злой человек. Почему вы его боитесь? Давайте прямо сейчас пообедаем и ляжем спать, а утром решим, как быть.

Через два дня *гомчен*, прослышав о моих злоключениях, прислал за мной черную кобылу.

Никаких происшествий во время поездки не случилось. Тропинка, выющаяся по поросшим лесом горам, вывела меня на поляну перед отвесным склоном. Лишенный всякого растительного покрова, он заканчивался зубчатым гребнем, образованным выходами черных скал.

Чуть дальше виднелось множество флагов — именно они и обозначали жилище отшельника.

Лама уже спускался мне навстречу. Извилистой тропинкой он повел меня не в свою хижину, а в жилище, расположенное примерно в миле ниже.

Там посреди комнаты прямо на полу горел костер и стоял большой чайник, полный чаю с маслом.

Слово «комната» может ввести читателя в заблуждение, так как *гомчен* принимал меня не в доме, а в маленькой пещере, вход в которую был заложен нецементированной каменной кладкой; окнами служили два узких проема в этой стене — высота их едва достигала десяти дюймов. Дверь образовывали две грубо отесанные доски, скрепленные вместе полосами мягкой коры.

Из Тангу я выехала поздно и к отшельнику попала уже в сумерках.

Слуги расстелили мне одеяла прямо на голом полу, и *гомчен* повел их на ночлег в хижину, расположенную, по его словам, совсем недалеко от пещеры.

Оставшись в одиночестве, я вышла из своей норы. Луны не было. В темноте лишь смутно проступала белая громада ледника, а надо мной виднелись устремленные к звездному небу мрачные вершины. Из расстилавшейся внизу мглы долетал отдаленный рокот водопада. В темноте я не решилась далеко отходить: тропинка шириной в ступню шла по самому краю пропасти. Дальнейшие исследования пришлось отложить на завтра. Я зашла в пещеру и улеглась. Едва я завернулась в одеяла, как свет в лампе заколыхался и потух: слуги позабыли залить в светильник керосин. Спичек под рукой не было, и я не смогла рассмотреть свое первобытное жилище. Я предпочла не двигаться,

чтобы не пораниться о какой-нибудь острый камень. Из «окон» ощутимо потянуло, захлопала дверь. Сквозь щель в мою отшельничью берлогу заглянула звезда. «Удобно ли тебе? — казалось, спрашивала она. — Ну и как она, жизнь затворника?»

Честное слово, эта звезда насмешливо подмигивала и издевалась надо мной!

— У меня все отлично, — ответила я. — «Отлично» — это даже не то слово... Я в восторге, и думаю, что лучше жизни затворника, свободной от того, что мы называем «благами и удобствами цивилизации», ничего нет.

Через некоторое время звезда оставила свои насмешки. Она разгорелась еще ярче, увеличилась в размерах, и ее свет заполнил всю пещеру.

«И я смогу умереть в этой хижине,
И мечта моя исполнится»,

— изрекла она, цитируя Миларепу. Оттенок сомнения приглушил ее торжественный голос.

На следующий день я поднялась к жилищу *гомчена*.

Это тоже была пещера, но более просторная и лучше обставленная, чем моя. Пространство под сводчатой скальной крышей было окружено нецементированной каменной кладкой и защищено добротной дверью. Это входное помещение служило кухней. В глубине его виднелся естественный пролом в скале, служивший проходом в миниатюрный грот, где *гомчен* жил. В эту гостиную вели деревянные ступеньки, поскольку ее уровень был выше уровня кухни; дверной проем закрывала тяжеловесная разноцветная портьера. Во внутренних покоях не было никакого вентиляционного отверстия; расщелину, через которую

мог бы проникать свежий воздух, закрывало оконное стекло.

Мебель состояла из нескольких нагроможденных за портьерой деревянных ящиков. Они служили спинкой для лежа анахорета, состоявшего из сложенных на полу больших жестких подушек. Напротив стояли два низких столика — простые деревянные доски с приделанными к ним ножками, покрашенные в яркие цвета.

В глубине грота на маленьком алтаре располагались традиционные жертвоприношения: медные чашки с водой, зерно и наполненные маслом лампы.

Шероховатую скальную поверхность стен полностью покрывали холсты с религиозными изображениями. Под одним из холстов был маленький ларчик. Именно в таких ларчиках принадлежащие к тантрическим сектам ламы держат демонов-пленников.

Около пещеры, наполовину прикрытые выступающими скалами, стояли два ящика с провизией.

Как видите, быт *гомчена* не был лишен уюта.

Это отшельничье гнездо возвышалось над землей в романтическом и совершенно безлюдном месте, где, по мнению здешних жителей, водились демоны. Крестьяне рассказывали, что некоторым из тех, кто забредал сюда в поисках отбившейся от стада коровы или чтобы нарубить дров, встречались какие-то странные существа; иногда эти встречи кончались трагически.

Тибетские отшельники часто поселяются именно в таких местах. Во-первых, они полагают, что подобная местность хорошо подходит для совершенствования духа. Во-вторых, для них это также возможность применить свою магическую силу и путем «перевоспитания» злобного духа

или его обезвреживания принести пользу людям и животным, — по крайней мере, такие добродетельные побуждения приписывают «святым» крестьяне.

Джово-гомчен («владыка анахорет-созерцатель»), как его величают горцы, поселился в этой пещере семнадцать лет назад. Монахи лаченского монастыря время от времени кое-что в ней переделывали, пока она не стала такой, как я ее описала.

Сначала *гомчен* жил в полном одиночестве. Крестьяне и пастухи, приносившие ему еду, оставляли ее под дверью и, не общаясь с ним лично, уходили. Из-за снега, который делал непроходимыми долины, ведущие к пещере, в течение трех-четырех месяцев в году к отшельнику никто не мог пробраться.

Когда лама стал старше, у него появился молодой помощник. А когда я жила в пещере, находившейся ниже его жилища, у *гомчена* уже была супруга — тоже из посвященных. Поскольку он принадлежал к секте «красношапочников», он не был связан обетом безбрачия.

Я прожила в пещере неделю, ежедневно навещая *гомчена*. Беседы с ним были очень интересны, но больше всего меня увлекало наблюдение за повседневной жизнью тибетского отшельника.

Некоторые европейцы, такие, как Чома де Кёрёши и преподобные французские отцы Юк и Габе*, останавливались в ламаистских монастырях, но ни одному из них не

* А. Чома де Кёрёши (ок. 1790—1842) — венгерский путешественник, востоковед и филолог, автор тибетско-английского словаря и книги по тибетской грамматике; Э. Юк и Ж. Габе — французские монахи-лазаристы, путешествовали по Тибету в 1844—1846 гг. с миссионерскими целями. Э. Юк — автор неоднократно переиздававшейся книги о путешествиях по Востоку (1850). — Прим. ред.

довелось жить бок о бок с *гомченами*, о которых рассказывают столько невероятного.

Одного этого оказалось достаточно, чтобы я захотела поселиться по соседству с этим отшельником. Кроме того, я и сама испытывала острое желание приобщиться к созерцательной жизни, которую ведут ламаисты.

Но само по себе мое желание ничего не решало — необходимо было согласие ламы. Окажись он против, соседство с ним ничего бы мне не дало. Он просто заперся бы в своей пещере, и мне оставалось бы лишь смотреть на скальную стенку, за которой «что-то происходит».

Поэтому я по всем правилам восточного этикета изложила ламе свою просьбу. Я просила его передать мне исповедуемое им учение. На это лама ответил, что его знания недостаточно глубоки и что мне не имеет смысла оставаться в таком унылом месте, чтобы слушать невежду, — ведь раньше я имела возможность вести долгие беседы с учеными ламами.

Но я настаивала на своем, и лама согласился принять меня к себе — но не ученицей, а только кандидатом в послушницы.

Я стала его благодарить, но он прервал меня.

— Подождите, — сказал он. — У меня есть условие: пообещайте, что без моего разрешения не уедете ни в Гангток, ни куда-либо еще на юг*.

* Уехать на юг означало отправиться в Гангток или в Калимпонг, где проживали несколько европейцев. Но даже обходя эти города стороной, путнику не удалось бы миновать дороги, по которой часто проезжали западные туристы, направлявшиеся из Индии в горы.

Приключение становилось все более захватывающим. Необычное условие еще больше распалило мое любопытство.

— Обещаю, — без колебаний ответила я.

Ко мне в пещеру занесли грубо сбитый сундук. Как и сундук *гомчена*, он был сделан из кое-как обтесанных досок. Что такое пила, здешние горцы не знали и знать не хотели.

В нескольких метрах от пещеры была сооружена еще одна хижина с маленькой комнаткой для Йонгдена и помещением для слуг.

Расширение жилья явилось с моей стороны не только данью сибаритским замашкам.

Мне было бы трудно самой спускаться вниз за водой и топливом, а потом подниматься с такими тяжестями к пещере. Йонгден, который только закончил школу, смыслил в подобной работе не более моего. Мы не могли обойтись без слуг и поэтому нуждались в солидных запасах провизии и в кладовой для ее хранения: впереди у нас была долгая зима и полная изоляция от окружающего мира.

Теперь все эти трудности кажутся мне не стоящими внимания, но тогда я только «дебютировала» в роли отшельницы, а мой сын еще не приступил к своим исследованиям.

Шли дни. Наступила зима, укрыв всю страну одеялом ослепительно белого снега — как мы и ожидали, он завалил все подходы к нашей горе.

Гомчен надолго заперся у себя в пещере. Я последовала его примеру. Мальчик, единожды в день приносивший мне пищу, а потом забиравший пустую посуду, приходил и уходил молча; мы даже не видели друг друга.

Моя жизнь походила на жизнь картезианцев. Но, в отличие от них, я не отвлекалась даже на религиозные службы.

Как-то в поисках пропитания к нам забрел медведь. Изумившись нашему присутствию, он сначала избегал нас, но потом привык и даже ждал, когда ему выбросят хлеб или еще что-нибудь съестное.

Наконец в начале апреля один из мальчиков заметил движущуюся черную точку на лежащей ниже по склону поляне. «Человек!» — закричал он. Должно быть, именно так древние мореплаватели кричали «Земля!». Изоляция кончилась; мы получили письма, отправленные из Европы пять месяцев назад.

А потом в хмурые Гималаи пришла весна. В паре сотен метров ниже моей пещеры зацвели рододендроны. Я взбиралась на пустынные вершины, во время долгих пеших прогулок открывала для себя безлюдные долины с россыпями прозрачных озер... Безлюдье, безлюдье!.. Когда человек ведет такую жизнь, полную созерцания и непрерывных наблюдений и раздумий, разум и чувства его обостряются. Становится ли он провидцем? Или, вернее, не был ли он слепцом всю свою прежнюю жизнь?..

Несколькими километрами севернее, за последней грядой Гималаев, которую индийский муссон не в силах был преодолеть, в голубой выси сияло солнце, освещавшее высокогорные тибетские плато. Однако лето выдалось дождливое, холодное и короткое. В сентябре снега опять сковали вершины, и снова началось наше годовичное заключение.

Какими же были плоды моего долгого уединения? Сформулировать это тяжело, но я научилась многому.

Кроме того, что я совершенствовалась в тибетском языке с помощью словарей, грамматик и бесед с *гомченом*, вместе с ламой я читала еще и жизнеописания знаменитых тибетских мистиков. Лама часто прерывал чтение, чтобы поведать мне о каком-либо событии, свидетелем которого он был и которое вспомнилось ему в связи с прочитанным. Он рассказывал о знакомых ему людях, их жизни, приводил их изречения. Таким образом, находясь в его или в своей пещере, я смогла побывать во дворцах богатых лам и в хибарках отшельников, я бродила по дорогам и встречала интересных людей. Я близко познакомилась с Тибетом, с его народом, обычаями и мировоззрением: все это была ценная наука, позже сослужившая мне хорошую службу.

Я никогда не поддавалась иллюзии, что отшельничья пещера могла бы стать моим последним приютом. Слишком многое препятствовало тому, чтобы остаться здесь и навсегда отрешиться от бремени дурацких убеждений, повседневных забот и обязанностей — как всякий западный человек, я все еще мыслила их чем-то неотъемлемым от себя.

Я понимала, что для меня роль *гомчена* могла стать лишь эпизодом в странствиях или, в лучшем случае, только подготовкой к освобождению.

С грустью, почти с ужасом я взирала на извивавшуюся внизу и исчезающую в горах нитевидную тропинку. Настанет день, и она снова приведет меня в полный печалей мир, лежащий далеко за горами. Даже мысль об этом была невыносима.

Кроме всего прочего, я не смогла бы долго держать слуг в этой пустыне. К тому же прежде чем расстаться с Тибетом,

том, мне хотелось посетить лежавший невядалеке Шигадзе, один из двух величайших религиозных центров страны.

Около Шигадзе расположен знаменитый монастырь Ташилхунпо. Именно там пребывает великий лама, называемый иностранцами таши-ламой. Для тибетцев он *Цанг Панчен римпоче*, «Многоценный просвещенный из провинции Цанг». Его считают эманацией Опагмед, мистического будды беспредельного света, и одновременно воплощением Субхути, одного из выдающихся учеников исторического Будды. С духовной точки зрения статус таши-ламы ни в чем не уступает статусу далай-ламы. Однако в этом мире человек часто вынужден отдавать предпочтение светской власти, и поэтому главным считается далай-лама, тибетский самодержец.

Предвидя возможные последствия этой поездки, я отложила ее на то время, когда буду готова покинуть Гималаи.

Я направилась в Чортен-Ньима, где уже останавливалась один раз, а оттуда вместе с Йонгденом отбыла в Шигадзе в сопровождении монаха, исполнявшего обязанности нашего слуги. Мы ехали верхом, а багаж, по тибетскому обычаю, размещался в кожаных сумках, притороченных к седлам; на мула мы погрузили две маленькие палатки и запас еды.

Ехать нам предстояло не очень далеко. Весь путь можно было легко преодолеть за четыре дня. Однако я намеревалась ехать очень медленно, чтобы не пропустить по пути ничего интересного. Кроме того, мне хотелось вобрать в себя как можно больше Тибета, чью душу я наконец начала постигать; быть может, я никогда больше не увижу эту страну.

Во время моего первого пребывания в Чортен-Ньима я познакомилась с сыном того ламы-колдуна, который швырялся ритуальными лепешками в своих непослушных соседей, и получила приглашение посетить, если позволят обстоятельства, его дом.

Как и Чортен-Ньима, деревня, где жил колдун, лежала в стороне от прямого пути в Шигадзе, но мне, как я уже сказала, хотелось извлечь из поездки по запретной земле как можно больше пользы.

На место мы прибыли в конце дня. Транглунг сильно отличался от поселений тибетцев в Гималаях. Я не ожидала столь разительного контраста на таком небольшом расстоянии. Не только высокие каменные дома вместо привычных сиккимских деревянных хижин с соломенными крышами, но и климат, земля, ландшафт, человеческие лица и общий облик людей — все здесь было иным. Я действительно попала в Тибет.

Колдуна мы нашли в его молельне, огромной комнате без окон, скупо освещенной сквозь отверстия в крыше. Около него стояли несколько человек. Им он раздавал амулеты — вылепленные из розовой глины и обвитые шерстяными нитями разных оттенков маленькие кабаньи головы.

Крестьяне восторженно внимали нескончаемым указаниям, как эти амулеты следует использовать.

Лама-домовладелец, когда его посетители ушли, с любезной улыбкой предложил мне чаю. Мы завели долгий разговор. Мне все не терпелось разузнать о летающих лепешках, но прямо спросить об этом я не могла, так как это было бы грубым нарушением правил этикета.

За несколько дней, проведенных в гостях у ламы, я была посвящена в домашнюю драму не совсем обычного рода и удостоена редкой чести советоваться с настоящим колдуном.

В этой семье, как и повсюду в Центральном Тибете, практиковалась полиандрия. Когда женился старший сын ламы, в свадебный документ занесли также имена его братьев, и юная невеста согласилась взять их всех в мужья.

Как это часто случается, некоторые из «женихов» были тогда совсем детьми, и их мнения никто не спрашивал. Тем не менее они стали законно женатыми людьми.

Теперь у транглунгского колдуна было четверо сыновей. Мне не сказали, что думает второй сын о своем «сотрудничестве» со старшим братом. Он как раз был в отъезде, но с ним, похоже, все было в порядке.

Третий сын, с которым я была знакома лично, тоже где-то странствовал. Именно он и явился возмутителем семейного спокойствия.

Ему исполнилось только двадцать пять лет, он был намного моложе своих братьев и упорно отказывал общей жене в исполнении супружеских обязанностей.

К несчастью для дамы, этот номинальный муж был намного красивее, чем два его старших брата. И не только красивее — он занимал более высокое социальное положение, был более красноречив, более учен и, быть может, обладал еще целым рядом бог весть каких достоинств.

Два его брата были просто зажиточными фермерами, а он принадлежал к престижному в Тибете сословию духовенства. Он был ламой, и не просто ламой, а так называемым *налджорпой*, посвященным в тайные учения. Он имел право носить пятиугольную шапку тантрических мисти-

ков и белую юбку *ресна* — людей, сведущих в *туммо*, искусстве в самые жестокие морозы, не разводя костра, сохранять тепло тела*.

И вот этот выдающийся муж отказывался от своих обязанностей, а оскорбленная жена не могла смириться с мыслью, что ею пренебрегли.

Хуже всего в этой истории было то, что молодой лама ухаживал за девушкой из соседней деревни и собирался на ней жениться.

Это не противоречило законам страны, но, женившись и тем самым нарушив единство семьи, он должен был бы покинуть отчий дом и построить для второй жены новый. Будучи лицом духовным, сын моего хозяина не собирался уклоняться от ответственности — наоборот, он целиком полагался на профессию колдуна как на источник благоустройства своего дома.

Но не становился ли он таким образом конкурентом собственного отца? Хоть старый лама и не высказывал вслух своих мыслей, по его лицу я видела, что он боится соперничества со своим упрямым сыном, не пожелавшим угодить здоровой и сильной сорокалетней женщине, — в конце концов еще и не очень уродливой.

Относительно последнего ничего не могу сказать точно, поскольку лицо ее всегда покрывал толстый слой масла и сажи, делавший его черным, как у негритянки.

— Ну что нам делать? — тяжело вздыхала пожилая мать семейства.

Я не имела опыта решения вопросов подобного рода. Правда, на Западе я встречала женщин, у которых было много мужчин, но их любовные связи не выносились на

* Подробнее о *туммо* см. гл. VI.

семейный совет. Во время же странствий ко мне обращались с подобными вопросами лишь мужчины-многоженцы, чей семейный очаг превратился в очаг войны.

В Тибете разрешена и полигамия, поэтому я предложила убедить молодого ламу привести невесту домой.

К счастью, я тогда носила внушающее почтение монашеское одеяние, и только поэтому ревнивая и отвергнутая жена не бросилась на меня с кулаками. Она заплакала.

— Достопочтенная госпожа! — воскликнула старая мать. — Вы ведь не знаете, что наша невестка хотела приказать слугам избить и изуродовать ту девушку; мы еле отговорили ее от этого. Представьте, что люди нашего положения позволят себе такое! Да мы навеки будем обесчещены!

Я не нашла что ответить и, сообщив, что пришло время моей вечерней медитации, попросила разрешения удалиться в молельню, любезно предоставленную мне на ночь ламой.

Выходя из комнаты, я заметила в темном углу самого младшего сына, восемнадцатилетнего паренька, мужа номер четыре. Он смотрел на общую жену, и на лице его блуждала странная полуулыбка. Он словно говорил: «Погоди, старушка, я тебе еще не то устрою».

В последующие дни я перебиралась от деревни к деревне, останавливаясь на ночлег в крестьянских домах. Теперь я уже не старалась сохранить инкогнито, как раньше, по дороге в Лхасу. Никто не замечал, что я иностранка, — по крайней мере, никто не придавал этому никакого значения.

Мой путь лежал через монастырь Патур, сильно напоминавший мне сиккимские монастыри. Как-то раз один свя-

щеннослужитель пригласил нас на великолепный обед в затемненном зале, прошедший в приятном обществе нескольких монахов.

Новыми для меня здесь были только массивные здания, насчитывающие несколько этажей. И все же я осознала, что сиккимский ламаизм — лишь слабое подобие тибетского.

Лежащие за Гималаями земли раньше казались мне дикими, но теперь я начала понимать, что соприкоснулась с подлинно цивилизованным народом.

Среди различных происшествий, случившихся во время поездки, вспоминается, как трудно было перейти через разлившуюся от талых снегов и дождей реку Цзи. Даже с помощью троих крестьян, переправивших через поток наших лошадей, было нелегко перебраться на другой берег.

За деревней Кума на многие километры простираются необитаемые земли. Следуя описанию, данному хорошо знавшим дорогу слугой, я намеревалась удобно расположиться около горячих источников, принять там ванну и заночевать на теплой земле. Однако внезапная буря вынудила нас разбить лагерь, не доходя до желанного рая. Сначала шел град, а потом повалил такой снег, что скоро мы были в нем почти по колено. Протекавший поблизости ручей переполнился и залил наш лагерь. В моей палатке лишь маленький пятачок не был затоплен мутной водой — на нем мне и пришлось простоять голодной большую часть ночи. Вот и весь наш такой долгожданный уют.

Наконец на повороте, где я остановилась полюбоваться на валявшихся в грязи пьяниц, моим глазам внезапно открылось чудесное видение. Вдали, в сгущающихся сумерках, высился огромный монастырь Ташилхунпо: множество

белых зданий, увенчанных золотыми крышами, в которых отражались последние лучи заходящего солнца.

Цель была достигнута.

Тут у меня возникла необычная идея. Я не стала искать ночлега в гостинице, а послала слугу к ламе, ответственному за размещение студентов из провинции Кхам и приезжавших к монахам гостей. Как могла какая-то незнакомая иностранка-путешественница заинтересовать его и почему он должен был ей помогать? Обо всем этом я не думала. Я просто действовала, подчинившись внезапному импульсу, и результат оказался отменным.

Этот уважаемый служащий прислал *траппу*, чтобы тот заказал для меня две комнаты в единственном доме около монастыря. Там я и остановилась.

На следующий же день я приступила к оформлению заявки на аудиенцию у таши-ламы. Я рассказала, откуда приехала, а мое сообщение о том, что я родилась в Париже, вызвало необычайно радостную реакцию.

В каком Париже? Не в деревеньке ли Пагри (произносится «Пари»), что южнее Лхасы? Я объяснила, что «мой Париж» западнее тибетской столицы и немного дальше, чем Пагри. Но я настаивала, что поскольку до моей страны из Тибета можно добраться по суше, значит, я не *пхилинг* (не «чужестранка»). Здесь присутствует игра слов: *пхилинг* буквально означает «материк, находящийся за морем».

Я так долго находилась вблизи Шигадзе, что меня здесь уже знали. Кроме того, некоторую известность принесла мне и моя отшельничья жизнь. Я немедленно удостоилась аудиенции, а мать таши-ламы даже пригласила меня к себе в гости.

Третий сын колдуна из Транглунга (к стр. 115).

Таши-лама

Я исходила монастырь вдоль и поперек, и чтобы как-то отблагодарить за гостеприимство, угощала чаем монахов, которых здесь было несколько тысяч.

Долгая жизнь на Востоке и те ламаистские монастыри, в которых я побывала или немного пожила, притупили свежесть моего восприятия, но в Ташилхунпо меня поража-ло все.

В храмах, залах, дворцах сановников царила не поддаю-щаяся описанию первобытная роскошь. Алтари, гробни-цы, резные двери, ритуальные принадлежности и даже предметы домашнего обихода богатых лам были щедро отделаны золотом, серебром, бирюзой и нефритом.

Восхищалась ли я этой показной пышностью? Нет, все это казалось мне аляповатым и ребячливым, словно тут трудились исполины, чей разум еще спал.

Это первое знакомство с Тибетом могло бы даже разо-чаровать меня, если бы раньше я не видела Гималаи и не знала, что там в тиши и уединении живут мудрецы-от-шельники, которые презирают вульгарность, являющую-ся в глазах толпы признаком величия.

Всякий раз, когда я приходила к таши-ламе, он окружал меня своей заботой и был ко мне чрезвычайно добр. Он хорошо представлял, где находится мой Париж, и выгова-ривал слово «Франция» с очаровательным французским прононсом.

Моя страсть к изучению ламаизма очень его радовала, и он стремился оказать мне посильную помощь. «Почему бы вам не остаться в Тибете?» — спросил он однажды.

Действительно, почему? Желания остаться у меня было в избытке, однако я понимала, что каким бы влиянием и

Отшельник с озера Мо-те-тонг (стр. 124).

Монастырь Лабтанг в Амдо на северо-востоке Тибета.

уважением ни пользовался в своей стране любезный таши-лама, он не обладает достаточной светской властью, чтобы добиться для меня разрешения жить в Тибете.

Тем не менее, если бы меня ничего не связывало, как в начале поездки в Лхасу, я бы, наверное, ухватила за это предложение и попыталась бы поселиться в каком-нибудь укромном уголке. Но слова таши-ламы застали меня врасплох. Мой багаж, записи, фотонегативы (почему я придавала всему этому такое значение?) были в другом месте. Часть вещей находилась у друзей в Калькутте, часть — в моей пещере. Мне предстояло еще многое узнать и многое должно было измениться внутри меня, чтобы несколькими годами позже я смогла вернуться сюда и беззаботно бродяжничать по тибетским просторам.

В Шигадзе я познакомилась с наставниками таши-ламы: с преподавателем мирских дисциплин и с тем, кто посвятил его в тайные учения. Еще я встретила с мистиком-созерцателем, духовным учителем таши-ламы, глубоко его чтившего. Если верить рассказам об этом мистике, через несколько лет он скончался при очень необычных обстоятельствах*.

Как раз когда я была в Шигадзе, завершалось строительство храма, который таши-лама намеревался посвятить пришествию будды Майтреи, обладающего беспредельным состраданием.

В зале находилось огромное изваяние Майтреи. Предполагалось, что его поклонники, обходя ноги статуи на первом этаже, будут постепенно подниматься по спирали на первую, вторую и третью террасы, расположенные на уровне ее пояса, плеч и головы.

* См. окончание гл. VIII.

Двадцать ювелиров украшали гигантского Майтрею. Они вставляли в новую оправу драгоценные камни, подаренные таши-ламе аристократками Цанга. Мать таши-ламы тоже пожертвовала свою коллекцию драгоценностей.

Я восхитительно провела время во дворцах таши-ламы, расположенных в Шигадзе и его окрестностях. Я общалась с самыми разными людьми, и новизна всего увиденного и услышанного завораживала меня. Нечасто приходится переживать часы, полные такого блаженства.

Но вот наступила минута, которой я так боялась. Собрав все свои книги, блокноты и подарки, в одеянии истинного ламы, пожалованном мне таши-ламой и служившем чем-то вроде диплома доктора *honoris causa* университета Ташилхунпо, я покинула Шигадзе. С грустью я оглядывалась на огромный монастырь, исчезающий за тем же поворотом, с которого он впервые открылся моим глазам.

Я направилась в Нартханг, чтобы посетить древнейшую тибетскую типографию. Количество деревянных гравированных форм, используемых там для печати различных религиозных книг, ошеломляет. Сложенные ровными рядами на полках, они занимают огромное здание.

Когда мы вошли, печатники, по локоть в типографской краске, работали сидя на полу. В других помещениях монахи разрезали бумагу на листы нужного размера.

Никто никуда не торопился; люди неспешно беседовали и пили чай с маслом. Как это не похоже на лихорадочную беготню в печатных цехах наших газет!

Уехав из Нартханга, я разыскала жилище одного *гомчена* — он оказался настолько любезным, что прислал мне приглашение. Обитал он на пустынном холме около озера

Мо-те-тонг в просторной пещере, казавшейся со стороны небольшой крепостью из-за пристроенных к ней двух помещений.

Это жилище досталось *гомчену* от его учителя, а тот, в свою очередь, получил его от своего духовного отца, известного чудотворца. Ревностные поклонники веры приносили ламам подарки, и за три поколения магов этих подарков накопилось столько, что жизнь в пещере сделалась вполне комфортабельной — с точки зрения тибетца, родившегося в трущобах и с юности привыкшего к жизни ученика отшельника. Мой хозяин был живым примером такого тибетца. Он никогда не был ни в Лхасе, ни в Шигад-зе, не путешествовал по Тибету и не знал никакого другого мира, кроме своей пещеры. Его учитель провел здесь больше тридцати лет, и когда он умер, отшельник огородил его тело стеной. В то помещение вела единственная дверь, и лама никогда не отворял ее.

Две нижние комнаты под скалой — кухня, кладовая и помещение для слуг — выходили во внутренний дворик, огражденный со стороны пропасти высокой стеной. Из этих комнат по лестнице через люк можно было попасть наверх, в личные апартаменты ламы. Его покои находились на небольшой террасе, тоже обнесенной стенами. Здесь отшельник мог греться на солнышке, никому не видимый и сам не видящий ничего, кроме неба.

То, что затворник принимал посетителей и общался с ними, делало его заточение менее суровым, но, с другой стороны, отшельник сам отягощал свою участь, никогда не позволяя себе спать лежа — а только в *гамти*.

В Тибете существуют специальные сиденья, называемые *гамти* (ящики для сидения) или *гомти* (сиденья для

медитации). Это квадратные ящики со сторонами 60—75 см (одна стенка выше — она служит спинкой). Скрестив ноги, отшельник сидит на подушке, лежащей внутри ящика. Часто анахорет не позволяет себе даже прислониться к спинке ящика, используя для поддержания равновесия во время долгих медитаций или сна «медитационную веревку» (*сгомтхаг*). Обычно это пояс из шерстяной ткани, пропускаемый под коленями и проходящий через затылок или спину отшельника. Многие *гомчены*, не откидываясь назад, проводят в такой позе дни и ночи и погружаются в дремоту, так и не выправив конечностей. Они никогда не спят крепко. Их медитация прерывается лишь непродолжительными периодами полусна.

Я провела с этим затворником несколько интересных бесед, а затем повернула обратно к границе.

Представитель британских властей уже передавал мне через сиккимских крестьян письмо с требованием покинуть тибетскую территорию. Однако тогда я не подчинилась, поскольку хотела завершить запланированную поездку. Но теперь все мои дела были доведены до конца, я осознавала последствия моего затянувшегося вторжения на запретную территорию и была готова проститься с Гималаями.

Второе письмо с требованием покинуть земли, примыкающие к тибетской границе, застало меня уже по дороге в Индию; я ехала на Дальний Восток.

ГЛАВА III

ЗНАМЕНИТЫЙ ТИБЕТСКИЙ МОНАСТЫРЬ

По пути в Индию я еще раз пересекла Гималаи.

Грустно было покидать сказочный край, где я провела несколько невероятных и незабываемых лет. Так же прекрасно, как прекрасны Гималаи, эти входные ворота Тибета, я понимаю, что даже поверхностно не ознакомилась со всеми мистическими учениями и практиками, которые хранятся в тайне от непосвященных отшельниками Земли Снегов. Во время поездки в Шигадзе я открыла для себя ученый мир Тибета, его монашеские университеты и огромные библиотеки. Подумать только, сколько мне еще неизвестно! А я уезжаю...

Я еду в Бирму и живу в уединении в Сагайских горах среди каматангов, монахов-созерцателей, принадлежащих к одной из наиболее аскетических буддийских сект.

Я еду в Японию, где растворяюсь в спокойствии тофокудзи, монастыре той дзэн-буддийской секты, которая в течение многих веков объединяла интеллектуальную элиту страны.

Я еду в Корею. Передо мной открывает двери Панья-ан, «монастырь мудрости», спрятанный в самом сердце лесов.

Когда я пришла туда с просьбой о временном прибежище, дорогу полностью размыв дождями. Монахи Панья-ана ремонтировали ее. Послушник, отправленный настоятелем узнать, кто я, остановился перед одним из работавших, таким же грязным, как и остальные, почтительно поклонился ему и сказал несколько слов. Опершись на лопату, тот пристально взглянул на меня, кивнул в знак согласия и опять принялся за работу, не обращая больше на меня никакого внимания.

— Это главный среди монахов, — пояснил мой проводник. — Он согласен предоставить вам комнату.

На следующий день, когда я снова пришла в Панья-ан, меня отвели в совершенно пустое помещение. Предполагалось, что расстеленное на полу одеяло будет служить диваном, а дорожный несессер — столом. Йонгдена поселили в одну комнату с послушником, его ровесником. В этой комнате тоже не было никакой мебели, за исключением полки с несколькими книгами.

Монастырский распорядок предусматривал восемь часов медитации (четыре сеанса по два часа), восемь часов учебы и физического труда. Еще восемь часов отводилось на сон, досуг и принятие пищи.

Каждую ночь около трех часов пополуночи по всем помещениям ходил монах с колотушкой и будил братьев.

Потом все собирались в общей комнате и, усаживаясь лицом к стене, погружались в медитацию.

Питание в монастыре было самым аскетическим: ничем не приправленный рис и немного вареных овощей.

Овощи давали не всегда, и часто приходилось довольствоваться одним рисом.

В монастыре не было запрета на разговоры, как у траппистов, однако сами монахи не отличались словоохотливостью. Они не чувствовали потребности разговаривать, не желая распылять энергию на какие-либо внешние проявления. Их мысли были заняты самоанализом, а перед внутренним взором всегда стоял облик Будды.

Еду в Пекин, где живу в Биюньсы, бывшей императорской резиденции, а теперь буддийском монастыре. Он расположен рядом с большим ламаистским святилищем и неподалеку от величественного храма Конфуция, в нескольких километрах от Посольского квартала. Тибет опять зовет меня к себе.

Годами я мечтала о далеком Гумбуме, даже не надеясь когда-либо попасть туда. Но теперь решено: я еду в Гумбум. Я пересеку весь Китай и попаду в Тибет с северо-запада.

Я присоединяюсь к каравану — он состоит из двух богатых лам, которые возвращаются в Амдо с соответствующей их положению свитой, китайского торговца из дальней провинции Ганьсу, его слуг и нескольких монахов и мирян, с радостью примкнувших к каравану: путешествовать по беспокойным дорогам в большом отряде безопаснее.

Путешествие невероятно увлекательное. Кроме всевозможных происшествий, случающихся по дороге, я не перестаю дивиться моим попутчикам.

Как-то раз начальник группы, настоящий гигант, привел в гостиницу, где мы остановились, путан-китайнок.

Невысокие и хрупкие, в комнате ламы они смотрелись как семейство лилипутов в берлоге великана-людоеда.

Этот «лама» — *нгагсна*, принадлежащий к одной из самых еретических сект магов; лицом духовным его вряд ли можно назвать. К тому же он женат.

Они грубо и громко торгуются; двери распахнуты настежь. Невозмутимый секретарь-переводчик излагает по-китайски циничные, но откровенные реплики обитателя пограничных кукунорских пустынь. Наконец они договариваются о гонораре в пять китайских долларов; одна из куколок остается на ночь.

Наш распутный приятель еще и вспыльчив. На следующий день он в пух и прах разругался с китайским офицером. Вооруженные солдаты с ближайшего военного поста врываются в гостиницу. Лама зовет слуг, те тоже обнажают оружие. Хозяин гостиницы бросается мне в ноги, умоляя вмешаться. С помощью китайского торговца, члена нашей группы, переводившего мои слова с тибетского, я смогла внушить солдатам, что недостойно обращать внимание на глупые выходки кукунорского дикаря.

Затем я уговариваю ламу не компрометировать себя и свое положение перед непотребными солдатами.

Мир восстановлен.

Я узнаю, что такое разбой и гражданская война. Пытаюсь лечить брошенных на произвол судьбы раненых. Однажды утром я вижу висящую над дверью нашей гостиницы связку голов — это только что казнили грабителей. Такой вид настраивает моего невозмутимого сына на философский лад — он тут же спокойно делится со мной своими мыслями.

По лежащей перед нами дороге мы ехать не можем — впереди идут бои. Я решаю, что, перебравшись в город Дунчжоу, расположенный в нескольких километрах в стороне от главной дороги в Сяньфу, я смогу на безопасном расстоянии миновать район военных действий.

Через день после моего прибытия Дунчжоу окружили. Я видела штурм города; враги взбирались по высоким лестницам на крепостные стены, а защитники Дунчжоу сбрасывали на них камни. Мне казалось, я живу в какой-то древней картине, на которой изображены некогда отгремевшие битвы.

Я покидаю осажденный город во время бури, пока солдаты по ту сторону крепостных стен сидят в своих укрытиях. Кони в нашей повозке всю ночь мчатся во весь опор. Останавливаемся около реки, в безопасном, как нам кажется, месте. Зовем перевозчика. В ответ с другого берега звучат выстрелы.

Вспоминается забавное чаепитие с губернатором Шэньси. Город окружен. За плечами подающих чай солдат висят винтовки, на поясе — револьверы: в любую минуту может начаться штурм. Однако гости спокойно беседуют с изысканной и несомненно искренней учтивостью: это дает о себе знать древняя китайская культура.

Мы обсуждаем философские проблемы; мои слова переводит один из офицеров, великолепно владеющий французским. Никакие переживания не отражаются в этот трагический момент на лицах губернатора и его приближенных — все они улыбаются. Эта беседа за чаем напоминает неспешный обмен изысканными репликами в интеллектуальной игре эрудитов.

Как благородны и культурны китайцы при всех их недостатках, и как они милы!

Наконец-то я выбралась из зоны военных действий. Я в Амдо, во дворце пегьяй-ламы, в монастыре Гумбум... Опять погружаюсь в тибетскую жизнь.

«Слава Будде.
На языке богов и лу*,
На языке демонов и людей,
На всех языках мира
Я возвещаю Учение».

Несколько мальчиков стоят на плоской крыше молитвенного дома. Торопливо произнеся ритуальные формулы, они синхронно подносят к губам раковины. Пока один дует в раковину, другой переводит дыхание, — таким образом, слышится непрерывный рев. То затихая, то постепенно усиливаясь, он разносится по погруженному в сон монастырю.

На фоне яркого звездного неба юные послушники в их монашеском одеянии напоминают выстроившихся в ряд каких-то сверхъестественных созданий, которые сошли на землю, чтобы будить усопших. И действительно: тихий *гомпа* с его неисчислимыми белесыми домиками под полыми крышами ночью напоминает гигантский город мертвых.

* Змеи-полубогини, живущие в озерах и океанах; считается, что они обладают несметным богатством.

Музыка постепенно стихает. Свет пробивается сквозь окна роскошных *гарба*^{*}, а от приютившихся около них *таша*^{**} долетает неясный шум.

Отворяются двери, и торопливый топот заполняет улицы монастырского городка: монахи спешат на утреннюю службу.

Когда они приближаются к молитвенному помещению, небо как раз начинает бледнеть, занимается заря. Оставив снаружи свои войлочные сапоги, они гурьбой вваливаются внутрь, торопясь разобраться по местам.

Численность монахов в больших монастырях достигает нескольких тысяч. Странная, оборванная, дурно пахнущая толпа, разительно контрастирующая с великолепием парчовых одежд и усыпанными драгоценностями мантиями и жезлами приближенных *цогс чен шалнго*, выборного настоятеля *гомпа*.

С высокого потолка, галерей и колонн свисают холсты с бесчисленными изображениями Будды и разных божеств; на фресках, украшающих стены темного здания, едва различимы многочисленные другие достойные боги, святые и демоны.

В глубине зала, позади масляных лампад, мягко поблескивают позолотой статуи прежних великих лам; здесь же в массивных серебряных и золотых гробницах покоится их прах или мумифицированные останки. Все вокруг окутано флером таинственности, скрадывающим грубые черты и облагораживающим позы и лица людей. Уж какие там знания можно почерпнуть от собравшихся здесь необразо-

* *Гарба* — дворцы великого ламы.

** *Таша* — жилища простых монахов.

Монастырь Гумбум, в котором автор книги провела почти три года.

ванных монахов, но зрелище молитвы как таковой производит сильнейшее впечатление.

Теперь все сидят неподвижно, скрестив ноги: ламы и официальные лица на возвышениях — высота «стульев» зависит от занимаемого каждым из них положения, простые монахи — на длинных, почти вровень с полом скамьях.

Слышится медленное низкое пение. Колокольчики, плачущие *гьялинги*, грохочущие *рагдонги*, маленькие и большие барабаны — на них отбивается ритм — время от времени присоединяются к человеческим голосам.

Малыши-новички, сидящие по краям скамей около выхода, едва смеют дышать. Они знают, что если они будут болтать или попробуют поиграть, *чостимпа** сразу это заметит; новички боятся плети и хлыста, висящих тут же, около его высокого сиденья.

Однако наказанию подвергаются не только маленькие мальчики — взрослым членам монашеской иерархии тоже иногда доводится схлопотать добрую порцию розог.

Я была свидетельницей нескольких таких необычных зрелищ. Один случай подобного рода произошел в монастыре Сакья во время праздничных торжеств.

В *цокханге* (молитвенном зале), где находилось несколько сот монахов и отправлялась обычная служба с традиционной музыкой, трое человек жестами переговаривались между собой. Они сидели не на центральной скамье и думали, что хорошо прикрыты спинами находящихся впереди монахов. *Чостимпа*, как они полагали, не заметит их едва уловимых жестов и взглядов, которыми

* Служитель, следящий за дисциплиной в *гомпа*, особенно во время религиозных обрядов.

Монастырь Сера в Лхасе, один из трех крупнейших тибетских монастырей.

они обменивались. Но, как видно, боги-покровители ламаистских монастырей наделили суровых блюстителей порядка поразительно острым зрением: *чостимпа* увидел «преступников» и двинулся к ним. Это был высокий темнокожий *кхампа** с фигурой атлета, и когда он становился на возвышение, то походил на некое бронзовое изваяние. Он снял со стены плеть, сошел со своего трона и с видом карающего ангела зашагал через весь зал.

Чостимпа прошел мимо меня, закатывая рукава. Плеть, которую он сжимал своей ручищей, состояла из нескольких кожаных ремней — каждый шириной с указательный палец и с узлом на конце.

Дойдя до места, где провинившиеся ожидали неминуемого наказания, он одного за другим схватил их сзади за шиворот и грубо стащил со скамьи.

Не имея возможности даже помыслить о побеге, эти ребята безропотно прошли между рядами монахов в коридор и пали там ниц, уткнувшись лбами в пол.

Каждому досталось по несколько ударов плетью, после чего они, хоть и перепуганные, но исполненные собственного достоинства, прошествовали на свои места.

Но в молельном зале карают лишь за незначительные провинности — такие, как нарушение тишины, неприличное поведение и тому подобное. За более серьезные проступки наказывают в другом месте.

Наступает всеми любимый перерыв: вносят дымящийся чай, по тибетскому обычаю приправленный маслом и солью. В больших деревянных бадьях его разносят по рядам. У каждого *траппы* за пазухой есть чашка. Чашки различаются в зависимости от того, к какой секте принадле-

* Житель провинции Кхама, что в Восточном Тибете.

жит монах. На молитве нельзя пользоваться фарфоровыми или украшенными серебром чашками. Самым высокопоставленным духовным лицам тоже предписана обычная деревянная посуда. Но даже это правило, задуманное как символическое напоминание о поощряемых подлинным буддизмом самоотречении и нищете, хитроумные ламы научились обходить. Чашка самого богатого из них действительно сделана из дерева. Но кухонная утварь, изготовленная из древесины, добываемой из особых наростов на некоторых деревьях, ценится довольно дорого — до шести фунтов стерлингов в пересчете на английские деньги.

В богатых *гомпа* чай щедро сдабривают маслом, и монахи приносят с собой на молитву маленькие плошки, куда сдувают некоторое количество жира, плавающего на поверхности. Потом они продают его или используют сами для повторного приготовления чая или как горючую смесь для домашних светильников — для алтарных лампад годится только свежее масло.

Траппы приносят с собой и *тсампу**. Эта мука да бесплатный чай и составляют весь их завтрак.

В определенные дни монахам вместе с чаем выдают *тсампу* с кусочком масла. Иной раз чай заменяют супом. Бывает даже, что в один прием пищи монахи получают и суп, и чай.

В знаменитых монастырях меню таких специальных завтраков довольно разнообразно: этому способствуют богатые паломники, а также великие ламы, живущие в этих монастырях. В такие дни кухня бывает доверху заполнена грудami *тсампы* и огромными кучами масла в мешках из овечьих желудков. Еще более впечатляющим быва-

* Мука из прожаренного ячменя; основная пища тибетцев.

ет зрелище, когда повара готовят суп. Тогда, чтобы получить нужное количество бульона, разделявают сотни овечьих туш.

В Гумбуме, как и в других монастырях, я, женщина, не могла присутствовать на монашеских застольях. Зато стоило мне лишь пожелать, и мне в комнату приносили полную тарелку всяческих деликатесов.

В один из таких дней я отведала некое монгольское блюдо, в состав которого входила баранина, китайские финики, масло, сыр, творог, леденцы и много других компонентов и специй, сваренных вместе в одной емкости.

Это было не единственное произведение кулинарного искусства, которым меня потчевали повара-ламаисты.

Порой во время приема пищи *траппам* раздают деньги. По сравнению с тибетцами, монголы невероятно щедры к монахам. Я сама видела, как некоторые из них оставляли в монастыре свыше десяти тысяч китайских долларов.

Вот так, день за днем, морозным утром или на рассвете теплого летнего дня, на огромных территориях*, по сравнению с которыми сам Тибет представляется лишь маленьким островком, совершаются в бесчисленных *гомпа* эти своеобразные ламаистские заутрени.

Каждое утро полусонные юноши вместе со старшими *траппами* погружаются в необычную атмосферу, представляющую собой смесь мистицизма, гастрономических хлопот и надежд на подаяние. По этому началу дня можно составить представление обо всей жизни ламаистского монастыря. В ней тоже совмещается несовместимое: утон-

* Вся Монголия, некоторые области Сибири, Маньчжурии и даже европейской части России.

ченная философия, торгашество, высокая духовность и азартная погоня за плотскими удовольствиями. Все это так тесно переплетено между собой, что распутать этот клубок не представляется никакой возможности.

Новички, столкнувшись с этими разнородными течениями, развиваются дальше в соответствии с их природными наклонностями и с тем, куда их направят учителя. Такое раннее и непоследовательное воспитание порождает единицы интеллектуалов-эрудитов, массу ленивых, тупых и сонных головотяпов и велеречивых хвастунов, а также немногих мистиков, становящихся впоследствии отшельниками и проводящих всю жизнь в медитации.

Но отдельно взятый *траппа* или лама редко принадлежит к какому-то одному из вышеперечисленных классов. Большинство монахов объединяют в себе все эти ипостаси — хотя бы в зародышевом состоянии. В зависимости от обстоятельств может проявиться та или иная из них.

Безусловно, не только в тибетских ламах могут сосуществовать одновременно множество личностей. Однако в тибетских монахах это свойство выражено наиболее ярко, и для внимательного наблюдателя их речь и поведение могут служить неиссякаемым источником неожиданностей.

Тибетский буддизм сильно отличается от буддизма цейлонского, бирманского, китайского или японского. Тибетские монашеские жилища также имеют свои особенности. Как я уже говорила, по-тибетски монастырь называется «гомпа»*, что значит «уединенное жилище», — и такое название вполне оправдано.

* Пишется *дгон па*.

Тибетские *гомпа*, что в гордом одиночестве стоят на открытых всем ветрам вершинах, выглядят несколько воинственно — они словно на все четыре стороны света бросают вызов невидимым врагам. При взгляде на другие монастыри, прижавшиеся к земле среди высоких горных хребтов, нередко возникает чувство тревоги: они кажутся лабораториями, откуда ведется управление оккультными силами.

Для такой внешней двойственности имеются определенные основания. В наше время мысли монахов заняты главным образом теми или иными меркантильными соображениями, однако первоначально тибетские *гомпа* предназначались отнюдь не для приземленных людей.

Покорение недоступного чувству мира, достижение трансцендентного знания, господство над оккультными силами и осознание всего мистического — таковы были цели, ради которых возводились высокие ламаистские цитадели и загадочные города, скрытые в лабиринтах заснеженных гор. Но в наши дни маги и мистики живут, как правило, вне монастырей. Чтобы оградиться от атмосферы, слишком насыщенной духом погони за материальными благами, они забираются в самые отдаленные и труднодоступные уголки страны. Они живут в полном уединении, испытывая на себе все невзгоды, выпадающие на долю подлинных исследователей. Впрочем, за редким исключением, все анахореты начинают монашескую жизнь послушниками в действующей религиозной иерархии.

Мальчики, которым родители определили быть монахами, воспитываются в монастырях с восьми-девяти лет. Они становятся подопечными своих же родственников, а если среди монахов у мальчика родственников нет, его бе-

рет под свою опеку кто-нибудь из обитающих в монастыре знакомых. Как правило, этот опекун становится первым и, в большинстве случаев, единственным учителем новичка.

Однако состоятельные родители, способные щедро воздать за услуги какому-нибудь ученому монаху, либо отдают сына под его покровительство, либо договариваются, что он будет заниматься с послушником в определенные часы. Иногда родители просят позволить их сыну поселиться около высокопоставленных духовных лиц: тогда последние так или иначе будут за ним присматривать.

Богатые родители помогают своим детям, поставляя в дом их опекунов такую традиционную еду тибетцев, как масло, чай, *тсампа* и мясо.

Кроме основных продуктов питания состоятельные тибетцы снабжают сыновей всевозможными деликатесами: сыром, сухофруктами, сахаром, мелассой, пирожными и т. п. Все эти сокровища играют немаловажную роль в жизни тех счастливиц, которым достаются. Мальчики начинают бесконечную меновую торговлю; кроме того, бедные и любящие полакомиться ребята за несколько кусочков сушеной баранины или сморщенных и твердых как камень абрикосов могут оказать множество разных услуг.

Таким образом, едва научившись разбирать по буквам первые страницы религиозных трактатов, юные тибетцы начинают постигать разные торгашеские уловки. Нетрудно догадаться, что последними они часто овладевают быстрее, чем книжной премудростью. Совсем неимущие становятся *геогами**: они прислуживают учителям, а те обучают их, иногда кормят и одевают. Излишне говорить, что

* «Слугами добродетели» или «добродетельными слугами».

уроки у таких наставников коротки и нечасты! Преподаватель, сам нередко еле умеющий читать, а то и вовсе неграмотный, едва способен выучить послушника отрывкам из религиозной службы — ее слова ученик немилосердно исковеркает, а значения никогда не поймет.

Многие *геоги* вообще ничему не учатся. Не то чтобы их сильно утомляли обязанности слуги, но из-за свойственной их возрасту беспечности они не просят о совсем не обязательных для них уроках и растрачивают часы досуга на игры друг с другом.

После того как новичка приняли в монастырь, он получает право на свою долю от прибыли *гомпа** и от даров, преподнесенных общине поборниками веры.

Если с течением времени послушник обнаруживает склонность к учению и позволяют обстоятельства, он имеет право поступить в одно из монастырских училищ (всего их существует четыре, по одному в каждом большом ламаистском монастыре).

Юноши из меньших *гомпа*, где нет училищ, в любой момент вольны покинуть свой монастырь и отправиться учиться куда-нибудь в другое место.

Училище *Цен нид* специализируется на философии и метафизике, училище *Гъюд* — на ритуалах и магии, *Мен* — на китайской и индийской медицине, а *До* — на священных текстах.

* Опускаю здесь подробности, касающиеся внутреннего устройства ламаистских монастырей, источников их доходов, их обитателей и т. д., поскольку вся эта информация представлена в книге «Мое путешествие в Лхасу».

Грамматику, арифметику и некоторые другие дисциплины изучают в частном порядке вне стен учебных заведений.

Студенты-философы как младшего, так и старшего возраста регулярно устраивают диспуты. Диспуты эти часто проводятся на открытом воздухе, в обнесенных стенами тенистых садах больших монастырей — эти сады специально предназначены для таких дискуссий.

Используемые во время полемики жесты очень оживляют диспуты и являются их неотъемлемой частью. Существуют определенные инструкции, как во время формулирования вопроса следует оборачивать вокруг руки четки, хлопать в ладоши и притопывать. Другими правилами предусмотрено, как человек должен подпрыгнуть, когда дает обычный ответ или когда отвечает вопросом на вопрос. Реплики, которыми обмениваются монахи, состоят, в основном, из цитат — а они подтверждают лишь отменную память участников дискуссии; таким образом, именно гримасы студентов вместе с их вызывающими позами создают видимость бурных дебатов.

Однако не всех учащихся Философского училища можно назвать бездумными попугаями. Среди них встречаются выдающиеся интеллектуалы и глубокие мыслители. Они тоже способны часами цитировать бессчетные книги, но кроме этого могут пояснить заложенный в древних текстах смысл и даже представить собственные размышления.

Вот еще одна заслуживающая внимания деталь таких публичных споров: того, кто был признан победителем, поверженные им оппоненты на плечах обносят после диспута вокруг всего собрания.

Среди всех учебных заведений тибетских монастырей наибольшим великолепием отличается Училище ритуальной магии, а его студенты, *гьид-па*, пользуются всеобщим уважением. Считается, что они владеют особыми техниками, позволяющими умиловить свирепых богов и подчинить злых духов; именно этим студентам поручена защита монастырей. Государство тоже возложило на *гьид-па*, обучающихся в двух больших лхасских училищах *Гьид*, сходную миссию: они должны содействовать благоденствию страны и далай-ламы, а также отводить от Тибета и его главы все невзгоды и насланные несчастья.

Еще они должны всячески ублажать местных богов, пожаловавших когда-то людям свое расположение или попустительство в обмен на вечное благоговение и удовлетворение их желаний. *Гьид-па* обязаны также с помощью искусства магии удерживать в неволе неукротенных злых духов.

Мы называем *гомпа* монастырями только из-за того, что в английском языке нет более подходящего слова. На самом деле они имеют очень мало общего с христианскими монастырями. *Гомпа* обладают собственностью; их обитатели придерживаются безбрачия — на этом и заканчивается сходство между христианским и ламаистским религиозными орденами.

Что касается обета безбрачия, то он распространяется лишь на монахов секты *гэлугпа*, называемых, как правило, «желтошапочниками», в то время как во многих «красношапочных» сектах безбрачие обязательно только для *гелонгов*, полностью посвятивших себя религии. У женатых лам и *трапп* вне монастыря имеются домики, где проживают их семьи. Кроме того, в монастырях для этих мона-

хов зарезервированы помещения, где они изредка останавливаются во время религиозных празднеств, а также для медитации или совершения религиозных обрядов. Женам не разрешается жить вместе с мужьями в монастыре.

Ламаистские монастыри, как и *вихара* на Цейлоне или монастыри любой другой буддистской страны, созданы затем, чтобы давать пристанище людям, преследующим духовные цели. Эти цели не являются чем-то четко очерченным, обязательным и общим для всех обитателей *гомпа*. Скромные или возвышенные, они остаются тайной для всех, и для их достижения монаху дозволены любые средства. В ламаистских монастырях не существует никаких общих обрядов, никаких одинаковых и обязательных для всех религиозных практик. Существуют только правила организационного характера, касающиеся вопросов поддержания обители в должном порядке или посещения собраний, проводимых ежедневно или от случая к случаю. Эти собрания не имеют ничего общего с отправлениями культа, где каждый присутствует ради своего же блага, надеясь извлечь из этого пользу для самого себя. Когда монахи сходятся в зал собраний, они не только слушают сообщения властей монастыря, но и читают отрывки из священных книг во славу *гомпа*, государства, а также благодетелей монастыря. Считается, что такие чтения способствуют всеобщему процветанию, отводят от людей болезни, несчастья и отгоняют прочь злых духов.

Что касается ритуальных церемоний магического характера, то они тоже совершаются с определенной целью, к которой участники обряда не имеют никакого отношения. Считается даже, что никто не может извлечь из них

пользы для самого себя. Самые искусные *гвид-па* вынуждены обращаться за помощью к коллегам, когда хотят использовать ритуалы в личных интересах.

Магическими действиями в личных целях, равно как медитациями и обрядами, относящимися к духовной жизни, каждый монах занимается у себя в келье. И никто, за исключением избранного этим монахом учителя, не имеет права вмешиваться в то, что он делает. Мировоззрение ламы также никого не касается. Он может исповедовать любое учение, которое сочтет истинным, он может быть даже абсолютным атеистом — все это его личное дело.

В ламаистских монастырях нет ни церквей, ни часовен, поскольку, как уже упоминалось, нет и богослужений, в которых миряне могли бы участвовать или хотя бы на них присутствовать.

В *гомпа* кроме молельных залов много *лха-кхангов*, то есть «божьих обителей». Каждый из них посвящен божеству или какой-либо видной фигуре из буддийской истории или мифологии. Желающие наносят визиты вежливости изображениям этих прославленных персон. В их честь они зажигают лампаду или курят благовония, приветствуют их, трижды простираясь ниц, и уходят. Часто они просят могущественного покровителя взять их под свою опеку, однако большинство таких вежливых посещений — плод бескорыстного благоговения.

Перед изображением Будды не просят ничего, поскольку Будда пребывает вне «мира желаний», как, впрочем, и вне всех остальных миров. Зато здесь монахи дают обеты и произносят духовные пожелания: «Пусть в этой или в следующей жизни я смогу щедро одарить людей и многое сделать для человеческого процветания!» или «Пусть я

постигну смысл учения Будды и проживу жизнь согласно ему!»

Многие люди (их гораздо больше, чем можно себе представить) воздевают руки к изображению Будды, протягивают к нему маленькую лампадку, словно совершая жертвоприношение, и просят лишь об одном — о духовном просветлении. Для осуществления своей цели эти люди могли бы что-то сделать и сами, однако тибетцы все еще верят в мистический идеал достижения вечного блаженства путем просветления.

Наряду с абсолютной духовной свободой ламаистские монахи обладают и практически неограниченной свободой физической.

Они не живут единой коммунной: у каждого есть свой дом или какое-то помещение, и каждый живет так, как позволяют ему его средства.

Современный буддийский монах совсем не обязан владеть нищенское существование, как это было заведено в древности. Необходимо заметить, что ламы, добровольно обрекающие себя на нищету, не пользуются благодаря этому каким-то особым уважением — скорее наоборот. Одни лишь анахореты развлекаются подобными «чудачествами».

Впрочем, нельзя сказать, что идея полного самоотречения, как его понимают индийцы (и, быть может, только они), полностью чужда тибетцам* и что они не воздают должное ее благородству. Люди с благоговением и восхищением слушают, как отпрыски состоятельных фамилий покидали свой дом и становились нищенствующими мо-

* Примером тому может быть живший в XI веке поэт-отшельник Миларепа, один из самых знаменитых тибетских святых.

нахами (особенно популярна история Сиддхартхи Гаутамы, Будды, пренебрегшего титулом принца и отказавшегося от всего своего имущества). Но все эти истории, повествующие о давних событиях, воспринимаются как отголоски какого-то иного мира, не имеющего ничего общего с тем, в котором ныне живут богатые и почтенные ламы.

Человек вправе вступить в религиозную иерархию и занять в ней любое положение, даже если он не принадлежит ни к какому монастырю, — но такое бывает нечасто. Готовящийся стать отшельником должен достичь определенного возраста и осознавать свои поступки и намерения.

Прием в *гомпа* не означает, что монаху автоматически будет предоставлено жилье. Каждый новоприбывший должен построить себе жилище сам или выкупить его у прежнего владельца, если только помещение ему не достается в наследство от родственника или учителя. Бедные монахи снимают одну-две комнаты у более богатых. Ученикам, ученым и пожилым ламам предоставляется бесплатное помещение в домах богатых лам.

Самые бедные из монахов, нуждающиеся в полном пансионе, поступают в услужение к состоятельным обитателям монастыря. В зависимости от способностей, они становятся писцами, поварами, конюхами. Те, кому посчастливится устроиться слугами *тулку*, нередко превращаются со временем в богатых и видных людей.

Ученые монахи, выходцы из бедных семей, зарабатывают на жизнь тем, что нанимаются учителями или, если наделены художественным даром, рисуют картины религиозного содержания. Они могут стать и духовниками в домах богатых лам или мирян, а также время от времени

отправлять различные обряды у домовладельцев. Кроме этого они промышляют ворожбой, астрологией и составлением гороскопов.

Лама-лекарь может создать себе громкое имя, если сумеет вылечить некоторое количество известных людей. Но и при более скромных успехах профессия врача весьма прибыльна.

Однако самым заманчивым полем деятельности для большинства остается торговля. Многие из монахов, не чувствующих особого пиетета к религии, становятся торговцами. Если у них недостаточно денег, чтобы начать собственное дело, эти монахи нанимаются к какому-нибудь коммерсанту в секретари, счетоводы или даже слуги.

Монастыри имеют право более или менее открыто заниматься коммерцией. Монахам, имеющим серьезный бизнес, разрешается сопровождать торговые караваны и открывать магазины и лавки в любом месте, где они сочтут нужным.

Кто-то может заметить, что занятие торговлей плохо сочетается с религиозностью. Однако нельзя забывать, что монахи почти никогда не выбирают себе профессию сами. Большинство из них попадает в монастырь в детском возрасте, и было бы несправедливо упрекать этих людей в том, что они не верны религиозной деятельности — они попали на духовный путь не по своей воле.

Правду сказать, ламаистские монастыри поддерживают торговлю из-за того, что она способствует их обогащению. Они меняют и продают урожай и скот, выращенный людьми, живущими на землях *гомпа*. Солидным источником доходов служат и большие денежные сборы, так называемые *картики*, устраиваемые раз в один, два или три го-

да. Иногда ламы обращаются с просьбой пожертвовать средства на строительство нового монастыря, на пристройку нового здания к уже существующему или еще для каких-нибудь нужд. Монахи из маленьких *гомпа* просто идут в соседние селения собирать подношения, в то время как большие монастыри снаряжают для этого настоящие экспедиции. Целые группы *трапп* отправляются из Тибета в Монголию и через несколько месяцев, словно воины-победители, возвращаются с сотнями лошадей, коров, с серебром-золотом и всевозможными товарами, пожертвованными *гомпа* ревнителями веры.

По традиции, часть денег или товаров вручается должностному лицу монастыря, чтобы тот для общего блага заключал торговые сделки со столицей. Например, на протяжении года или более он должен снабжать *лха-кханги* необходимым количеством масла для лампад, обеспечивать монахов едой или организовать ремонт монастыря, заготавливать фураж, заниматься приемом гостей и т. д. В конце оговоренного срока — одного года или трех лет — он обязан вернуть все ссуженные ему деньги. Если этот человек смог распорядиться средствами с большей выгодой, чем требовалось, тем лучше для него — он сможет свести концы с концами. Если же он потратил больше, чем следовало, он доплачивает разницу из собственного кармана. В любом случае, капитал должен остаться в неприкосновенности.

Управлять большим монастырем так же сложно, как и городом. Кроме нескольких тысяч человек, проживающих на территории *гомпа*, еще много людей обитает на принадлежащих монастырю землях — все они находятся под протекцией *гомпа* и тоже подсудны его законам. Все мир-

ские дела возложены на многочисленных служащих и тех, кто выполняет обязанности полицейских — тоже духовных лиц.

Выборным настоятелем *гомпа* является *цогс чен шал нго*. Именно он назначает наказания нарушителям монастырских порядков, и от него исходят разрешения поселиться в *гомпа* или отлучиться из него. У него есть несколько помощников — все они носят нарядные, усыпанные драгоценными камнями мантии и массивные серебряные жезлы, инкрустированные золотом, бирюзой и кораллами.

О *добдобах* — полицейских — следует упомянуть особо. Их набирают из числа тех атлетически сложенных и неграмотных хвастунов, которых детьми отдали почему-то не в казармы, а в монастырь.

Наделенные дикой и безрассудной животной смелостью, всегда ищущие, с кем бы повздорить и какую бы пакость совершить, эти наглые негодяи являют собой живой пример средневековых головорезов.

Все они питают слабость к грязи. Топленое сало, по их мнению, придает мужчине воинственный вид. Настоящий храбрец никогда не моется. Более того, он натирает лицо салом и оседающей на дне котелка сажей, пока оно не станет черным, как у негра.

Иногда *добдобы* ходят в лохмотьях из-за бедности, но чаще они сами рвут на себе одежду — это, как им кажется, делает их вид еще более устрашающим.

Почти всегда, надевая новое платье, *добдоб* первым делом вымазывает его жиром. Так велит традиция. Какой бы дорогой ни была материя, *добдоб* разомнет черными пальцами масло и все равно вымажет им одежду.

Эти странные молодчики полагают, что нет ничего элегантнее, чем блестящая, как атлас, и твердая, как броня, одежда, — такой она становится, если заботливо и регулярно наносить на нее слои пыли и грязи.

Чудесное Древо Цзонхавы

Известность монастырю Гумбум принесло чудесное дерево. Вот как об этом рассказывают гумбумские хроники.

В 1555 году в Амдо, что в северо-восточном Тибете, на том месте, где стоит ныне монастырь Гумбум, родился реформатор Цзонхава, основатель секты гэлугпа*.

Вскоре после этого Лама дубчен Карма Дордже предсказал, что ребенку уготована необыкновенная судьба, и посоветовал родителям содержать место, где он родился, в абсолютной чистоте. Через некоторое время там выросло дерево.

Еще и сегодня местные жители ложатся спать на подушках или коврах, расстеленных прямо на полу — а пол в большинстве домов Амдо земляной. Это обстоятельство объясняет логику предания, повествующего о том, как из пролившейся во время родов крови и перерезанной пуповины могло вырасти дерево.

Сперва на листьях молодого дерева не проявлялось никаких особенных знаков, однако благодаря чудесному происхождению оно стало пользоваться известностью, и к деревцу со всех окрестностей начали стекаться люди, чтобы поклониться ему. Один монах построил поблизости от

* Секта «желтошапочников». «Гэлугпа» дословно переводится как «люди с добродетельными привычками».

него хижину и поселился в ней. Именно с этой хижины и начался нынешний большой и богатый монастырь.

Через много лет, когда Цзонхава уже начал свою реформаторскую деятельность, его мать, долгое время жившая отдельно от сына, захотела, чтобы Цзонхава приехал к ней. Она отправила сыну письмо со своей просьбой. Цзонхава тогда жил в Центральном Тибете. Погрузившись в мистическую медитацию, он понял, что его поездка никому не принесет пользы, и тоже ответил матери письмом. К этому посланию он приложил две карточки со своим портретом — для матери и сестры, рисунок с изображением Гьялва Сенге* и несколько изображений Дэмчога, божества из тантрического пантеона.

Когда семья реформатора получила этот пакет, Цзонхава, используя на расстоянии свою магическую силу, сделал так, что священные изображения проступили на листьях чудесного дерева. По преданию, они были до того четкими и совершенными, что самый искусный художник не смог бы нарисовать лучше.

Кроме изображений, на листьях и коре дерева появились и другие знаки, в том числе и «Шесть Надписей» (шестисложная формула *Ом мани падме хум*).

Отсюда и произошло название Гумбума — «Сто тысяч изображений».

Побывавшие в Тибете французские священники Юк и Габе подтвердили, что видели слова «*Ом мани падме хум*» на стволе и листьях дерева.

Какое же именно дерево видели два путешественника?

* Более известен под именем Джампеянга. Его санскритское имя — Манджушри.

Монастырские хроники утверждают, что после появления изображений дерево завернули в шелк (в «мантию») и возвели вокруг него храм.

Была ли у этого храма крыша? Слово *чортен*, употребляемое в тексте, говорит о том, что крыша была: *чортены* — сооружения с остроконечной верхушкой, — следовательно, закрытые.

Без света и воздуха дерево не могло жить долго. А поскольку, как утверждают хроники, *чортен* построили в XVI веке, отцы Юк и Габе могли видеть в лучшем случае лишь сухой ствол. Однако в их описании фигурирует живое дерево.

Хроники утверждают также, что дерево не менялось ни зимой, ни летом и что количество листьев на нем оставалось неизменным.

В другом месте упомянуто, что из *чортена*, в котором оно помещалось, однажды слышался шум. Настоятель Гумбума зашел в *чортен*, вычистил все вокруг дерева и обнаружил рядом с ним какую-то жидкость, которую выпил.

Эти детали указывают на то, что дерево находилось в закрытом и редко посещаемом помещении. Но растения того вида, к которому принадлежит гумбумское дерево, рано опадающие, так что зеленые листья на нем могли сохраниться, только если оно было живым.

Трудно что-либо понять в этих противоречиях.

В наше время *чортен* высотой 10—15 метров (подлинное дерево, как говорят, находится внутри него) стоит посреди золототерялого храма.

Правда, когда я была в Гумбуме, ламы утверждали, что этот *чортен* сооружен всего несколько лет назад*.

* Или, скорее, отстроен после пожара.

Напротив этого храма произрастает обнесенный изгородью молодой побег чудесного дерева — этому побегу тоже поклоняются.

Еще одно дерево, значительно больших размеров, которое, как считается, тоже произошло от чудесного растения, пересадили в маленький садик перед храмом Будды. Когда с этих двух деревьев опадают листья, их собирают и раздают верующим. Возможно, отцы Юк и Габе видели одно из них. Приезжающие в Гумбум иностранцы, как правило, не знают, что в склепе сохраняется Чудесное дерево, не говоря уже о том, что о его истории они не слышали вообще ничего.

Некоторые европейцы, живущие в Ганьсу (китайская провинция, на границе которой расположен Гумбум), говорили мне, что видели на листьях этих двух деревьев надписи *Ом мани падме хум!* Но паломники-ламаисты и монахи из монастыря (около трех тысяч человек) ничего на листьях не замечают и выслушивают рассказы о видениях чужеземцев с презрительной усмешкой.

Тем не менее древние хроники свидетельствуют, что около четырех столетий назад, когда чудесные отпечатки появились впервые, они были видны каждому.

Живые будды

Кроме всевозможных служащих, в *гомпа* существует определенная категория людей, которые, как правило, прямо не участвуют в делах монастыря и ведут более или менее замкнутую жизнь в роскошных дворцах. Это *ламы-тулку*.

В ламаизме институт *тулку* занимает видное место, привнося в эту религию одну из тех особенностей, что так сильно отличают ее от остальных буддийских сект.

Подлинная сущность лам-*тулку* так и не раскрыта западными авторами во всей ее полноте; закрадывается мысль, что эти авторы о ней и не догадываются. Тем не менее на теории, касающиеся *тулку*, стоит обратить внимание, поскольку в них нет слепой веры в инкарнации и перевоплощения духовных сущностей; как мы увидим позже, это нечто граничащее с областью психических феноменов.

Особая каста религиозной аристократии, известная под названием *тулку*, появилась сравнительно недавно: такой, какой мы ее знаем, она стала в середине XVII века.

Тогда Лобсанг Гьяцо, пятый великий лама секты гэлуг-па («желтошапочников»), в статусе временного правителя был возведен монгольским принцем на тибетский престол; китайский император признал его. Однако все эти земные почести показались ламе недостаточными, и он провозгласил себя эманацией Бодхисаттвы Ченрези. Также он назначил своего духовного учителя великим ламой Ташилхунпо, утверждая, что его наставник — *тулку* Опагмед, мистический Будда, приходящийся духовным отцом Ченрези*.

Этот поступок ламы-монарха послужил толчком к тиражированию *тулку*. Скоро все более или менее крупные монастыри стали считать делом чести иметь во главе воплощение той или иной видной фигуры. Впрочем, провозглашая себя *тулку* Ченрези, Лобсанг Гьяцо не изобрел ни-

* Ченрези и Опагмед — тибетские имена мистических существ, называемых на санскрите соответственно Авалокитешварой и Амитабхой.

чего нового. Нечто похожее можно обнаружить и в махаянистских положениях о мистических буддах и их духовных потомках — бодхисаттвах, а также о людях-буддах, которых считают эманациями бодхисаттв.

Более того, после смерти Гедундуба (около 1470 г.), ученика Цзонхавы, все последующие главы секты «желтошапочников» были признаны его инкарнациями. Так что пятый далай-лама еще прежде, чем стать *тулку* Ченрези, уже был *тулку* Гедундуба.

Впрочем, тибетцы верили в *тулку* еще раньше, в XI веке. В биографии Миларепы читаем: Бхираджа, один из его учеников, убежденный, что учитель — воплощение какого-то божества, просил наставника открыть ему свое имя. Миларепа же верил, что его учитель, лама Марпа, — *тулку* Дордже Чанга. Он неоднократно называл ламу этим именем — и не только в стихах, но и когда обращался к нему лично.

Таким образом, хотя первые общепризнанные аватары и представляли собой отдельные случаи, не составлявшие единой цепи воплощений, они подготовили почву для далай-ламы — Ченрези и еще тысяч *тулку*, рассеянных сегодня по всем ламаистским странам.

Иностранцы называют лам-*тулку* «живыми буддами». Несмотря на множество изданных на европейских языках книг о буддизме, все еще много остается людей, считающих, что «будда» — это имя основателя буддизма, имя собственное. Таких людей словосочетание «живой будда» наводит на мысль о реинкарнации исторического Будды Гаутамы.

В Тибете даже самые темные крестьяне и пастухи не верят в подобную чушь. Что касается ученых лам, то они, как

и все остальные буддисты, считают, что Будда Гаутама (Шакья Тхубпа, как его называют тибетцы) не может еще раз воплотиться в кого-то. Объясняется это тем, что Будда достиг нирваны — состояния, которое делает невозможным никакую реинкарнацию, поскольку в нирване не существует круговорота рождений и смертей.

Это то, что касается воплощений исторического Будды: их не было в прошлом и нет в настоящем.

Бывают ли инкарнации *других* будд? Нет. Причина та же: будды достигли нирваны. Каждый из них реализовался как будда. В южных буддистских странах буддой называют лишь исторического Будду-человека, а также его предполагаемых предшественников и будущего преемника Майтрею. В то же время в воображении северных буддистов живет множество символических и мистических созданий, часть из которых тоже носят титул будды. Последние, как считается, могут воплощаться в разных существ, причем не только в людей.

Согласно ламаистским верованиям, из этого следует, что *тулку* есть реинкарнация святого или в высшей степени просвещенного человека, жившего ранее. Также *тулку* может быть воплощением существа, не принадлежащего к человеческому роду — таких случаев намного меньше. *Тулку* нечеловеческого происхождения немного: существует лишь несколько воплощений мистических будд, бодхисаттв и божеств. Это далай-лама, великий лама Ташилхунпо, богиня Дордже Пхагмо и занимающие положение рангом ниже *тулку* некоторых местных богов, таких, как Пекар.

Тулку богов, демонов и фей (*кхадома*) обычно являются персонажами легенд, хотя некоторые из ныне живущих

людей и пользуются кое-где известностью в качестве таковых. Эта категория *тулку* не принадлежит к ламаистской аристократии; можно предположить, что их корни — не в ламаизме, а в более древней тибетской религии.

Несмотря на то что в буддийской доктрине отрицается переселение душ, а вера в существование неизменного я считается в высшей степени пагубным заблуждением, многие непросвещенные буддисты подпали под влияние древнего индийского учения, представляющего *дживу* (душу) чем-то таким, что «бросает изношенные тела и облекается в новые подобно тому, как человек, сбросив ветхую одежду, надевает новую»*.

Основываясь на этом представлении, тибетцы выстроили цепь последовательных воплощений знаменитых людей**. Эти инкарнации называются «четками рождений», или «четками тел», поскольку связаны друг с другом подобно бусинкам четок.

Если *тулку* считать божественной инкарнацией или эманацией сосуществующей с ним духовной сущности, то представление о «душе, меняющей телесные одежды», не объясняет его природы. Но обычные тибетцы, как правило, столь глубоко не копают, и с чисто практической точки зрения *тулку* небожителей почитаются как подлинные реинкарнации своих предков.

Первый в человеческой линии *тулку* называется *ку конгма*; в большинстве случаев это лама, хотя бывают и исключения, как, например, родители Цзонхавы. Оба они воплотились в мальчиков, которые затем сделали лама-

* «Бхагавад-Гита», II, 22.

** *Кьяй тренг* (пишется *скье хпхренг*) или, более вежливо, *кутренг* (пишется *ску хпхренг*).

ми и поселились в Гумбуме. Ламу, признанного отцом Цзонхавы, зовут Агхья-цанг; он глава монастыря. Когда я жила в Гумбуме, ему еще не исполнилось и десяти лет.

Бывают и монахини-*тулку* — воплощения усопших святых женщин или богинь.

Между тем не может не вызвать удивления то, что реинкарнация нередко влечет за собой упадок умственных способностей и потерю святости. Нередко случается наткнуться на совершенно безмозглого малого, считающегося воплощением какого-нибудь великого мыслителя. Бывают случаи, когда приземленного эпикурейца признают реинкарнацией невероятно строгого анахорета-мистика.

Реинкарнации *тулку* — совершенно обычное явление для тех, кто верит в переселение душ. С точки зрения этих людей все мы — *тулку*, поскольку душа, заключенная сейчас в нашем теле, прежде существовала в иных оболочках. Единственная особенность *тулку* заключается в том, что они являются инкарнациями известных людей, иногда помнят прежние жизни и могут перед смертью выбрать место следующего рождения, своих будущих родителей и сообщить обо всем этом окружающим.

Правда, некоторые ламы утверждают, что реинкарнации простых людей отличаются от перерождений просвещенных личностей. По мнению этих лам, те, кто не занимается никакой умственной деятельностью и ведет обычное животное существование, бездумно потакая своим инстинктам, подобны путникам, блуждающим без всякой цели. Такой человек, завидев на востоке озеро, бежит к нему, чтобы утолить жажду. Оказавшись на берегу, он чувствует запах дыма: где-то поблизости человеческое жилье. Хорошо бы, думает он, выпить горячего чаю и найти ноч-

лег. И не дойдя до озера, устремляется на север, откуда потянуло дымком. Но на его пути встают грозные призраки — и путник сломя голову в ужасе бросается на юг. Отбежав на безопасное расстояние, он останавливается передохнуть. Тут он видит каких-то странников, — они говорят, что направляются в благословенный край радости и богатства. Загоревшись той же целью, он присоединяется к ним и идет на запад. В пути он еще много раз поддается соблазнам и сбивается с пути, всякий раз не доходя до заветной цели.

Скитаясь наобум всю жизнь, он так ничего и не достигнет. Он умрет в дороге, и его беспорядочные усилия рассеются в пространстве. А *тулку* не может родиться, если не выработать достаточное количество направленной энергии*, необходимой для возобновления потока силы.

Просветленный же человек — это путник, прекрасно осознающий цель своего путешествия, осведомленный о ее местонахождении и дорогах, к ней ведущих. Такой человек никогда не забывает о цели, не обращает внимания на встречающиеся по дороге миражи и соблазны и держит под контролем силу, явившуюся результатом его умственной концентрации и физической активности. В пути странника может настичь смерть, но энергия, инструментом которой со временем стало породившее ее тело, не рассеется. Направляясь к прежней цели, она обеспечит себя новым средством для ее достижения — новой формой, то есть *тулку*.

Относительно всего вышеизложенного существуют разные мнения. Некоторые ламы полагают, что сохранившаяся от воплощения тонкая энергия притягивает к себе

* По-тибетски *цал* или *шугс*.

родственную субстанцию и становится таким образом душой нового существа. Другие утверждают, что лишенная плоти сила вселяется в уже рожденное существо, чей внутренний мир и внешняя оболочка, обретенные в прошлых жизнях, составляют гармоничное целое.

Безусловно, эти теории могут вызвать некоторые возражения и критические замечания, однако цель книги заключается в изложении ламаистских верований, а не в том, чтобы их оспаривать. Могу сказать только, что все эти теоретические построения подкреплены множеством тибетских преданий, герои которых, совершив волевое усилие*, определяют, каким будет их следующее воплощение и что совершат те, в кого они воплотятся. Наличие таких преданий говорит о том, что среди тибетцев подобные представления бытуют уже давно.

Хотя осознанная цель и играет существенную роль в продолжении линии *тулку*, было бы ошибкой думать, что новая личность создается произвольно. Идеи детерминизма настолько прочно укоренились в умах людей, что даже неграмотные пастухи подпали под их влияние. Процесс развития личности, сообразный ее естественным склонностям, подчинен определенным законам.

Более просвещенные ламы придерживаются иных взглядов на природу *тулку*. Это, по существу, единственная действительно ортодоксальная точка зрения, которая полностью согласовывается с буквальным значением данного слова.

Тулку означает «магически сотворенное существо». В соответствии с этим определением *тулку* следует воспри-

* По ламаистским верованиям, эта воля находится в прямой зависимости от породивших ее причин.

нимать как призрачное тело, оккультную эманацию, марионетку, созданную магом в его личных целях.

Самым уместным здесь будет процитировать определение, данное *тулку* далай-ламой.

Как уже говорилось в первой главе, с далай-ламой я встретилась в 1912 году, когда он жил в Гималаях. Тогда я задала ему несколько вопросов, касающихся ламаистского учения, и получила на них устные ответы. Позже, чтобы избежать недоразумений, он предложил мне составить список дополнительных вопросов, все еще остающихся для меня неясными, и ответил на них письменно; приведенная ниже цитата — из документа, пожалованного мне далай-ламой.

«Бодхисаттва* является основой бессчетного количества магических форм. Посредством силы, которую он вырабатывает в состоянии предельной умственной концентрации, бодхисаттва способен проявить свой фантом (*тулна*)** в тысячах миллионов миров одновременно. Бодхисаттва может перевоплощаться не только в человека — он умеет принимать облик неодушевленных объектов: гор, ограждений, домов, лесов, дорог, мостов и т. п. Он способен изменить погоду и создать утоляющий жажду напиток бессмертия». (Последнее выражение, как мне сказали, надлежит понимать как в буквальном, так и в символическом смысле.) «По существу, — говорится в заключении, — количество фантомов, которое способен сотворить бодхисаттва, ничем не ограничено».

* Существо, достигшее высшей степени духовного совершенства; выше него стоит только Будда.

** Пишется *спрулна*.

Эти слова наивысшего авторитета в официальном ламаизме и стоящие за ними идеи совпадают с изложенными в махаянистской литературе взглядами, согласно которым совершенный бодхисаттва может создать десять видов магических существ. Впрочем, способностью плодить *тулку* или менее долгосрочные и физически ощутимые *тулна* обладают не только великие маги — ею может быть наделен любой человек, бог или демон. Единственная разница — в степени ее проявления, зависящей от силы концентрации сознания и его характера.

Тулку мистических созданий сосуществуют со своими духовными родителями. Например, далай-лама, *тулку* Ченрезе, живет в Лхасе, а сам Ченрезе, считают тибетцы, — на острове Нанкай-Потала, недалеко от китайского побережья*.

Дхьяни-будда Опагмед, чьим *тулку* считается таши-лама, обитает в Западном Раю — Девачене.

Люди тоже могут сосуществовать со своими магическими потомками. Примерами тому могут служить король Шронг бстанг гампо и вождь-воитель Гесер из Лина. Рассказывают, что уже в наши дни таши-лама, спасаясь бегством из Шигадзе, оставил вместо себя двойника-фантома, так естественно и совершенно изобразившего таши-ламу, что все видевшие его ничего не заподозрили. Как только таши-лама пересек границу и оказался в безопасности, фантом исчез**. Трое упомянутых здесь людей сами являются *тулку*, но, согласно ламаистским традициям, это не препятствует дальнейшим эманациям. Одни эманации да-

* Остров Будошан из архипелага Чжоушань у берегов Чжэцзяна.

** О бегстве таши-ламы см. в моей книге «Мое путешествие в Лхасу».

ют жизнь другим, и эманации второй и третьей степени называются по-своему*.

Бывает, что один и тот же лама, уже отошедший в мир иной, после смерти плодит свои фантомы и имеет сразу несколько признанных *тулку*, являющихся современниками друг другу. В свою очередь, есть ламы, которые признают себя *тулку* сразу нескольких существ. Перед тем как подвести итог, хотелось бы напомнить небезынтересную деталь: последователи раннехристианской секты *докетов* считали Иисуса Христа *тулку*. Они утверждали, что распятый Христос — не реальное существо, а фантом, созданный для того, чтобы сыграть соответствующую роль.

Снова-таки, ортодоксальный буддизм учит, что исторический Будда Гаутама был инкарнацией бодхисаттвы, сошедшей с небес Тушита. Однако некоторые буддисты отрицают это, утверждая, что инкарнации настоящего Будды никогда не существовало — вместо него на землю был послан фантом, появившийся в Индии под именем Гаутамы**.

Но что бы ни говорили на этот счет многочисленные теории, разработанные в ученых кругах, в вопросах практики тибетцы считают *тулку* реальными воплощениями соответствующих предшественников и потому изобрели формальные ритуалы их распознавания.

Нередко случается так, что лама — часто это один из представителей линии *тулку* — перед смертью указывает страну или местность, где он родится вновь. Иногда он со-

* От *тулку* происходит *янг-тулку*, а от *тулку* другого *тулку* — *гсум-тулку*.

** Имеются в виду буддисты из секты *ветуллака*.

общает подробности о будущих родителях, будущем доме и т. д.

В отличие от представителей южных школ буддизма, ламаисты верят, что между смертью человека и его вторым рождением проходит какое-то время. В этом промежутке главное сознание, благодаря которому и происходит перерождение, скитается по лабиринтам *бардо** в поисках пути.

Как правило, казначей, управляющий или иное должностное лицо ламы-*тулку* начинает искать его реинкарнацию через два года после смерти ламы**. К этому времени ребенку — предполагаемой инкарнации — исполняется один-два года. Бывает, что перерождение происходит и позже, но такие случаи крайне редки.

При поисках монахи руководствуются указаниями самого *тулку* о месте его нового рождения, если покойный лама их оставил. Если же таких указаний нет, прибегают к помощи *тулку-астролога****. Тот очень туманно и расплывчато объясняет, в каком краю следует искать ребенка и по каким признакам он может быть опознан. Если искомый *тулку* занимал высокий пост, то за консультацией обращаются к государственному прорицателю — с ним обязательно советуются, когда ищут инкарнации далай-ламы и таши-ламы.

* Подробнее о *бардо* см. гл. I.

** Впрочем, никаких четких правил относительно этого нет — обычно действуют по обстоятельствам.

*** Называемого *циспа* — вычислителем. Именно *циспа* составляет гороскопы, находит спрятанные предметы и т. п. *Циспой* может быть любой монах, однако поиски *тулку* доверяют только другому *тулку*.

Бывает, что мальчика, чье место рождения и другие признаки сходятся с указанными умершим ламой или астрологом, находят быстро. В других же случаях монахи годами не могут найти нужного ребенка; бывает, «инкарнацию» не находят вовсе. Поклонников *тулку* это печаливает очень сильно, но монахов из его монастыря еще сильнее: теперь, когда в монастыре нет такого достопочтенного главы, *гомпа* будет привлекать меньше набожных благодетелей, тех, кто устраивал для монахов банкеты и подносил им дары. Впрочем, весь горький плач, вся эта печальная история может оказаться причиной тихой радости хитрого управляющего, который, пользуясь отсутствием законного хозяина, распоряжается его имуществом по своему усмотрению и может на этом даже разбогатеть.

Когда монахи находят ребенка, максимально подходящего под описание, то опять идут за советом к ламе-ясновидцу. Если прорицатель свидетельствует в пользу мальчика, тому учиняют последнее испытание.

Перед ребенком раскладывают много разных предметов: четки, ритуальный инвентарь, книги, чайные чашки* и т. п. Ребенок должен выбрать те предметы, которыми владел покойный *тулку*, показывая таким образом, что узнал вещи, принадлежавшие ему в прошлой жизни.

Иногда случается, что на вакантное место *тулку* претендуют сразу несколько кандидатов: все знаки у них сошлись и все они правильно выбрали вещи покойного ла-

* У каждого тибетца есть его личная чашка, из которой пьет только он. У бедного чашка может быть деревянной, у богатого или просто зажиточного — дорогой нефритовой, с золотыми блюдечком и крышечкой. Эту чашку никогда никому не одалживают.

мы. Или же два-три ясновидца не могут договориться, кто настоящий *тулку*.

Такое происходит часто, если речь идет о наследовании титула одного из великих *тулку*, настоятелей больших монастырей и обладателей немалых состояний. Многие семьи жаждут посадить на трон умершего вельможи своих отпрысков: это создаст им почет и принесет богатство.

Обычно родителей *тулку* приглашают жить в монастырь, пока ребенок не сможет обходиться без материнского молока и заботы. Потом их со всем комфортом поселяют на принадлежащих *гомпа* землях (но не в самом монастыре) и в изобилии снабжают всем необходимым. Если у монастыря нет специального особняка для родителей великого *тулку*, то их обустраивают со всеми удобствами в их же собственном доме.

Кроме великого ламы-*тулку*, владыки монастыря, в *гомпа* часто проживают еще несколько *тулку*. В самых крупных монашеских городах их может быть несколько сотен. Некоторые из них занимают высокое положение среди тибетской духовной аристократии и кроме места в родном монастыре имеют еще по нескольку особняков в тибетских или монгольских *гомпа*, а также на монастырских землях. Достаточно быть близким родственником даже наименее значимого *тулку*, чтобы вызвать зависть у любого тибетца.

Вокруг наследования *тулку* плетутся бесчисленные интриги; из этой напряженной борьбы воинственные жители Кхама или северных пограничных земель нередко выходят кровными врагами.

Об испытаниях памяти прежних жизней и тех чудесах, которые совершают юные *тулку*, доказывая свою «под-

линность», в Тибете ходит множество легенд. В них — обычная для тибетцев смесь из суеверий, лукавства, притворства и непонятных происшествий. Можно было бы рассказать десятки таких историй, однако будет лучше, если я ограничусь изложением фактов, имевших отношение к людям, знакомым мне лично.

Рядом с гумбумским особняком пегьай-ламы, в котором я обитала, находилось жилье несовершеннолетнего *тулку*, которого звали Агнай-цанг*. Со времени смерти последнего хозяина дома минуло семь лет, и ребенка, в которого он воплотился, никак не могли разыскать. Не думаю, чтобы управляющий ламы сильно сокрушался по этому поводу. Он распоряжался всем хозяйством *тулку*, и было похоже, что дела его процветают.

Как-то раз случилось ему во время деловой поездки заехать на одну ферму отдохнуть и напиться воды. Хозяйка дома стала готовить чай, а *ньерна* (управляющий), достав из кармана коробочку с нюхательным табаком, собрался было вынуть из нее понюшку. В этот миг игравший в углу комнаты маленький мальчик остановил его и, положив руку на коробочку, с укором в голосе произнес: «Почему ты взял мою шкатулку?»

Управляющий стоял как громом пораженный. Коробочка действительно была не его, а принадлежала покойному Агнай-ламе, но он не украл ее, а просто взял попользоваться.

Он не двигался с места, пока мальчик смотрел на него: лицо ребенка вдруг стало не по-детски серьезным и строгим.

* Не путать с упоминавшимся ранее великим *тулку* Агхья-цангом.

«Сейчас же отдай ее мне, она моя», — повторил мальчик.

Терзаемый угрызениями совести, испуганный и растерявшийся, суеверный монах был способен лишь упасть на колени и поклониться в ноги перевоплотившемуся хозяину.

Через несколько дней я наблюдала, как мальчика торжественно препровождали в его особняк. В желтом парчовом одеянии* он ехал на красивом черном пони, ступавшем на поводу у *ньерна*.

Когда процессия вошла в дом, мальчик произнес: «Почему, чтобы пройти во второй внутренний двор, мы поворачиваем налево? Ворота ведь справа».

Вход сейчас был с другой стороны: после смерти ламы прежние ворота по каким-то соображениям замуровали.

Подивившись еще одному доказательству подлинной сущности ламы, монахи прошли во внутренние покои, где уже был подан чай.

Мальчик сел на большие жесткие подушки и взглянул на стоявшую перед ним чашку на посеребренном блюде, накрытую отделанной драгоценными камнями крышкой.

— Дайте мне большую фарфоровую чашку, — велел он. И подробно описал узор на внешней ее стороне.

Такой чашки никто никогда не видел, даже управляющий, и монахи попытались вежливо убедить молодого хозяина, что ее в доме нет.

Как раз в этот момент я, воспользовавшись тем, что давно была знакома с *ньерна*, зашла в комнату. Прослышав об истории с табакеркой, я захотела воочию увидеть моего

* Мальчик еще не был принят в религиозную иерархию и не мог носить одежду монаха-ламаиста.

удивительного соседа. Я вручила ему традиционный приветственный шарф и кое-какие подарки. Мальчик принял все это с любезной улыбкой и, очевидно возвращаясь к вопросу о чашке, промолвил:

— Ищите лучше, вы найдете ее.

И вдруг, словно озаренный каким-то воспоминанием, посоветовал пойти в кладовую и поискать там в таком-то месте ящик такого-то цвета.

Тем временем монахи коротко рассказали мне всю предысторию, и я с интересом ждала, что будет дальше.

Не прошло и получаса, как из кладовой принесли чашку, блюдце и крышку — их нашли в шкатулке на самом дне указанного мальчиком ящика.

— Я и не знал об этой чашке, — говорил мне потом управляющий. — Должно быть, сам лама или предыдущий управляющий положили ее в тот ящик. В нем не было ничего ценного, и в него годами не заглядывали.

На убогом постоялом дворе, в деревушке, расположенной в нескольких километрах от Анси, я наблюдала еще более поразительное и потрясающее обнаружение *тулку*.

Дороги, ведущие из Монголии в Тибет, в тех местах пересекаются с торговым путем из Пекина в Россию. Поэтому когда я на закате прибыла на постоялый двор и обнаружила, что там остановился монгольский караван, то почувствовала раздражение, но не удивилась.

Все присутствующие были сильно взволнованы, как будто здесь только что произошло нечто экстраординарное. Впрочем, с обычной восточной вежливостью, вызванной еще и видом наших с Йонгденом ламаистских одеяний, путники немедленно освободили одну комнату и отвели в конюшне место для наших лошадей. Мы стояли во

внутреннем двореке и разглядывали принадлежавших монголам верблюдов, когда дверь одной из комнат отворилась и на пороге показался красивый юноша. Одет он был очень скромно, в традиционный тибетский костюм. Юноша спросил, тибетцы ли мы. Мы ответили утвердительно.

Из глубины комнаты вышел хорошо одетый лама преклонного возраста и тоже обратился к нам по-тибетски. Как обычно в таких случаях, мы обменялись сведениями, откуда и куда держим путь. Лама сообщил, что они собирались по зимней дороге Сучжоу ехать в Лхасу, но теперь надобность в этой поездке отпала. Находящиеся рядом слуги-монголы согласно закивали.

Мне было интересно, почему эти люди изменили свои намерения. Но лама скрылся в комнате, и было бы невежливо бежать за ним и расспрашивать о том, о чем он промолчал.

Вечером, когда монголы узнали от наших слуг, кто мы такие, они пригласили нас на чай и все рассказали.

Молодой красавец оказался уроженцем далекой провинции Нгари, что на юго-западе Тибета. Он был кем-то вроде прорицателя — по крайней мере так его назвало бы большинство европейцев. Впрочем, мы находились в Азии.

С самого детства Мигьюра — так его звали — что-то беспокоило; его преследовала странная мысль, что *он совсем не там, где должен быть*. Он чувствовал себя чужаком в своей деревне и в своей семье. Во снах он видел пейзажи, которых не было в Нгари: песчаные просторы, круглые войлочные шатры, монастырь на горе. И даже после пробуждения эти видения являлись ему, затмевали собой весь

окружающий мир и создавали вокруг него мираж, который так и не рассеивался.

Мальчик не смог противостоять желанию найти пригрезившуюся ему землю и убежал из дому. Он стал бродягой, иногда подрабатывал где придется, но большей частью жил подаянием, скитался по дорогам, и не мог ни унять свое беспокойство, ни остановиться где-либо надолго.

Сюда он пришел сегодня, гонимый неизвестно куда своей обычной тревогой.

Он увидел постоялый двор и расположившийся на отдых караван, увидел верблюдов на привязи. Сам не зная почему, он вошел в ворота и лицом к лицу столкнулся с ламой и его свитой. И вдруг давно минувшие события молнией промелькнули в его мозгу. В памяти всплыло, как этот человек, которого он вдруг увидел в облике юноши, своего ученика, и он сам, уже пожилой лама, вдвоем бредут по этой самой дороге, возвращаясь из паломничества по святым местам Тибета домой, в монастырь на горе.

Обо всем этом он поведал ламе, в деталях описал их путешествие и жизнь в далеком монастыре, сообщив еще много разных подробностей.

Нынешняя монгольская экспедиция была снаряжена с целью получить у далай-ламы совет, где искать *тулку*, главу монастыря — вот уже двадцать лет место настоятеля оставалось свободным, несмотря на упорные попытки найти его реинкарнацию.

Эти суеверные люди были готовы поверить, что далай-лама, благодаря своим сверхъестественным возможностям, понял их намерения и по доброте душевной сделал так, чтобы они встретили их перерожденного повелителя.

Скиталец из Нгари легко выдержал обычную в таких случаях проверку: не колеблясь и не ошибаясь, он выбрал из массы схожих предметов вещи, принадлежавшие покойному ламе.

У монголов не осталось никаких сомнений. Утром следующего дня я видела, как караван по своим же следам двинулся назад; большие верблюды, медленно ступая, скрылись за пустынным горизонтом Гоби. Новый тулку шел навстречу своей судьбе.

ГЛАВА IV

КОНТАКТЫ С ПРИЗРАКАМИ И ДЕМОНАМИ

Ужасная трапеза

Довольно многие тибетские оккультисты, похоже, весьма увлечены мрачными медитациями и ритуалами, в которых ключевая роль отводится трупам. Для заурядных колдунов это только лишь средство обретения магических способностей, но люди более сведущие утверждают, что за символами и условным языком этих обрядов кроются эзотерические учения и особые спиритуалистические техники.

Безусловно, весь этот отталкивающий мистицизм не имеет с буддизмом ничего общего. Подлинному ламаизму он чужд ничуть не менее, хотя некоторые ламы и поддаются под его странное очарование. Скорее всего, его корни — в тантрическом индуизме и древнем учении шаманов-бёнпо.

Я расскажу одну историю, которая в полной мере иллюстрирует темную сторону тибетского оккультизма. Рассказал мне ее в Черку человек, лично знавший причастных

к этой истории людей, — наш разговор произошел через несколько лет после их смерти.

Главным героем этой повести является лама Чогс Цанг, настоятель лха-кханга Миниагпар, что возле Ташиенлу. Чогс Цанг оставил много пророчеств о грядущих событиях в Тибете, Китае и во всем мире. Люди верили, что этот лама наделен сверхъестественными способностями — например, может наслать на человека смерть. Он отличался странным, временами необъяснимым поведением и был равнодушен к спиртному. Некоторое время он жил в доме первого лица Ташиенлу, тибетца, носившего титул *гьялно* (короля).

Однажды во время застолья с хозяином этот лама попросил руки сестры его конюшего. Присутствовавший при разговоре конюший отказал монаху. Лама был этим так взбешен, что швырнул на пол дорогую нефритовую чашку, из которой сам же и пил, и она разбилась вдребезги. Он проклял конюшего, заявив, что через два дня тот умрет.

Гьялно не одобрил намерений ламы относительно сестры конюшего и не поверил в силу проклятия. Конюший молод и здоров, говорил он себе. Но лама настаивал на том, что слуга умрет, и действительно, через два дня конюшего не стало.

Гьялно и родители молодой девушки перепугались и тотчас привели ее к ламе. Но лама от нее отказался.

— С ее помощью я мог завладеть одним предметом, который принес бы пользу многим живым существам, — ответил он. — Но теперь возможность упущена, и жена мне не нужна.

Это напоминает историю с Дугпой Кунлегсом, рассказанную в первой главе, — в Тибете можно услышать много подобных легенд.

Однажды вечером Чогс Цанг неожиданно подозвал одного из *трапп* и сказал ему:

— Оседлай двух лошадей, мы уезжаем.

Монах попытался было убедить ламу, что уже поздно и лучше отложить поездку на утро, на что получил лаконичный ответ:

— Не перечь мне. Поехали.

Они пустились в путь, провели часть ночи в седле и остановились у реки. Спешившись, они подошли к воде.

Несмотря на непроницаемую черноту неба, на поверхности воды виднелось светлое, словно освещенное солнечными лучами, пятно. Посреди пятна спутники увидели труп — он плыл против течения. Прошло немного времени, и тело подплыло к ним.

— Бери нож, отрезай мясо и ешь, — сказал Чогс Цанг *траппе*. И добавил: — В Индии у меня есть друг. Каждый год в этот день он присылает мне еду.

Сказав это, он сам стал отрезать куски мяса и есть их.

Объятый ужасом *траппа* попытался последовать примеру ламы, но не отважился проглотить ни кусочка и стал прятать мясо в *амбаг**.

— Я хотел, чтобы ты тоже вкусил тех величайших благ, которые приносит эта магическая пища, — сказал лама монаху, — но ты недостойн. Потому-то ты и не съел отрезанный кусок, а спрятал его под одеждой.

* Нагрудный карман, образующийся в результате подпоясывания просторного тибетского одеяния.

Услышав это, монах раскаялся в малодушном поступке и запустил руку в *амбаг* за своей долей мертвечины. Но мяса там уже не было.

Эта невероятная история перекликается с тем, что с большими предосторожностями поведали мне отшельники из секты *дзогчен*.

По их словам, существуют люди, которые достигли такой степени духовного совершенства, что первичная материальная субстанция их телесной оболочки превратилась в более тонкое вещество, обладающее особыми свойствами.

Перемену, произошедшую с такими необычайными людьми, могут заметить лишь немногие. Человек, отведавший их преображенной плоти, впадает в особого рода экстаз и обретает новые знания и сверхъестественные способности.

Отшельник рассказывал мне, что когда ясновидящий *налджорна* находит такое удивительное существо, то, бывает, просит у него любезности быть извещенным о его смерти, чтобы получить кусочек его драгоценной плоти.

Не бывает ли так, что особо рьяно взыскующие этого страшного причащения, будучи не в состоянии унять растущее нетерпение, не дожидаются естественной смерти святого? Не приближают ли они сами ее приход?..

Один из тех, кто рассказал мне об этом тайном ритуале, почти признался, что подобные прецеденты случались. При этом он подчеркнул, что жертвы добровольно соглашались на заклятие.

Танцующий труп

Название еще одного мистического ритуала *роланг* переводится как «встающий труп». Согласно древним хроникам и преданиям, тибетскими шаманами-бёнпо этот ритуал совершался во время похоронных обрядов еще в добуддийскую эпоху. Однако едва заметное подергивание, которое совершало у них мертвое тело, не идет ни в какое сравнение с тем, что, по словам тибетских оккультистов, происходит теперь во время этого страшного и фантастического ритуала, совершаемого наедине с покойником.

Есть несколько разновидностей *роланга* — его не следует путать с обрядом *тронг джуг*^{*}, при котором «душа» другого человека входит в мертвеца и воскрешает его без всякого участия исконного обладателя тела.

Один из *нгагсна*, утверждавший, что сам исполнял все вышеозначенные ритуалы, детально описал мне этот мрачный *роланг*.

Отправляющий обряд остается в темной комнате один на один с трупом. Чтобы оживить его, человек ложится сверху, припадает ртом к его губам и, вцепившись в покойника обеими руками, твердит в уме магическое заклинание^{**}, изгоняя из головы все другие мысли.

Через некоторое время покойник начинает шевелиться. Он встает и пытается освободиться; колдун крепко хватается за него и не дает трупу удрать. Тогда мертвец начинает более жесткую борьбу. Он подпрыгивает на невероятную высоту и увлекает за собой человека, который

* Пишется *гронг хджуг*.

** Заклинание у каждого колдуна свое.

должен суметь удержать свои губы прижатыми к губам усопшего, не прекращая при этом повторять в уме магические формулы.

Наконец, изо рта покойника высовывается язык. Это самый ответственный момент. Колдун хватает язык зубами и откусывает его. Труп тотчас валится вниз.

Потеря контроля над ожившим мертвецом означает для колдуна верную смерть.

Торжествующий *нгагсна* бережно высушивает язык покойника и хранит у себя — теперь это могучее волшебное оружие.

Тибетец, рассказавший мне все это, живописал стадии оживления трупа более красочно: вот первый проблеск сознания проясняет подернутые паволокой глаза покойника; вот труп начинает слабо шевелиться; вот его движения постепенно набирают такую силу, что *нгагсна* едва может удержаться на покойнике и не в состоянии помешать чудовищу совершать головокружительные прыжки. Рассказал он и о том, что почувствовал, когда ощутил на губах язык мертвеца и представил, что будет, если это жуткое существо возьмет над ним верх.

Мог ли хоть какой-нибудь эпизод этой невероятной борьбы происходить на самом деле? Не было ли все это видением, пригрезившимся *нгагсна* во время одного из тех трансов, которые *налджорны* любят у себя вызывать? Никакой уверенности на этот счет у меня не было; я спросила, нельзя ли взглянуть на «языки». Колдун показал какую-то субстанцию черного цвета — предполагалось, что это и есть высушенный «язык». Однако по тому кусочку нельзя было определить, действительно ли останки имеют приписываемое им ужасное происхождение.

Как бы то ни было, многие тибетцы верят, что *роланг* происходит в действительности. Они верят также, что кроме трупов, которые оживают благодаря специальным ритуалам, любой покойник может внезапно восстать из мертвых и начать вредить людям. Во избежание этого к умершим всегда приставляют человека — он следит за ними и проговаривает вслух магические формулы.

Траппа из Сепогёна, что недалеко от Салвина, поведал мне следующее.

Будучи еще мальчиком-новичком, он сопровождал трех лам из его монастыря в дом новопреставленного. До того как тело вынесут на кладбище, ламам полагалось ежедневно отправлять ритуалы. Спать они должны были в сидячих позах в углу той же комнаты, где помещался облаченный в одежды и обвязанный шарфами покойник.

«Мне доверили повторять магические формулы. Ночью эти монотонные заклинания меня убаюкали, и я, очевидно, на несколько минут задремал. Проснулся я от тихого шороха. Черный кот обошел труп и вышел из комнаты. Затем послышался треск, словно рвалась материя, после чего я с ужасом увидел, что мертвец встает и высвобождается из пут. Не помня себя от страха, я опрометью вылетел из комнаты, но успел заметить, как призрак вытянул вперед руку и направился к спящим. Наутро все трое были найдены мертвыми; покойник лежал на своем месте, но шарфы были разорваны, а его одежда валялась на полу».

Тибетцы свято верят в такие истории.

Прикосновение *роланга* смертельно, и злой призрак не упустит возможности коснуться всех, до кого сможет дотянуться. Считается, что только ламам, отправляющим

обряд над покойником, известны магические слова и действия, которые могут отвести от них опасность, — эти слова и действия держат мертвеца под контролем и не дают ему встать.

Еще нам рассказали о *ролангах*, которые сумели убежать из того дома, где их оживили, и теперь скитаются по земле. Бывало и так, что призраки исчезали, не оставив следа.

Истории, рассказываемые славными тибетцами о *ролангах*, могли бы послужить материалом не для одной книги.

Волшебный кинжал

Понятно, что «языки прыгающих трупов» — если только действительно существуют — представляют собой магическое оружие исключительной силы. Обычное же ритуальное оружие (*пхурба*) изготавливается, как правило, из бронзы, дерева и даже из слоновой кости и имеет форму красиво отделанного или покрытого гравировкой кинжала.

Впрочем, посвященный в тайное знание Тибета посмеялся бы и над колдунами, и над их отвратительными ритуалами. По его мнению, сила магического оружия не зависит от материала, из которого оно изготовлено, а сообщается этому оружию непосредственно магом.

Некоторая часть переданной таким образом энергии сохраняется в *пхурба* даже по прошествии некоторого времени. Чем чаще *пхурба* используют в магических целях, тем больше силы в нем остается. Иной раз неодушевлен-

ные предметы становятся «одержимыми» и ведут себя подобно живым существам.

В следующей главе будет описан ритуал, используемый теми *нгагсна*, которые придерживаются подобных представлений.

В то же время считается, что ритуальное оружие, использовавшееся в обрядах укрощения демонов, нельзя хранить в доме мирянина или непосвященного монаха, поскольку грозные существа, усмиренные с помощью этого оружия, могут повернуть его против его же владельца, если тот не сумеет себя защитить.

Благодаря всем этим верованиям у меня появилось несколько любопытных вещичек: те люди, которым они достались в наследство, просили меня забрать их по-дальше.

Одна из таких неожиданных удач выпала мне при столь странных обстоятельствах, что о них следует рассказать подробнее. Путешествуя по Северному Тибету, я повстречала на дороге группку монахов. Заведя с ними беседу, как того требовал этикет этих редко посещаемых путешественниками мест, я узнала, что они везут с собой *пхурба*, ставший источником несчастий.

Это магическое оружие принадлежало недавно умершему ламе, их учителю. В монастыре оно ни с того ни с сего внезапно начало творить зло. Двое из троих прикасавшихся к нему монахов умерли, а третий упал с лошади и сломал ногу. Затем обрушился установленный во внутреннем дворе монастыря шест с молитвенным флагом — а это считается очень дурной приметой.

Перепуганные монахи не решались уничтожить *пхурба* из боязни накликать еще большие несчастья. Его помести-

ли в шкатулку — и вскоре изнутри стали долетать какие-то странные звуки.

В конце концов монахи решили поместить этот вредоносный предмет в глухую пещеру, считавшуюся святилищем некоего божества. Однако живущие в тех краях пастухи этому решительно воспротивились. Они вспомнили историю о летающем *пхурба*, который ранил и убивал людей и животных. Никто не знал, где и когда это происходило, но такие мелочи для суеверных людей несущественны. Пастухи не желали, чтобы *пхурба* оставался поблизости от них.

Несчастные *траппы* не знали, как отделаться от *пхурба*; они завернули волшебный кинжал в несколько слоев бумаги с напечатанными на ней заклинаниями и положили в наглухо закрытую шкатулку. Видя такую наивность, я чуть не расхохоталась, но удрученные лица монахов удержали меня от смеха.

— Разрешите мне взглянуть на *пхурба*, — попросила я. — Может, я смогу вам чем-то помочь.

Собственноручно вынуть кинжал из шкатулки монахи побоялись, но после долгих переговоров позволили сделать это мне.

Пхурба оказался прекрасным образцом древнего тибетского искусства. Меня охватило желание завладеть им, но я понимала, что монахи никогда не согласятся продать кинжал.

— Становитесь вместе с нами на ночлег и оставьте *пхурба* пока у меня. Я подумаю, что с ним сделать.

Я ничего им не обещала, но монахи, не устояв перед соблазном хорошо поужинать и поболтать с моими слугами, приняли мое предложение.

Когда стемнело, я ушла за пределы лагеря, якобы для того, чтобы унести кинжал: вынутый из шкатулки, он внушал бы ужас суеверным тибетцам.

Удалившись, как мне казалось, на достаточное расстояние, я воткнула магическое оружие в землю и, усевшись на одеяле, погрузилась в размышления, как бы убедить монахов отдать этот кинжал мне. Через несколько часов я вдруг заметила вблизи от *пхурба* фигуру одного из монахов. Пригибаясь к земле, он осторожно крался к кинжалу. Из-под одежд, очерчивающих смутно различимую фигуру *траппы*, медленно высунулась рука и попыталась схватить волшебное оружие.

Я вскочила на ноги и успела первой дотянуться до *пхурба*.

Значит, не одна я поддалась искушению. Этот человек, менее суеверный, чем его спутники, распознал истинную ценность кинжала и, наверное, хотел тайно продать его. Он думал, что я сплю и ничего не замечу. Исчезновение кинжала приписали бы новому вмешательству потусторонних сил: так родилась бы еще одна оккультная сплетня. Очень жаль, что такой хитроумный план провалился; так или иначе, волшебный кинжал остался у меня. Я сжимала его очень крепко. И то ли под влиянием случившегося, то ли покрытая гравировкой бронзовая рукоять слишком сильно врезалась в ладонь, — но мне показалось, что кинжал в моей руке слегка шевельнулся.

А что же злодей?

Передо мной простиралась совершенно пустынная равнина. Должно быть, он скрылся, когда я бросилась к кинжалу.

Я побежала в лагерь. Человек, который пришел туда только что или явится следом за мной, и есть вор.

В лагере все *траппы* сидели на земле и читали вслух священные тексты, отгоняющие злых духов.

— Кто из монахов отлучался из лагеря? — спросила я у Йонгдена, отозвав его в палатку.

— Никто, — ответил он. — Они все едва дышат от страха. Боятся и от палаток-то отойти подальше, чтобы справить нужду. Пришлось даже пожурить их.

Добро! Значит, у меня были галлюцинации. Но, может, это и к лучшему.

— Послушайте, — обратилась я к *траппам*. — Вот что со мной приключилось. — И без утайки рассказала им о моем видении, а также о том, как засомневалась в их честности.

— Конечно, это был наш великий лама! — загалдели монахи. — Он приходил за *пхурба* и, наверное, убил бы вас, если бы смог вернуть его себе. О! Джецунма, вы истинная *гомченма*, хоть некоторые и называют вас *пхилинг**. Наш цавай-лама (духовный отец) был могущественным магом; однако он не смог отобрать у вас *пхурба*. Забирайте теперь кинжал себе, забирайте его себе — тогда он никому больше не сможет причинить зла!

Они говорили все разом; мысль о том, что их лама-колдун был так близко, взбудоражила и ужаснула монахов: ведь теперь он был более опасен, чем когда-либо, поскольку принадлежал иному миру. В то же время они были счастливы избавиться от волшебного кинжала.

* Иностранкой.

Я тоже радовалась вместе с ними, но по-другому поводу: теперь *пхурба* был моим. Однако воспользоваться их смятением было бы нечестно.

— Все же подумайте хорошенько, — сказала я. — Может, сумерки просто обманули меня. Может, я просто заснула, пока сидела там, и все это мне приснилось.

Но монахи и слушать не хотели. Лама приходил, я видела его, и он оказался не в состоянии забрать *пхурба*; иными словами, благодаря своим сверхъестественным способностям я стала законной владелицей кинжала.

Признаю, что меня не пришлось долго уговаривать...

Ритуалы для достижения бесстрашия.

Вызов демонам

Вряд ли в мире существует народ, способный тягаться с тибетцами в количестве, разнообразии и колоритности легенд, повествующих о призраках и демонах. Если верить народным преданиям, то выходит, что в Земле Снегов злых духов чуть ли не больше, чем людей.

По тибетским поверьям, зловредные существа могут принимать тысячи разных обликов и жить в деревьях, скалах, долинах, озерах, родниках и многих других местах. Всегда нацеленные на зло, они охотятся на людей и животных, забирают у них жизненную энергию и питаются ею. Они бродят по земле просто для развлечения, и каждый путник рискует столкнуться с кем-то из них за поворотом дороги.

Маги, исповедующие ортодоксальный ламаизм, пытаются изменить злую сущность этих духов или же подчи-

нить их себе, положив тем самым конец их вредной деятельности и превратив злых существ в полезных и послушных слуг. В этом искусстве с магами конкурируют колдуны, но целью последних почти всегда является использование силы укрощенного демона в своих собственных интересах. А намерения у колдунов отнюдь не самые добрые.

Что касается тибетских мистиков, то во время ученичества они тоже поддерживают связь со злыми духами. Ученики сознательно ищут встреч с демонами с целью бросить им вызов или поднести дары. Совершаемые при этом ритуалы сильно отличаются от тех, что были упомянуты в начале главы. Эти обряды западному человеку тоже могут показаться нелепыми и даже отвратительными, но цель у них возвышенная и полезная: избавление от страха, пробуждение чувства беспредельного повседневного сострадания, ведущего к освобождению от всех эмоций и к духовному просветлению.

Нередко простосердечные тибетцы, совершенно уверенные в реальном существовании тысяч демонов, пытаются поступить учениками к ламам-мистикам.

Обычно этих легковерных просто-напросто отсылают домой, сопроводив наставлениями и прочитав им нравоучение о добродетели. Однако тех, кто проявит способности к учению, ламы оставляют на более долгий срок.

Если лама окажется истинным последователем «Короткого Пути», первой его заботой будет дать ученику возможность освободиться от страха перед демонами. Учителя-мистики никогда не прибегают ни к пространным объяснениям, ни к долгим разглагольствованиям об истине и лжи. Они просто создают ученикам условия, позволя-

ющие тем прочувствовать все на собственном опыте — это заставляет учеников думать. Именно так и приобретаются знания. А уж какую пользу ученик из этого извлечет, зависит от его умственных способностей.

Как-то раз одного моего знакомого юношу его учитель, лама из Амдо, послал в безлюдное и мрачное ущелье, которое, по слухам, было населено демонами. Этим демонам ученик и должен был бросить вызов, привязав себя к дереву или скале и взывая ночью к свирепым *тово* — тибетские художники обычно изображают их пожирающими человеческий мозг.

Как бы ни было юноше страшно, он должен был совладать с желанием отвязаться и убежать прочь. Ему нужно было простоять так до рассвета.

Это почти классика тибетского воспитания. Многие новички именно так начинают путь мистика.

Бывает, ученики должны оставаться привязанными к дереву в течение трех и более суток без еды, без сна, терпя голод и страшную усталость, которые так часто становятся причинами галлюцинаций.

Такие упражнения иногда оканчиваются плачевно. Примером тому может служить история, рассказанная Йонгдену одним старым ламой из Царонга во время совершаемого мной инкогнито путешествия в Лхасу. Сидящая в углу «ничтожная женщина», воплощением которой я в то время была, ловила каждое слово.

Этот лама и его младший брат Лодё, будучи еще молодыми монахами, покинули свой монастырь и стали учениками бродячего аскета, пришедшего издалека и временно поселившегося на горе Пхагри, что неподалеку от Даю-

ла, — эта гора пользуется у паломников большой популярностью.

Отшельник велел младшему брату ламы пойти в лес, где, как сказывали, живет демон Цагс-янг, и привязаться там за шею к дереву. Этот демон обычно принимает облик тигра со всеми свирепыми замашками, свойственными этому зверю.

Привязанному к дереву юноше следовало представить себя коровой, отданной Цагс-янгу на расправу в качестве жертвы, которая должна его умиловать. Предполагалось, что, сосредоточившись на одной этой мысли и время от времени издавая мычание, чтобы еще больше уподобиться животному, юноша — если хорошо сконцентрируется — войдет в транс и, позабыв, кто он на самом деле, ощутит все муки коровы и ее страх перед хищником.

Упражнение было рассчитано на трое суток. Миновало уже четыре дня, а новичок все не возвращался. Утром пятого дня учитель сказал старшему ученику:

— Я видел странный сон этой ночью. Ступай и приведи брата.

Монах подчинился.

В лесу его глазам открылось страшное зрелище. Труп Лодё, растерзанный и наполовину съеденный, оставался привязанным к дереву; среди кустов валялись окровавленные куски мяса.

Ужаснувшись, монах завернул страшные останки в свою одежду и поспешил обратно к гуру.

В хижине, где жил учитель и два его ученика, никого не оказалось. Лама ушел, забрав с собой все пожитки, — две религиозные книги, несколько ритуальных инструментов и дорожный посох с трезубцем на конце.

— Я думал, что сойду с ума, — говорил старый тибетец. — Этот внезапный уход испугал меня больше, чем вид искалеченного тела моего брата. Что приснилось нашему учителю? Знал ли он о страшной судьбе своего ученика? Почему он ушел?..

О причинах, побудивших ламу уйти, я знала не больше сокрушавшегося монаха, но меня посетила такая мысль: отшельник, когда его ученик не вернулся, мог испугаться, что в кишевшем хищниками лесу с юношей произошло несчастье. Быть может, ламе и вправду приснилось что-то вроде вещего сна, и он счел за лучшее скрыться, чтоб избежать гнева и мести со стороны семьи погибшего.

В смерти новичка могло и не быть ничего сверхъестественного. В тех местах много пантер, даже леопарды встречаются — я сама видела двоих за несколько дней до этого*. Какой-то из этих хищников, которого, возможно, юноша сам привлек своим мычанием, мог убить его прежде, чем он успел развязаться и как-то защититься.

Однако сам рассказчик и сидевшие рядом с ним давали всему этому совсем другое объяснение. По их мнению, демон-тигр просто воспользовался неосмотрительностью жертвы.

Юный ученик, говорили они, не произнес заклинаний и не выполнил защитных магических жестов. И ошибка учителя здесь действительно велика: он ни в коем случае не должен был посылать юношу на состязание с демоном-тигром, не привив ему необходимых навыков и не снабдив магическими формулами, незаменимыми в таких случаях.

* См. «Мое путешествие в Лхасу».

Но в самой глубине души скорбевшего по брату монаха жила еще более страшная догадка. Глухим и срывающимся голосом он высказал свое предположение.

— Кто знает, — промолвил он, — может, тот странный лама и был демоном-тигром, превращавшимся в человека, чтобы заманить жертву в ловушку? Будучи человеком, он не мог убить моего несчастного брата, но ночью, когда я спал, мог обернуться тигром, помчаться в лес и утолить там свой свирепый голод.

Последние слова прозвучали в гулкой тишине. Наверное, лама уже не первый раз рассказывал этот страшный эпизод из давно минувшей молодости, но слушатели опять были потрясены.

Не может ли все это повториться? Цагс-янг и многие подобные ему существа рыщут вокруг деревень, следят за путниками и выискивают среди них плохо защищенных. Здесь все верят в это.

Женщина инстинктивно глянула на охранительные амулеты — они были укреплены на стенах большой кухни, тускло освещенной языками пламени, время от времени вспыхивающего в очаге. Старик вышел в соседнюю комнату, где на семейном алтаре горели вечерние жертвенные лампы, и оттуда потянулся успокоительный душистый аромат от зажженных им благовонных палочек.

Может сложиться впечатление, что во время отправления подобных ритуалов происходит много необыкновенных событий. Это не так: на самом деле подобные происшествия случаются очень редко. И кажется вполне логичным, что ученик, который провел много часов в населенном демонами месте, вызывая злых духов, может

засомневаться в существовании этих так и не увиденных им созданий.

Я спрашивала об этом у нескольких лам.

— Ученики и вправду иногда перестают верить в демонов, — ответил *гешес* из Дерге*. — Собственно говоря, это одна из основных целей учителей-мистиков. Но если ученик станет скептиком раньше положенного срока, то он не обретет бесстрашия — того, ради чего упражнение было задумано. Более того, учителя не поощряют обычный скептицизм, считая его ложным. Ученик должен понять, что боги и демоны существуют лишь для тех, кто в них верит, и что лишь тем, кто поклоняется или боится их, они могут принести удачу или зло. Но в самом начале учебы недоверием проникаются очень немногие — большинство же новичков действительно видят страшных призраков.

Не буду оспаривать последнее утверждение: множество примеров убедили меня, что оно весьма обоснованно. Темнота, абсолютно необжитые места, которые выбираются для встреч с ужасными демонами, а также предрасположенность азиатов к визуализации мысленных образов — вполне достаточные предпосылки для возникновения галлюцинаций. Но можно ли считать галлюцинациями все то, что видят участники этих необычных обрядов? Тибетцы утверждают, что нет.

Мне выпала возможность поговорить с кушогом Ванченом, *гомченом* из Га (Восточный Тибет), о внезапных смертях, случающихся во время взывания к демонам.

* *Гешес* — что-то вроде степени доктора права и философии. Дерге — город в провинции Кхам на востоке Тибета.

Этот лама не был склонен к предрассудкам, и мне казалось, что он поддержит мою точку зрения.

— Этих людей погубил страх. Их видения были порождением их же воображения. Демоны не могут убить того, кто в них не верит.

Его ответ меня удивил.

— Тогда получается, — каким-то особым тоном промолвил лама, — что человек, не верящий в существование тигров, может чувствовать себя в полной безопасности, если даже столкнется с одним из них?

— Визуализация мысленных образов, вольная или невольная, — говорил он, — весьма загадочная вещь. Что получается в результате этой визуализации? Не может ли случиться так, что дети нашего сознания, как и дети из нашей плоти и крови, тоже отделяются от нас, выходят из-под нашего контроля и начинают самостоятельное существование?..* Может, не только мы способны творить этих существ? А если они существуют, то не воля ли их создателя — или какая-то другая причина — толкает нас на установление контакта с ними? Не по одной ли из этих причин мы своими мыслями или поступками способствуем активности этих созданий?

— Приведу один пример, — продолжал лама. — Если вы живете в безводном месте, далеко от реки, рыба к вам никогда не приплывет. Но стоит лишь прокопать канал и вырыть возле вашего жилища пруд, как вода заполнит его, а рыба станет плескаться прямо у вас перед глазами.

— Остерегаться прокладывать каналы, когда ты не знаешь, к чему это приведет, — это простое благоразумие.

* См. также гл. VIII о *тулна*.

Ламы-тулку из Восточного Тибета (к стр. 156).

Немногие догадываются, что хранится в большой кладовой мира, в которую они нечаянно открывают дверь.

И уже не таким мрачным тоном подытожил:

— Человек должен знать, как защититься от тигров, созданных как им самим, так и кем-то другим.

Мистическое пиришество

Именно такие воззрения обуславливают выбор места для упражнений в духовной борьбе с оккультным противником, а также необходимые для подобного противостояния ритуалы.

Самый потрясающий из них — *чёд** (отсекание). Он напоминает мистерию, где участвует лишь один актер — тот, кто совершает обряд. Механизм запугивания новичков продуман в этом ритуале так досконально, что бывали даже случаи внезапного умственного помешательства или гибели его участников.

Совершается обряд на кладбище или в каком-нибудь диком месте, вид которого способен внушить ужас. Еще лучше, если с этим местом связана страшная легенда или там недавно произошло что-то ужасное.

Такой выбор объясняется тем, что эффект от *чёда* и других подобных ему обрядов зависит не только от ощущений исполнителя, вызванных неустанной молитвой, и не только от самих внушающих ужас окрестностей. Необходимо также разбудить оккультные силы или разумных существ, которые, по мнению тибетцев, могут обитать в таких местах. Возможно, эти существа были сотворены в

* Пишется *гчод*.

Автор книги и ее соседка по комнате, ученая женщина-лама, обучающая монахинь-послушниц обряду чёд и другим магическим ритуалам.

Налджорна совершает ритуал чёд в лесу, якобы населенном злыми духами. В правой руке он держит дамару, в левой — конглинг, трубу, сделанную из бедренной кости человека.

результате каких-то реальных действий, а может, стали воплощением мыслей большого количества людей о мнимых событиях.

Как следствие, во время отправления *чёда*, который я сравнила бы с театром одного актера, тот, кто совершает ритуал, может обнаружить себя в кольце актеров из потусторонних миров, взявших на себя самые неожиданные роли. Возможно, что-то здесь и есть от самовнушения и визуализации мысленных образов, но результат такие обряды дают отменный. Но иногда испытание оказывается непосильным для некоторых учеников *налджори*: как раз тогда и происходят упоминавшиеся случаи сумасшествия и смертей.

Как любой актер, тот, кто желает совершить *чёд*, должен сначала выучить роль на память. Затем ему следует освоить ритуальный танец, научиться вычерчивать шагами геометрические фигуры, притопывая и подпрыгивая в такт проговариваемым словам молитвы. И наконец, он должен научиться обращаться с колокольчиком (*дорджи*) и магическим кинжалом (*пхурба*), а также ударять в некое подобие маленького барабана (*дамару*) и дуть в трубу, сделанную из бедренной кости человека (*конглинг*).

Последнее задание не из легких: я несколько раз сбивалась с дыхания, пока натренировалась.

Лама-учитель, задающий новичкам упражнение, выступает в роли балетмейстера. Но вокруг него кружатся не улыбающиеся девушки в розовых трико. Танцоры — молодые аскеты в лохмотьях, изнуренные строгим режимом, с немытыми лицами и с горящими безумием глазами, выражающими жесткость и непоколебимость. Они, как сами полагают, готовятся к опасному предприятию; все их мыс-

ли — о страшном пиршестве, на котором они должны будут отдать себя на растерзание голодным демонам.

В этом свете «репетиция», которая при других обстоятельствах была бы забавным зрелищем, выглядит весьма мрачно.

Объем книги не позволяет полностью привести ритуальный текст. В него входит длинное магическое вступление, во время которого *налджорна* «растаптывает» все свои страсти и смиряет гордыню. Но суть ритуала заключается в пиршестве. Коротко его можно описать так.

Участник обряда дует в костяную трубу, призывая голодных демонов на пир, который он намерен им закатить. Он представляет, как с его макушки с мечом в руках спрыгивает богиня, эзотерическое воплощение его собственной воли.

Одним ударом она отсекает *налджорне* голову. Затем, пока толпы вурдалаков собираются на пир, богиня отрезает ему руки и ноги, снимает с него кожу и вспарывает ему живот. Кишки вываливаются наружу, кровь хлещет рекой, страшные гости откусывают мясо, громко чавкают, а *налджорна* еще больше распаляет и раззадоривает их, приговаривая молитвенные слова безоговорочного самоуничтожения:

— В цепи перерождений я задолжал бессчетному количеству живых существ: на протяжении веков я лишал их благоденствия, отнимал у них жизнь, чтобы добыть себе еду и одежду, обеспечить свое тело всем необходимым для того, чтобы хорошо жить и избежать смерти. Сегодня я возвращаю мои долги и отдаю на растерзание тело, которым так дорожил.

Отдаю мое мясо голодным, кровь — жаждущим, кожу — тем, у кого нет одежды, кости пусть послужат топливом и согреют замерзших. Счастье отдаю несчастным. Мое дыхание пусть вернет жизнь умирающим.

Позор мне, если я не отдам себя! Позор вам, несчастные и демоны*, если вы не осмелитесь терзать меня...

Этот акт мистерии называется «красной трапезой». За ней следует «черная трапеза», мистическое значение которой открывают лишь посвященным высшей степени.

Видение банкета исчезает, затихают крики и хохот упырей. На смену фантастической оргии приходит полное одиночество в унылой местности; экзальтация *налджорны*, вызванная его драматической жертвой, постепенно проходит.

Теперь он должен представить себя кучкой обуглившихся костей, показавшихся на поверхности мутного озера — замутненного страданием, внутренней скверной и злыми деяниями, к которым он был причастен в своих неисчислимых жизнях; причины этих недобрых поступков затерялись во мраке времен. Он должен осознать: сама идея жертвы — не что иное, как иллюзия, следствие слепой и безосновательной гордыни. В действительности, ему *нечего* отдать, поскольку он сам *ничто*. Эти бесполезные

* Сострадание и братская любовь буддистов распространяется на все живое, в том числе и на демонов. Буддисты, в особенности ламаисты, считают, что демоны не обязательно живут в чистилищах; в этих скорбных мирах обитают те, кто попал туда из-за своей жестокости или недобрых поступков. В нынешнем своем печальном положении они могут отказаться от злобы и стать добрыми, обрести желание стать просветленными и т. д. Что же касается так называемых «демонов», то это существа, как правило, затаившие ненависть и враждебность, радующиеся несправедливости и жестокости. Их прежние поступки могли обусловить их рождение в облике человека, полубога или кого-то еще.

кости, символизирующие гибель его иллюзорного «я», могут утонуть в мутном озере — и это не будет значить ровным счетом ничего.

Это безмолвное самоуничтожение и завершает ритуал: аскет сознает, что у него нет ничего такого, от чего он мог бы отказаться; он полностью подавляет в себе экстаз, порожденный идеей жертвоприношения.

Некоторые ламы пускаются в дальний путь, желая совершить чёд около ста восьми озер и на ста восьми кладбищах. Они посвящают этому несколько лет, странствуя не только по Тибету, но и по Индии, по Китаю и по Непалу. Иные же для отправления ритуала просто уединяются на более или менее длительное время.

Если просто читать о чёде в обстановке, абсолютно отличной от той, в которой его совершают, то ощутить его очарование невозможно. Меня, как и многих других, покорила его суровая символика, развернутая на фоне дикой тибетской природы.

Решив приобщиться к необычным странствиям такого рода, я сделала первую остановку около озера со скалистыми берегами. Меня окружал совершенно пустынный и безжизненный ландшафт, изъывший из моей души чувства страха и безопасности, радости и печали. Я словно погрузилась в бездонную пропасть равнодушия.

Пока я размышляла об удивительной душе народа, изобретшего чёд и другие суровые ритуалы, сгустились сумерки, и блестящее зеркало озера потемнело.

Фантастическая вереница подсвечиваемых луной облаков проплыла мимо окрестных вершин и, сопровождаемая призрачными видениями, спустилась в окружающие меня долины. Один из этих призраков отделился от ос-

тальных и, как по ковру, заскользил по дорожке света, внезапно проступившей перед ним на темной воде.

Прозрачный гигант — две звезды были его глазами — высвободил руку из-под просторных одежд и подал ею какой-то знак. Звал ли он меня? Прогонял ли?.. Я не знала.

Затем он приблизился ко мне — он казался таким реальным, что я даже зажмурилась, заставляя видение исчезнуть. Меня словно окутало мягким и прохладным плащом — его тонкая материя проникала внутрь моего существа, вгоняя меня в дрожь...

Какие же странные видения должны являться детям этих наводненных призраками земель, этим послушникам, выросшим в предрассудках! Духовные отцы новичков посылают их в полном одиночестве в ночь — а воображение этих юношей взбудоражено сумасшедшими ритуалами. Сколько раз во время проносящегося над высокогорными плато урагана они, находящиеся за много километров от людей, слышат ответ на брошенный ими вызов и вздрагивают от ужаса в крошечных палатках!

Я очень хорошо понимала тех, кто испытывает страх перед чёдом. Впрочем, мне казалось, что слухи о смертях во время исполнения ритуала сильно преувеличены — я скептически выслушивала все эти рассказы. Но прошло несколько лет, и некоторые накопившиеся у меня факты заставили взглянуть на все это по-другому.

Приведу один пример.

Как-то раз, путешествуя по Северному Тибету, мы стали лагерем среди пустынного горного пастбища. Я расположилась вблизи трех черных шатров, в которых обитали

пастухи, целое лето пасущие коров и лошадей на большом *тханге**.

У меня закончилось масло, и эта случайность (каковое слово есть всего лишь удобное обозначение скрытых причин) — привела меня к шатрам. Пастухи оказались славными людьми. Присутствие около них женщины-ламы, расплачивающейся за покупки серебром, ничуть им не мешало. Они предложили выпасать моих коней вместе со своими. Это освобождало моих слуг от доброго куска работы, и я решила предоставить людям и животным недельный отдых.

Не прошло и двух часов со времени моего прибытия, как я уже почти все знала о здешних окрестностях. По правде говоря, ничего примечательного сообщить о них не могу.

Во все стороны тянулись бескрайние и пустынные альпийские луга — их плавную протяженность нарушали лишь ручейки да безлюдные горные хребты; над лугами — огромное небо, ясное и бездонное.

Правда, было в этой пустыне и кое-что интересное. Я узнала, что недалеко от моего лагеря облюбовал себе пещеру для медитаций один лама, пришедший сюда на лето откуда-то с севера, с той стороны, где жили монгольские племена.

По словам пастуха, у него было два ученика — они жили в небольшом шатре ниже по склону от пещеры наставника. Никаких обязанностей, кроме приготовления чая, у них не было, и большую часть времени юноши проводили в религиозных упражнениях. Они нередко отлучались по

* *Тханг* — плато между горными хребтами или очень широкая долина.

ночам, и я не сомневалась, что когда-нибудь с окрестных гор до меня донесутся звуки *дамару*, *конглингов* и колокольчиков, используемых при отправлении ночного обряда.

Что касается Рабджомса Гьяцо — так звали ламу, — то он не покидал пещеру вот уже три месяца, со времени приезда в эти края.

Из этого я заключила, что лама совершает обряд *дубт-хаб* или какой-нибудь другой магический ритуал.

На следующий день, едва рассвело, я отправилась в пещеру к ламе. Я хотела успеть подняться к нему, пока *трап-ны* будут совершать утреннюю молитву у себя в шатре. Я надеялась незамеченной пробраться в пещеру и увидеть, чем лама занят. Это было не совсем по «этикету», однако привычки тибетских лам были мне хорошо известны, и я боялась, что Рабджомс Гьяцо откажется принять меня, если я его об этом попрошу.

Следуя направлению, указанному пастухами, я легко нашла пещеру в склоне, возвышавшемся над ущельем, по дну которого журчал ручей. К первобытному жилищу была пристроена низкая стенка из камней, дерна и торфа; грубая занавеска, сотканная из ячьей шерсти, использовалась для создания некоторого уюта — она же укрывала ламу от посторонних глаз.

Мой план провалился. Как только я вскарабкалась к пещере, меня остановил парень болезненного вида со спутанными волосами. Одет он был в отшельничьи лохмотья. Я с трудом уговорила его пойти к учителю и попросить того оказать мне честь поговорить со мной. Лама вежливо отказал. Он передал, что сможет принять меня лишь через две недели.

Недельное пребывание в этих местах и так входило в мои планы; кроме того, я не торопилась продолжать поездку, и ничто не мешало мне задержаться на более длительный срок. Другое дело, что я не была уверена, стоит ли дожидаться этого визита. Я просто сказала *траппе*, что, может, вернусь, а может, и нет.

Дважды в день один из учеников ламы ходил мимо моей палатки к пастухам за молоком. Тощий юноша, остановивший меня у пещеры ламы, привлек мое внимание своей жалкой наружностью. Подумав, что смогу помочь ему какими-то лекарствами, я решила поговорить с *траппой*.

Я предложила ему медикаменты, но он сказал, что ничем не болен. Когда же я поинтересовалась, почему тогда он похож на скелет, в диких глазах тибетца промелькнул неопиcуемый ужас. От него невозможно было добиться никаких объяснений. Я попросила слуг попытаться вывести что-то у его товарища, но тот тоже уклонился от расспросов. Тибетцы вообще довольно словоохотливы, но эти двое, в отличие от большинства своих соплеменников, были необычайно замкнуты. После моих расспросов они стали ходить к пастушьим шатрам окольным путем, обходя мой лагерь стороной. Было очевидно, что они не хотели, чтобы я вмешивалась в их жизнь, даже ради того, чтобы помочь. Я оставила их в покое.

Через неделю я узнала, что умер один из пастухов, живших в полукилометре от лагеря. Я решила отсрочить отъезд, чтобы посмотреть на деревенские похороны.

Двое всадников понесли в лагерь лам — *докпа*^{*} называют его *банаг-гомпа*, то есть монастырь, состоящий из множества черных шатров. Лагерь располагался в двух

* Пастухи.

днях пути. Всадникам было поручено попросить двух монахов приехать и отправить ритуал над новопреставленным — правом заботиться о посмертных надобностях покойного обладают лишь представители того монастыря, которому мирянин приходился духовным сыном или который он при жизни поддерживал. Однако это не мешало ученикам ламы-чужестранца, нашего соседа, приходить по очереди и читать над усопшим священные книги.

Узнав печальную весть, с разных сторон прибывали друзья покойного; каждый из них что-то нес в подарок его родственникам, чтобы как-то их утешить. Вернулись гонцы и привезли с собой двух монахов и нескольких мирян, знакомых усопшего. Затем было пение *трапп*, звон колокольчиков, рокот барабанов и кимвалов и обычный в таких случаях обильный стол для всех присутствующих. По традиции, трапеза происходила напротив разлагающегося трупа, сидящего в большом котле и закутанного в многие одежды. Позже, когда все окончилось, мертвец был вынесен на маленькое горное плато, разрублен на куски и оставлен там как последняя жертва стервятникам.

Чтобы засвидетельствовать *докпа* свое почтение к освященным веками традициям их *налджори*, чей наряд я носила, я, облачившись в плотный *зен*^{*}, направилась с наступлением сумерек к телу, чтобы всю ночь медитировать около него.

Почти полная луна очень красиво подсвечивала огромную долину, простиравшуюся от подножия горы, которую я огибала, до далеких хребтов. В ночных прогулках по безлюдным местам есть своя прелесть. Я с удовольствием

* Одевание буддийских монахов и монахинь.

пробродила бы так целую ночь, однако до кладбища, куда я направлялась, было меньше часа ходьбы.

Я уже подходила к погосту, когда в безмолвие пустыни внезапно ворвался странный звук, хриплый и пронзительный одновременно; этот звук повторился несколько раз. Он словно бы раздирал спокойствие, окутывавшее погруженную в сон степь. Затем послышались ритмичные удары *дамару*.

Я хорошо понимала этот язык. Кто-то — несомненно, один из учеников ламы — пришел к телу, чтобы исполнить *чёд*.

Особенности рельефа позволили мне незаметно подобраться к небольшому холмику и спрятаться в расщелине, куда не падал лунный свет. Оттуда совершающий обряд был великолепно виден. Это оказался тот самый костлявый *траппа* с болезненной наружностью, которому я предлагала медицинскую помощь. На нем были обычные лохмотья *налджорны*: темно-красная плиссированная юбка, желтая сорочка с широкими рукавами и красный жилет китайского покроя. Поверх этого убранства была накинута еще и монашеская мантия, которая, хоть и имела такой же ветхий вид, как вся остальная одежда, все же придавала высокому тощему монаху величественный и внушительный вид.

Когда я приблизилась, молодой аскет возносил хвалебную мантру Праджняпарамите.

«О Мудрость, ушедшая, ушедшая,
ушедшая за предел и за предел предела: сваха!..»

Извлекаемые из барабана низкие и монотонные «дон, дон» раздавались все реже и наконец совсем затихли;

юный отшельник погрузился в медитацию. Через некоторое время он плотнее запахнулся в зен. Держа канглинг в левой руке, а правой высоко подняв дамару, отбивая ритм в агрессивном стаккато, человек стоял в задиристой позе, словно бросая вызов какому-то невидимому противнику.

— Я бесстрашный *налджорна*, — воскликнул он. — Я растаптываю себя, богов и демонов.

Его голос звучал все громче.

— Вы, ламы, духовные учителя, геро, тысячи кадом, придите и потанцуйте со мной!

Он начал ритуальный танец, поворачиваясь поочередно на все стороны света и повторяя: «Растаптываю демона гордыни, демона злости, демона вожделения, демона глупости».

Каждое «растаптываю» сопровождалось притопами и ритуальными возгласами «*Цем шес тсем!*», звучащими все громче; последние крики были просто оглушительными.

Траппа поправил сползшую на землю мантию, отставил дамару и костяную трубу, разложил шатер и, взяв в руку камень, принялся один за другим забивать в землю колышки, бормоча при этом заклинания.

Юноша укрепил палатку — забавный домик из тонкой хлопчатобумажной ткани, когда-то белый, но в лунном свете казавшийся сероватым. На его задней и боковых стенках красовались вырезанные из синей и красной материи слова Ом, А, Хум. С маленькой крыши свисало несколько оборок пяти сакральных цветов — красного, синего, зеленого, желтого и белого. Палатка была выцветшая и ветхая.

Тощий аскет явно испытывал тревогу. Он бросил взгляд на валявшиеся на земле куски трупа, потом повер-

нул голову, словно изучая окрестности; казалось, он колеблется. Глубоко вздохнув, он дважды или трижды провел рукой по лбу. Встряхнул головой, словно собираясь с духом. Схватил *канглинг* и громко затрубил, все ускоряя темп, словно сердито чего-то требуя. Затем *траппа* вошел в шатер.

Ночной лес, будто наэлектризованный всем этим представлением, вновь погрузился в сон.

Что делать? Я знала, что *налджорна* до рассвета не выйдет наружу и мне ничего больше не удастся увидеть. Настроение медитировать прошло, и здесь меня больше ничего не держало. Однако уходить я не торопилась. Я продолжала прислушиваться.

Время от времени до моего слуха долетали ритуальные заклинания, а также неясное бормотание и стоны.

Остаться на этом месте не имело смысла. Я осторожно выбралась из укрытия. Сделав несколько шагов вперед, я вдруг услышала глухое рычание. Передо мной мелькнула чья-то тень. Волк. Шум, произведенный *налджорпой*, отогнал его прочь, но теперь все стихло, и зверь решился приступить к пиршеству, устроенному здесь специально для него.

Я уже начала обходить холм и спускаться, когда раздался внезапный возглас.

— Возвращаю мои долги! — кричал *налджорна*. — Как я питался вами, так вы теперь питайтесь мной! Придите, все голодные и те, кого мучат неудовлетворенные желания! На этом пиршестве, которое я устраиваю из сострадания к вам, моя плоть превратится в то, чего вы так жаждете. Я отдаю вам плодородные поля, зеленые леса, цветущие

сады, белую и красную еду, одежду, целительные лекарства!.. Ешьте! Ешьте!..

Разгоряченный аскет неистово дунул в *канглинг*, испустил истошный вопль и так резво вскочил на ноги, что врезался головой в низкую крышу палатки, отчего маленький домик обрушился на него. Провозившись некоторое время в складках материи, он наконец выпутался — у него было страшное, перекошенное лицо сумасшедшего. Он тихонько подвывал, корчась, словно от дикой боли.

Теперь я понимала, что означает *чёд* для того, кто сам себя заводит, пока ритуал полностью не загипнотизирует его. *Траппе* действительно казалось, что упыри терзают его.

Юноша осмотрелся и обратился к невидимым наблюдателям, будто был в окружении множества существ из других миров. Судя по всему, виделось ему что-то совершенно жуткое.

Все это было крайне увлекательно. Однако равнодушно взирать на происходящее я не могла. Этот несчастный мог просто убить себя страшным ритуалом. Я поняла, почему он так болезненно выглядит и почему счел мои лекарства бесполезными для себя. Я сильно беспокоилась, и мне хотелось разбудить его от кошмара. Но я не решалась: это противоречило бы установленным правилам. Проходящие такую учебу должны справиться со всем без посторонней помощи.

Я все еще колебалась; но вот вновь послышалось волчье рычание — на этот раз с вершины холма. Волк словно окаменел: застыв в позе смертельно перепуганного животного, он не сводил глаз с покосившейся палатки: казалось, у зверя тоже были какие-то ужасные видения.

Из уст *налджорны* вырывались стоны, полные муки.

Сносить все это дальше у меня уже не было сил. Я бросилась к несчастному сумасшедшему.

— Подходи, злая, ешь мою плоть, пей мою кровь!.. — увидев меня, завопил он, отчаянно жестикулируя.

Это было в высшей степени нелепо! Он принимал меня за призрака!.. Несмотря на жалость, которую я к нему испытывала, я чуть не расхохоталась.

— Тихо, — промолвила я. — Здесь нет демонов. Я почтенная госпожа-лама, которую ты знаешь.

Он, казалось, даже не слышал меня и продолжал обращаться ко мне словами ритуала. Тут я подумала, что и впрямь в своей мантии похожа на привидение. Сбросив ее, я сказала:

— Ну же, узнай меня!

Бесполезно. Бедный послушник совсем рехнулся. Протянув руки к моему ни в чем не повинному *зёну*, он заговорил с ним словно с новоприбывшим призраком.

Зачем я не оставила этого парня в покое, зачем не ушла домой, а вмешалась в обряд! Я сделала только хуже, — думала я, глядя на ученика ламы, нетвердыми шагами ходившего вокруг палатки. Об один из колышков *траппа* споткнулся. Он рухнул и остался неподвижно лежать на земле, словно потеряв сознание. Я смотрела, поднимется ли юноша — подойти я не решалась, чтобы не испугать его еще больше. Через некоторое время он зашевелился, и я сочла, что лучше уйти, пока он снова меня не увидел.

Я решила рассказать ламе о том, что произошло с его учеником. Возможно, *траппа* уже не раз бывал в подобном состоянии во время исполнения *чёда*, и лама не обращал на это никакого внимания, — но этой ночью молодого

му тибетцу явно грозило помешательство. Рабджомс мог бы послать за ним другого ученика, чтобы тот разделил с бедным юношей несколько мучительных часов. Помочь ему на месте у меня не получилось, и лучшего выхода, чем пойти к ламе, я не видела.

Я стала спускаться на *тханг*. По дороге до меня время от времени доносился звук *конглинга* и раздававшийся иногда в ответ волчий вой. Звуки становились все слабее, пока совсем не стихли. Блаженствуя, я погрузилась в безмятежное спокойствие пустыни.

Слабый свет маленькой алтарной лампы, крохотной звездочки на горном склоне, указывал, где живет лама.

Обойдя стороной шатер, где, судя по всему, спал его ученик, я быстро взобралась в пещеру.

Рабджомс Гьяцо сидел скрестив ноги; он медитировал. Когда я отодвинула полог и заговорила с ним, он и не шевельнулся — лишь вскинул на меня глаза. В нескольких словах я описала ламе состояние, в котором оставила его ученика.

Он слабо улыбнулся.

— Похоже, вы знаете о *чёде*, *джецунма**. Вы действительно знакомы с этим ритуалом? — спросил лама.

— Да, — сказала я. — Я тоже совершала его.

Он ничего не ответил.

Лама молчал — он, казалось, забыл о моем присутствии. Немного подождав, я опять предприняла попытку пробудить в нем сострадание.

* *Джецунма* — «достопочтенная госпожа»; очень вежливое обращение к монахине высокого ранга. Вариант этого обращения — *джелсун кушогс*.

— *Римпоче**, — промолвила я. — Я кое-что смыслю в медицине и серьезно предостерегаю вас. Ваш ученик может нанести непоправимый вред своему здоровью, он может повредиться в уме из-за обуявшего его ужаса. Ему действительно кажется, что его заживо съедают.

— Конечно, именно это ему и кажется, — так же спокойно произнес лама. — Но он не понимает, что это он сам себя съедает. Может, он осознает это позже...

У меня чуть было не сорвалось с языка, что, пока настанет это время, у других претендентов на обретение тайного знания будет много шансов совершить *чёд* над телом уже этого юноши. Возможно, лама прочел мои мысли, поскольку, не дав мне произнести ни слова, добавил, слегка повывисив голос:

— Вы, кажется, намекали, что имеете некоторое отношение к «Короткому Пути». Неужели духовный учитель не говорил вам об опасностях, подстерегающих на нем человека? И разве не согласны вы с тем, что нужно быть готовым преодолеть все это: болезни, сумасшествие, смерть?..

— Нелегко освободиться от иллюзий, — продолжал он, — нелегко развеять мираж призрачного мира и отречься от пустых убеждений. Просвещение — драгоценный камень, за него нужно хорошо заплатить. Есть много способов достичь *тхарпа***. Вы можете выбрать иной путь, не такой жесткий, как тот, что подходит человеку, которого вы так жалеете. Но я уверен, что этот путь должен быть не менее тяжелым, чем у моего ученика. Если путь легок, значит, он ложен.

* *Римпоче* — «многоценный»; очень вежливое обращение к ламе.

** *Тхарпа* — высшее освобождение.

Теперь, прошу вас, возвращайтесь к себе в лагерь. Если пожелаете, можете прийти сюда завтра днем.

Не имело смысла говорить что-либо еще. Высказанные ламой соображения были общими для большинства тибетских мистиков.

Пожелав отшельнику доброй ночи, я вернулась к себе в палатку.

На следующий день я воспользовалась приглашением Рабджомса Гьяцо; в течение нескольких суток, проведенных мной в тех местах, я навещала его еще несколько раз. Этот лама хоть и не был большим эрудитом, но интуитивно проникал в суть многих явлений. Я была рада, что познакомилась с ним.

Из-за врожденного недоверия и скептицизма я не принимала безоговорочно на веру все то, что рассказывали тибетцы об отправлении чёда. Я была твердо убеждена, что драматические эпизоды, подобные тому, который я сама наблюдала, — скорее исключение, а не правило. Однако такие случаи, когда во время ритуала новичкам кажется, что демоны раздирают их тело на куски, — отнюдь не редкость, как и постепенное физическое увядание послушника. Не считая описанного выше, я лично была свидетельницей двух или трех происшествий подобного рода. В этих случаях наставники горемычных кандидатов на звание *налджорпы*, как и Рабджомс Гьяцо, отказывались успокоить юношей, объяснив, насколько субъективны испытываемые ими чувства. Более того, многие из учителей-мистиков, как я уже упоминала, полагают, что эти ощущения не совсем обманчивы.

Ритуальный текст и «сценографию» чёда приписывают жившему около двухсот лет назад ламе по имени Падма Ригдзин, главе секты дзогчен*.

В 1922 году я посетила его преемника — или, согласно тибетским верованиям, его самого. Пройдя через несколько смертей и перерождений, Падма Ригдзин все еще занимал пост настоятеля *гомпа* Дзогчен.

Монастырь Дзогчен находится на границе необъятных и безлюдных просторов, сплошь заросших травой, — эти дикие северные места располагают к мрачным и странным мыслям. Впрочем, добрейший Падма Ригдзин, мой хозяин, грустным раздумьям никогда не предавался. Его мысли были заняты коммерческими проектами и детскими капризами. Он во всех подробностях расспрашивал меня о французском Индокитае и Бирме, об импорте и экспорте этих стран. Особенно же его интересовало, можно ли там приобрести живых павлинов: настоятель жаждал пополнить свой небольшой живой уголок этими птицами.

В стороне же от роскошных апартаментов ламы-тулку в своих скромных уединенных хижинах обитали монахи — суровый вид и загадочное поведение этих людей более соответствовали окружающему пейзажу.

В некоторых из этих *цамс-кхангов*** жили затворники очень строгих правил, они ни с кем не общались. Одни стремились обрести необычайную психическую или магическую силу, другие занимались мистическими медитаци-

* Секта «Великого совершенства»; наиболее молодая секта «красношапочников». Сейчас она разделилась на две ветви: существовавшую изначально южную, глава которой обитает в монастыре Миндолинг, и северную, руководимую тулку Падмой Ригдзином.

** Жилищ отшельников.

ями: последователи секты дзогчен верят, что медитация открывает путь к просветлению. Долгое время монастырь Дзогчен был известен как центр преподавания и применения тайных методов духовного совершенствования. Те, кто смог добиться результата, исполняя *чёд*, способны обходиться без театрализованной части этого обряда — таким людям нужно лишь, безмолвно медитируя, воскресить в памяти различные его стадии; вскоре и в этом отпадает надобность.

Тем не менее *гомчены* иногда собираются и совершают *чёд* вместе: то ли ритуал навевает им приятные воспоминания юности, то ли у них есть на это какие-то другие, только им известные причины. Но в таких случаях мрачный обряд предстает уже совсем в ином свете: теперь это мистическое пиршество, и ликующие *налджорны* празднуют свою полную свободу.

Мне посчастливилось видеть некоторых из этих анахоретов, рослых уроженцев Кхама, облаченных в живописные отшельничьи одеяния, с длинными до пят волосами, заплетенными в косички. Под необычную музыку ручных барабанов и костяных труб они танцевали под звездами, в величавых чащобах на самой верхушке земного шара. Горделивая радость светилась на их исступленных лицах: ламы смогли растоптать чувства, лихорадящие разум надеждами и страхами, «нестерпимой жаждой» и «мучительной погоней за иллюзиями».

Затем *гомчены* погрузились в бесконечную медитацию. Уже давно рассвело, а они все сидели, скрестив ноги, выпрямив тело и прикрыв глаза, недвижимые, как каменные изваяния.

Забыть эту картину невозможно.

ГЛАВА V

УЧЕНИКИ В ДРЕВНОСТИ И В НАШИ ДНИ

Рассказы о том, как учителя-мистики набирают себе учеников, о первых годах послушничества, испытаниях, которым подвергаются новички, обретении ими духовного просветления — все это могло бы стать материалом для захватывающего романа.

В Тибете на эту тему можно услышать сотни удивительных историй, древних и современных. Они передаются поколениями тибетцев из уст в уста, их можно встретить в биографиях знаменитых лам; встречаются даже живые свидетели необыкновенных событий.

Если прочесть такие сказания в переводе на иностранный язык, да еще в краю, традиции, дух и природа которого совсем не похожи на тибетские, многие из необычайных «золотых легенд» теряют свое очарование. Но если услышать их в монашеской келье, где затейливо перемежаются свет и тень, или под скальным сводом отшельничьей пещеры в страстном изложении верующего, то сама душа Тибета, томимая жаждой одухотворенной жизни и тайного знания, откроется слушателю во всей своей поразительной и таинственной самобытности.

Для начала я коротко перескажу невероятную и символическую историю посвящения Тилопы. Тилопа родился в Бенгалии и в Тибете никогда не был, однако именно он считается духовным предком *кагьюдпа*, одной из основных сект «красношапочников».

Кстати сказать, в монастыре именно этой секты лама Йонгден в восьмилетнем возрасте стал послушником.

Тилопа читал религиозный трактат, когда за спиной у него появилась пожилая нищенка. Заглядывая ему через плечо, она прочла, или сделала вид, что прочла, несколько строк, затем резко спросила:

— Ты понимаешь то, что здесь написано?

Тилопа был возмущен. Что имеет в виду эта ведьма, задавая ему такие дерзкие вопросы? Но ответить он не успел. Женщина плюнула в книгу.

Тилопа вскочил. Как смеет это дьявольское отродье плевать в священный текст?

В ответ на его немой упрек женщина снова плюнула в книгу, обронила непонятное Тилопе слово и исчезла. Как ни странно, но это слово, прозвучавшее для Тилопы набором бессмысленных звуков, внезапно охладило его пыл. Им овладело неприятное ощущение. Он перестал доверять своим знаниям и усомнился в них. Может, он действительно не понимает учений, изложенных в этом и других трактатах? Может, он и впрямь полнейший невежда?

Что же сказала та странная женщина? Что за непонятное слово она произнесла? Он захотел это узнать. Он почувствовал, что должен узнать это.

И Тилопа отправился искать старуху. После долгих и напряженных поисков он нашел ее ночью в лесу (по дру-

гой версии — на кладбище). Она сидела в одиночестве, и в темноте ее красные глаза алели, как два тлеющих уголька*.

В ходе последовавшего разговора выяснилось, что Тилопе следует отправиться в край *дакини*, чтобы встретиться с их царицей. В пути его будут ждать неисчислимые опасности: пропасти, ревущие потоки, кровожадные хищники, обманчивые миражи, страшные призраки, голодные демоны. Если он позволит страху взять над собой верх или потеряет узкую тропинку, нитью выющуюся через эти жуткие места, то непременно станет добычей чудовищ. Если, томясь голодом или жаждой, он напьется из хрустального источника, отведаст растущих над дорогой плодов или поддастся на уговоры юных красавиц повеселиться с ними, то обязательно заблудится и никогда уже не найдет верной дороги.

Женщина снабдила его защитным магическим заклинанием. Это заклинание нужно было повторять про себя всю дорогу, ни о чем больше не думая, ничего не говоря и никого не слушая.

Некоторые полагают, что Тилопа действительно отправился в это фантасмагорическое путешествие. Другие, более осведомленные о возможных ощущениях человека

* Очевидно, речь идет о *дакини*. Тибетцы именуют их *кхадома*, но в мистической терминологии часто используют санскритское название *дакини* или сокращенный вариант *даки*. Это своего рода феи, которым в мистическом ламаизме принадлежит важнейшая роль наставниц, передающих людям тайные учения; их величают *матерями*. Они часто являются в облике старух. Одна из их характерных черт — зеленые или красные глаза. Есть два типа этих созданий: бесплотные *кхадома* (так называемые «*кхадома мудрости*», потусторонние существа) и *кхадома*, принадлежащие нашему миру; они не обязательно принимают облик женщин.

во время некоторых трансовых состояний, считают его дорогу одним из психических феноменов.

Как бы то ни было, в пути Тилопа сталкивался с бесчисленными соблазнами, со множеством ужасных существ, преодолевал крутые скальные подъемы, переправлялся через бурлящие реки, замерзал в снегах, жарился под палящим солнцем песчаных степей — но не переставал сосредоточенно повторять магическое заклинание.

Наконец он пришел к замку, бронзовые стены которого были раскалены докрасна. Огромные уродливые женщины разевали рты, желая растерзать Тилопу. Деревья, держащие ветвями оружие, преграждали ему дорогу. Но Тилопа все же вошел в заколдованный дворец. Внутри оказался целый лабиринт из роскошных палат, которым не было числа. Тилопа прошел через них и оказался в покоях королевы. Он переступил порог и увидел прекрасную фею, восседавшую на усыпанном драгоценными камнями троне; она улыбалась отважному пилигриму.

Пораженный ее красотой, он поднялся по ступенькам трона и, не переставая повторять мантру, стащил с царицы сверкающие драгоценности, бросил наземь цветочные гирлянды, сорвал с нее дорогие шелковые позолоченные одежды и овладел ею прямо на развороченном троне.

В тибетской мистической литературе распространены мотивы подобных побед над *дакини*, одерживаемых либо простым насилием, либо с помощью магии. Это аллегория постижения истины, аллегория некоторых процессов духовного самосовершенствования.

Тилопа передал свое учение кашмирцу Нароте, а ученик последнего, тибетский лама Марпа, принес его в свою страну. Выдающийся ученик Марпы, известный поэт Ми-

ларепа, в свою очередь, передал его Дагпо Лхаджи. И по сей день линия такого ученичества сохраняется под названием секты *кагьюдпа*.

В биографии Нароты есть одна удивительная, хоть и не столь невероятная, как может показаться на первый взгляд, история, повествующая об испытаниях, придуманных учителем *Короткого Пути* специально для того, чтобы воспитать ученика и наставить его на путь истинный.

Вот ее краткое изложение.

Нарота, или Наропа, как говорят тибетцы, кашмирский брамин, живший в X веке нашей эры, имел глубокие познания в философии; считается, что он был также искусным магом.

Он занимал должность духовника раджи — и этот раджа однажды глубоко оскорбил его. Наропа решил с помощью магии убить принца. Он заперся в уединенном домике и приступил к ритуалу *драгной дубтхаб**.

Во время ритуала в уголке магического чертежа появилась мать-фея и спросила Наропу, считает ли он себя способным отправить душу раджи в иной, более счастливый мир или хотя бы вернуть ее в прежнее тело, воскресив его. Маг признал, что его умений для этого недостаточно.

Лицо матери-феи стало суровым, она выбрала Наропу за его гнусный замысел. Никто, сказала она, не смеет лишать человека жизни, если не способен ему ее вернуть или обеспечить его душу лучшими условиями существования. Наропа расплатится за свои преступные мысли тем, что в

* Магический ритуал, применяющийся с целью навлечь на человека смерть или причинить ему увечья.

следующий раз родится в одном из чистилищ, добавила фея.

Насмерть перепутанный Наропа спросил, как он может избежать такой участи. *Кхадома* посоветовала найти мудреца по имени Тилопа и попросить, чтобы тот посвятил его в тайное учение *ци чиг лус чиг сангъяис*. Это мистическое учение *Короткого Пути* позволяет человеку понять истинную природу своих поступков, тем самым освобождая его от их последствий, и обеспечивает достижение состояния будды «всего за одну жизнь»*. Если он сумеет уловить смысл учения и постичь его, то больше никогда не родится, а значит, избежит мучительной жизни в чистилище.

Наропа прервал ритуал и поспешил в Бенгалию к Тилопе.

Тилопа же, чье фантастическое посвящение я только что описала, к тому времени уже пользовался большой известностью. Он состоял в тантрической секте и являлся одним из *авадхута*** — тех, о которых говорят, что они «ничего не любят, ничего не ненавидят, ничего не стыдятся, ничего не славят, от всего обособились и отказались от семейных, нравственных и социальных обязательств»***.

* Имеется в виду, что состояния будды можно достичь в той же жизни, в которой человек начал обучение, тогда как в большинстве случаев этот процесс длится столетия: душа несколько раз должна родиться и умереть.

** Аскетов, полностью отрекшихся от мира, от социальных и моральных норм и законов, считающих себя достигшими просветления — той стадии духовного развития, когда перестает существовать различие между добром и злом.

*** *Маханирвана-тантра*. Это традиционная характеристика Мудреца, встречающаяся во многих текстах.

Что касается Наропы, то первоначальный его образ в литературе — это образ утонченного человека, глубоко убежденного в собственном превосходстве над остальными из-за своей принадлежности к касте браминов и сословию ученых лекарей. Столкновения двух этих совершенно разных характеров, Тилопы и Наропы, лежат в основе ряда происшествий, которые мы бы расценили скорее как глупые розыгрыши — тем не менее Наропу они должны были ранить в самое сердце.

Первая встреча этих людей произошла во внутреннем дворе буддийского монастыря. Аскет, нагой или почти нагой, сидел на земле и ел рыбу. Поев, он аккуратно сложил кости подле себя. Чтобы не замарать чистоты своей касты, Наропа собрался обойти обедавшего стороной. Тут кто-то из монахов принялся журить аскета, упрекая его в том, что прямо в буддийском монастыре он демонстрирует отсутствие сострадания к животным*. С этими словами он велел ему немедленно убираться восвояси.

Аскет даже не соизволил ответить. Он пробормотал несколько магических слов, прищелкнул пальцами и, — невероятно! — кости вновь покрылись мясом, рыбки зашевелились, потом запрыгали в воздухе как живые и исчезли**. На земле не осталось никаких следов кошмарной трапезы.

* Поскольку для приготовления поглощаемой им пищи пришлось убить рыбу.

** Такие воскрешения — излюбленная тема восточного фольклора. В биографии Миларепы упоминается, как лама Чосрдор из Гнога тем же способом оживил множество убитых градом птиц и полевых мышей. Еще более необычную историю я услышала от одной кореянки. Как-то раз святой монах увидел на берегу реки человека, готовящего уху из только что пойманной рыбы. Ни слова не говоря, монах взял горшок и выпил

Наропа оцепенел. Но вдруг его пронзила мысль: да ведь этот странный чудотворец и есть тот Тилопа, которого он ищет! Наропа тут же расспросил монахов, те подтвердили его догадку, и он бросился за Тилопой — но того уже и след простыл.

Жаждая обрести знание, способное избавить его от страданий, Наропа ходил из одного города в другой, но результат всякий раз оказывался неизменным: как только Наропа приходил туда, где, как говорили, должен быть Тилопа, выяснялось, что йог только-только уехал.

Очень может быть, что биографы продлили срок странствий Наропы, но основывались они, несомненно, на реальных фактах.

Иногда, свидетельствуют предания, Наропа как бы случайно сталкивался на пути с сотворенными Тилопой фантомами. Однажды из дома, в который Наропа постучался, чтобы попросить еды, вышел мужчина и предложил ему вина. Наропа был глубоко оскорблен и с возмущением отказался от нечистого напитка*. Дом и хозяин тотчас исчезли. Наропа остался стоять на безлюдной дороге, а смеющийся голос глумился над ним: «Это был я, Тилопа».

На другой день крестьянин попросил его помочь освежевать убитое животное. В Индии этим занимаются лишь

кипящий бульон. Тот человек удивился, как это можно пить кипящую жидкость, но все же не преминул посмеяться над монахом, вменяя ему в вину греховную прожорливость (монахи-буддисты в Китае и Корее никогда не едят животных). Монах так же безмолвно зашел в реку и помочился. Живые рыбки появились из его тела, упали в реку и поплыли прочь.

* Ортодоксальным браминам нельзя употреблять алкоголь. Предложить брамину вино или что-то еще из спиртного означает низвести его до человека низшей касты, унизив тем самым его достоинство.

неприкасаемые парии. Если представитель чистой касты хотя бы приблизится к таким людям, он станет нечистым. Испытывая дикое отвращение, Наропа убежал, а невидимый Тилопа снова рассмеялся: «Это был я!»

Еще как-то раз странник увидел жестокого мужа, который таскал жену за волосы. Наропа вмешался, а мужчина сказал ему: «Лучше помоги мне, я хочу убить ее. Или хотя бы иди своей дорогой и не мешай». Наропа не выдержал. Он ударил мужчину, освободил женщину и вдруг... Мираж опять рассеялся, а тот же самый голос презрительно повторил: «Это был я, я, Тилопа».

В последующие дни все продолжалось в том же духе.

Хоть Наропа и сам был искусным магом, но о подобном даже не помышлял. Он был уже на грани сумасшествия, однако желание стать учеником Тилопы разгоралось в нем все больше. Он пошел куда глаза глядят, стал громко призывать Тилопу и кланяться в ноги всем встречным прохожим и даже животным, на собственном опыте убедившись, что гуру способен принимать любой облик*.

Как-то вечером, проведя весь день в пути, Наропа пришел на кладбище. В углу догорал костер. Временами темный красноватый язычок пламени взметывался вверх, освещая высохшие обугленные останки. В неясном свете На-

* В одном из таких призрачных видений Тилопа превратился в зайца. Умение принимать разные обличья — одна из сверхъестественных способностей, приписываемых тибетцами великим *налджорпам*. По легендам, Миларепа являлся тем, кто навещался в его заснеженную хижину в Лачи-Канге, в облике снежного барса или ворона. В сказаниях о Гесере из Лина тоже много говорится о таких чудесах. Безусловно, в видениях подобного рода значительную роль играет внушение. Однако эти фантомы — не совсем выдумка. Мне и самой довелось видеть кое-что в этом духе.

ропа смутно различил лежащего у костра человека. Наропа всмотрелся... и услышал саркастический смех. Он все понял, бросился на землю, схватил ноги Тилопы и положил их себе на голову. На этот раз йог не исчез.

За первые несколько лет, проведенных с Тилопой, Наропа не узнал ничего особо важного для себя. Его наставник ничему его не обучал. Однако в качестве компенсации подверг ученика двенадцати большим и двенадцати малым испытаниям. Объем книги не позволяет рассказать о каждом из этих двадцати четырех испытаний, во многом дублирующих друг друга. Ограничусь описанием некоторых из них.

Как заведено среди индийских аскетов, Наропа отправился просить милостыню. Возвратившись, он принес учителю поданные ему рис и карри.

По обычаю, ученик имеет право есть только после того, как насытится его учитель. Но Тилопа съел все без остатка, ничего не предложив Наропе, и даже заявил, что еда так пришлась ему по вкусу, что он с удовольствием осилил бы еще мисочку.

И Наропа, не дожидаясь более прямого указания, взял пустую миску и пошел в тот дом, где великодушные хозяева подали ему такую вкусную милостыню. К несчастью, дверь оказалась запертой. Преданный ученик был полон энтузиазма и решил так просто не сдаваться. Он толкнул дверь ногой, прошел на кухню, отыскал на плите еще теплый рис и другую снедь и сам наполнил миску понравившимся Тилопе блюдом. Он как раз шарил по горшкам, когда вернулись хозяева дома — и задали Наропе основательную взбучку.

Наропа вернулся к учителю весь в синяках, но тот не выказал ни малейшего сочувствия.

— Что это с тобой приключилось из-за меня? — произнес Тилопа издевательски спокойным тоном. — Не жалеешь, что стал моим учеником?

Наропа со всем пылом, на какой он только был способен в его жалком положении, заверил учителя, что и не думал сожалеть о том, что последовал за таким гуру, и что никакая цена не может быть слишком высокой, если речь идет о чести стать учеником Тилопы — даже если платить нужно жизнью.

В другой раз, проходя мимо канавы, Тилопа спросил у сопровождавших его учеников:

— Кто напьется воды из этой канавы, если я прикажу?

Надо иметь в виду, что напиться из канавы означало не только побороть отвращение к грязной воде, но и, согласно религиозным законам индуизма*, самому стать нечистым. Пока остальные колебались, Наропа бросился к канаве и напился зловонной воды.

Следующее испытание было более жестоким.

Учитель и ученик жили в лачуге около самого леса. Однажды, возвратившись из деревни с едой для Тилопы, Наропа увидел, что его наставник выстрогал несколько длинных деревянных игл и теперь раскаляет их на огне. Сильно изумившись, Наропа поинтересовался о назначении этих инструментов.

Йог странно улыбнулся.

* В то время, в X веке нашей эры, буддизм находился в глубоком упадке, и индусские предрассудки, категорически не признаваемые Буддой, вновь проникли в умы людей.

— Ты сможешь, — спросил он, — вытерпеть боль, если я захочу этого?

Наропа ответил, что полностью принадлежит учителю и тот волен делать с ним все, что только пожелает.

— Хорошо, — произнес Тилопа. — Дай руку.

Наропа подчинился. Тилопа загнал по игле под каждый ноготь на руке ученика, а потом проделал то же самое с пальцами на ноге. Затем он втолкнул бедного Наропу в хижину, велел ждать его, запер дверь и ушел.

Вернулся он через несколько дней. Наропа сидел на земле, иголки все еще торчали из его пальцев.

— О чем ты думал все это время? — поинтересовался Тилопа. — Не решил ли ты, что я жестокий учитель и тебе лучше уйти от меня?

— Я думал о страшной, полной мук жизни, которая ожидает меня, если вы не смилуетесь надо мной и я не буду посвящен в мистическое учение — ведь тогда я не смогу избежать перерождения.

Шли годы. Наропа прыгал с крыши, проходил сквозь полыхающее пламя и совершал множество других подвигов, не раз подвергая свою жизнь опасности.

В заключение расскажу удивительную историю о еще одном любопытном испытании.

Учитель и ученик бродили по городским улицам и вдруг увидели свадебную процессию, препровождавшую невесту в дом жениха.

— Желаю эту женщину, — сказал Тилопа Наропе. — Ступай, приведи ее ко мне.

Он еще не закончил говорить, а Наропа уже мчался к свадебному кортежу.

Люди из процессии узнали в нем брамина и пропустили к невесте, думая, что он хочет благословить ее. Но когда он подхватил девушку на руки, собираясь ее унести, все схватили первое, что попало под руку, — доски паланкина, факелы, освещавшие путь процессии, — и обрушили на бедного Наропу град ударов. Его так крепко поколотили, что он потерял сознание. Наропу сочли мертвым и оставили на дороге.

Тилопа не стал дожидаться окончания представления и спокойно отправился дальше.

Очнувшись, Наропа с трудом дотащился до своего капризного гуру. Тилопа приветствовал его все тем же вопросом: «Ты не жалеешь?..» И, как обычно, Наропа ответил, что тысяча смертей для него сущая безделица, если награда — честь быть учеником Тилопы.

Наконец Наропа получил вознаграждение за все долгие страдания. Но этой наградой явились отнюдь не регулярные занятия и не посвящение.

Если верить преданию, Тилопа все это время следовал методу, сходному с методом учителей из китайской секты *чань*. Ясно, что во время долгого испытательного срока Наропа, даже будучи предоставлен сам себе, многое узнал из учения *Короткого Пути*. Однако об окончательной стадии его обучения рассказывают так.

Он и его учитель сидели под открытым небом у костра. Внезапно Тилопа взял свой башмак и сильно ударил им Наропу по лицу. Из глаз Наропы посыпались искры, и в тот же миг в его мозгу вспыхнул смысл учения *Короткого Пути*.

Позже у Наропы было много учеников — он, как свидетельствуют предания, оказался очень добрым наставни-

ком. Он не подвергал учеников жестоким испытаниям, через которые сам проходил с такой болью.

Уже стариком он покинул монастырь, где заслужил славу хорошего лекаря, и, став отшельником, провел двенадцать лет в непрерывных медитациях. Говорят, что в конце жизни он достиг «блестящего успеха»*, то есть состояния будды.

В Тибете Наропа известен главным образом как духовный учитель ламы Марпы, наставника знаменитого поэта-отшельника Миларепы, чьи религиозные песни очень популярны среди тибетцев.

Если Наропа был мягким учителем, то этого никак нельзя сказать о Марпе, который годами мучил бедного Миларепу. Будущий поэт должен был без посторонней помощи построить дом — Марпа несколько раз ломал уже почти готовое сооружение и заставлял ученика начинать все заново.

Миларепе приходилось голыми руками выкапывать камни и переносить их на спине. Тяжелые камни терлись о спину, и на теле образовывались раны, которые от попавшей в них грязи начинали нарываться. Марпа, казалось, не замечал мук своего ученика. Когда же, вняв наконец мольбам своей жены Дагмедмы**, он наконец сообразовал взглянуть на кровоточащую спину Миларепы, то лишь сухо посоветовал ему подложить под камни кусок войлока с отверстиями, чтобы раны ни с чем не соприкасались. Так в Тибете поступают с выючными животными, у которых содрана спина.

* *Мчог ги днос* груб.

** Марпа, живший до реформ Цзонхавы, был женат.

Построенный Миларепой дом до сих пор стоит в Лхобраге, что в Южном Тибете.

Тибетцы ничуть не сомневаются в правдивости таких преданий. И если мы не можем состязаться с ними в этой вере, то не должны, по крайней мере, считать все истории о новичках-налджорнах выдумками. Также было бы ошибкой полагать, что все в них рассказанное ушло в прошлое и в наши дни ничего подобного случиться не может. Со времен Марпы тибетский дух не изменился. В жилищах многих лам я узнавала дом и порядки Марпы — такие, какими они описаны в тибетской литературе, — и сам Марпа смотрел на меня глазами хозяина дома.

Да и юные монахи, ищущие себе духовных поводырей, тоже похожи на своих предшественников. Хоть и не наделенные рвением Наропы или Миларепы, которые во все времена являются исключениями из правил, они, тем не менее, готовы терпеть чудовищные лишения, приносить бесчисленные жертвы, готовы видеть чудеса. А стало быть, невероятные приключения давно минувших дней снова и снова повторяются в Земле Снегов.

Какими бы бесчеловечными ни казались телесные испытания, которые, как полагают отшельники, полезны для проверки моральных качеств ученика, они составляют самую легкую часть обучения. Наиболее страшные испытания — психологические.

Начинаются они в тот самый миг, когда желающий пройти посвящение обращается к анахорету-мистiku с просьбой взять его в ученики. Столько разных слухов ходит об этих *гомченах*, их жизнь окутана такой таинственностью, а внешность их и немногие оброненные ими слова столь необычны, что эти люди вызывают у тибетцев почти

суеверный ужас, их боятся больше, чем богов и демонов. Иначе и быть не может: считается, что гомчены способны подчинять себе и богов, и демонов. Путники и охотники, которым случалось заблудиться, не раз говорили, что во время блужданий по безлюдным горам они замечали, что к некоторым отшельникам навеваются существа из нечеловеческого мира.

Обратиться к такому учителю, доверить ему свое настоящее и будущее — рискованный шаг. Нетрудно представить, в каком смятении пребывает претендент на постижение секретного знания, какие противоречивые чувства захлестывают его, какие муки его терзают.

Сильное впечатление на юного монаха оказывает как долгий путь через пустыню, которую надо пересечь, чтобы добраться до выбранного им самим наставника, так и дикое величие местности, где этот учитель обычно живет.

Духовное воспитание, проводимое с таким настроем, в такой местности и под руководством такого учителя — это всегда что-то запредельное. Над учеником, долго медитирующим в полном одиночестве, содрогаются небеса, изпод него уходит земля, и он нигде не может найти надежную точку опоры. Боги и демоны смеются над юношей, посылая ему видения, сперва кажущиеся кошмарными, а потом, когда он победит страх, смешными и сбивающими с толку. Череду невероятных происшествий, способных свести человека с ума, может растянуться на десять, двадцать лет. Если такие пытки не сведут ученика в могилу, то однажды утром он очнется от страшного сна, понимая *все, что нужно*, поклонится в ноги невозмутимому учителю и зашагает прочь, не нуждаясь больше в уроках.

Приведу здесь типичную тибетскую историю посвящения, одну из нескольких, слышанных мной от затворников и *налджорн*.

Когда Йешес Гьяцо стал учеником ламы-гомчена, он уже кое-что смыслил в мистике. Он несколько раз на довольно длительный срок уединялся в своем жилище, пытаясь найти ответ на мучивший его вопрос.

Что есть разум? — спрашивал он себя. Он пробовал ухватиться за свой разум, но тот, призрачный, всегда ускользал, «как ускользает вода из кулачка ребенка».

Гуру Йешеса, лама из монастыря, к которому тот принадлежал, видел, как мучается его ученик, и направил его к своему знакомому отшельнику.

Путешествие было недолгим. Оно заняло каких-то три недели — в Тибете это считается пустяком, — но путь Йешеса пролегал через пустыню и перевалы высотой в пять тысяч метров. За спиной Йешес нес несколько книг, одеяло и обычную еду: прожаренную ячменную муку, масло и чай. Стоял второй месяц тибетского года*. Вокруг все было покрыто глубоким снегом, и путник всю дорогу мог любоваться видом скованных льдами высоких вершин — казалось, они принадлежат другому миру.

К жилищу *гомчена* Йешес пришел вечером, когда садилось солнце. Отшельник обитал в огромной пещере. Напротив пещеры была небольшая естественная терраса, обнесенная стеной.

Немного ниже по склону стояло несколько лачуг, служивших укрытиями для учеников, которым лама разрешил немного пожить около себя. От жилища ламы, распо-

* Март. Тибетский Новый год отмечается в первых числах февраля.

ложенного на темной скале, открывался вид на изумрудную гладь небольшого озерца.

Я тоже, как и Йешес много лет назад, однажды побывала там в сумерках. Глядя на смутно различимые в полумраке безлюдные окрестности, я осознала, какое сильное впечатление на монаха должен был произвести этот пейзаж.

Йешес попросил одного из учеников ламы пойти к учителю и узнать, не согласится ли тот принять его.

Гомчен не разрешил новоприбывшему подняться к нему в пещеру. Йешес ожидал этого отказа и ничуть ему не удивился. Юноша и не надеялся, что немедленно получит положительный ответ. Он поселился в хижине с одним из послушников и стал ждать.

Через неделю он решился робко напомнить отшельнику о своей просьбе. Ответ пришел сразу же: Йешесу надлежало немедленно возвращаться к себе в монастырь.

Издав крик отчаяния, он бросился к скальной крепости, где жил анахорет, и простерся ниц у подножия горы.

Однако лама не сжалился и не нарушил ответом мертвую тишину пустыни. Йешесу пришлось уйти.

В тот же вечер на безжизненное плато, которое ему предстояло пересечь, выпал сильный град. Йешес смутно видел каких-то грозных призраков-фантомов, в темноте он сбился с дороги и всю ночь проблуждал в поисках пути. В последующие дни ему тоже не везло. Погода была ужасная, запасы еды подошли к концу, переправляясь через горную реку, Йешес чуть не утонул. Он заболел и до гомпы дошел уже в состоянии полного отчаяния.

Однако его интуитивная вера в гомчена не пошатнулась. Через три месяца он опять пошел к нему. Как и в прошлый раз, на перевалах он попадал в страшные бури.

Легковерному Йешесу они казались результатом деятельности потусторонних сил. Возможно, думал он, это лама решил проверить его стойкость, или же проснулись злые духи и хотят не пустить его к *гомчену*, не дать овладеть тайными знаниями.

Второе путешествие закончилось тем же, что и первое. Йешесу не было позволено даже припасть к ногам отшельника — юношу немедленно отправили назад.

В следующем году он еще два раза приходил к ламе, и вот на второй раз *гомчен* наконец принял его.

— Ты сумасшедший, сын мой, — сказал *гомчен*. — Почему ты такой упрямый? Я больше не беру учеников. Я кое-что узнал о тебе. Ты уже изучал философию, много времени провел в медитациях. Так чего же ты хочешь от старого неуча?

— Если ты действительно желаешь обрести тайное мистическое знание, — продолжал отшельник, — иди в Лхасу, к ламе такому-то. Он знаком со всеми работами наиболее ученых авторов и посвящен во все эзотерические традиции. Такому эрудированному юноше, как ты, нужен именно он.

Йешес знал, что гуру часто говорят такое, проверяя степень доверия и уважения со стороны ученика. Йешес был полон веры в ламу.

Он продолжал настаивать и всеми силами доказывал свою преданность и ревностность. В конце концов лама взял Йешеса в ученики.

Другой знакомый мне монах тоже хотел стать учеником отшельника — но его цель лежала совсем не в области философии или мистики. Я привожу здесь этот случай исключительно из-за того, что он отличен от истории с

Йешесом, а также чтобы продемонстрировать еще одну грань тибетского менталитета.

Карма Дорджи был низкого происхождения. Над ним, маленьким мальчиком, монастырским *геогом*^{*}, издевались и насмехались его же ровесники из более благородных семей. Их придирки ожесточили его еще не сформировавшийся ум, и он признался мне, что в десятилетнем возрасте дал клятву, что поднимется над всеми унижавшими его.

Шли годы, и товарищи Кармы уже не могли выказывать презрение к нему слишком открыто. Однако молчание и холодность ясно выражали их пренебрежительное отношение. Карма Дорджи обладал чувством собственного достоинства и сильной волей и не отказывался от мечты исполнить детскую клятву. Низкое происхождение юноши и его монашество допускали лишь один способ достижения поставленной цели. Он должен сделаться знаменитым *налджорпой*, магом, одним из тех, кто может подчинять своей воле демонов и превращать их в своих слуг. Именно так он сможет отомстить обидчикам и заставить их трепетать перед ним.

Вот с этими-то, не бог весть какими благочестивыми мыслями и обратился Карма Дорджи к настоятелю монастыря с просьбой отпустить его на два года в лес для медитаций. Он знал, что такие прошения всегда удовлетворяются.

Карма поднялся высоко в горы, нашел подходящее место около родника и соорудил там себе хижину из веток

* *Геог* — молодой послушник, сын бедных родителей, которые не могут содержать своего ребенка. Зарабатывает на жизнь, прислуживая в доме ламы.

и глины. Чтобы походить на *рескьянгпа*^{*}, он разделся и перестал стричься. Те, кто иногда приносил ему пищу, видели, что даже в мороз он сидит совсем голый, — сидит, скрестив ноги и погрузившись в глубокую медитацию.

О нем заговорили, но до той славы, которой он хотел, было еще далеко. Он понял: для того, чтобы стать известным, мало просто жить в лесу и ходить нагишом. Он спустился обратно в монастырь и на этот раз попросил позволения покинуть страну: Карма хотел найти духовного учителя. Его никто не удерживал.

Во время странствий на долю Кармы выпало намного больше разных приключений, чем довелось перенести Йешесу, который знал хотя бы направление, куда он идет и кого хочет видеть своим учителем. Карма же не имел ни малейшего представления обо всем этом, он шел куда глаза глядят.

Проходили недели, а он все никак не мог отыскать мага, способного, по его мнению, привести его к вершинам тайного знания. И Карма решил найти такого мистика с помощью магии.

Он непоколебимо верил в богов и демонов. Он помнил рассказ о Миларепе, которому они помогли обрушить на врагов дом, а также множество других историй о жутких божествах, приносящих по требованию мага на середину *кьилкхора* (магического изображения, магом же созданного) головы указанных им людей. Он самостоятельно овладел некоторыми знаниями о *кьилкхорах*. И вот Карма выложил камнями одно такое изображение в узком ущелье и

* *Налджорпы*, наделенные способностью использовать *туммо*, внутреннее тепло. Из одежды носят только хлопковое платье, а то и вовсе ничего. См. гл. VI.

принялся колдовать в надежде, что могучие и злобные боги-тово укажут ему учителя, способного повелевать такими божествами.

На седьмую ночь вода в реке, текущей по дну ущелья, начала неожиданно прибывать с пугающей скоростью. Огромная масса воды — может, где-то прорвало естественную запруду или выше по склону прошел ливень — потащила молодого монаха вместе с его скромными пожитками и *кьилкхором* вниз по ущелью. Карму вертело вокруг камней, он чудом не утонул, но наконец его вынесло из теснины в огромную долину. Когда рассвело, невдалеке он увидел *ритод* (уединенное жилище), приютившийся среди скал на горном отроге.

Как обычно в Центральной Азии, солнце светило ярко, и от домика словно исходило розовое свечение. Карма отчетливо видел протянувшиеся от домика к его голове лучи света.

Конечно, учитель, которого он так долго искал, жил здесь. Карма не сомневался, что это боги ответили на его зов и помогли ему. Он намеревался подняться по ущелью и перейти через хребет, но они спустили его в долину к *ритоду*. Карма признавал, что вмешательство было грубоватым, но объяснял он это причиной, тешившей его тщеславие. Тово, думал он, не могли противостоять силе его колдовства. Но представив, каким сильным магом он станет после того, как пройдет надлежащее обучение, они разозлились от мысли, что когда-нибудь сами сделаются его слугами.

Карма пребывал в радужных мечтах о своем будущем и даже не думал о том, что вода унесла его одежду и все запасы провизии. Совершая около *кьилкхора* обряд, Карма

полностью разделся, чтобы напоминать Херуку*, — и теперь уверенно шагал к *ритоду* в чем мать родила.

Он уже подходил к жилищу, когда оттуда за водой вышел ученик отшельника. *Траппа* чуть не выронил ведро, узрев перед собой столь диковинное видение.

Климат Тибета сильно отличается от индийского. И если в Индии раздетых аскетов — или псевдоаскетов — хоть пруд пруди, то в высокогорной Земле Снегов совсем иная ситуация. В Тибете очень немногие *налджорны* придерживаются этой непритязательной моды, а поскольку обитают они вдалеке от всех дорог, в укромных уголках диких гор, то мало кому представляется возможность хотя бы мельком увидеть их.

— Кто живет в этом *ритоде*? — спросил Карма.

— Мой учитель, *гешес*** Тобсгьяис, — ответил *траппа*.

Начинающий маг больше не задавал вопросов. Да и о чем еще было спрашивать? Он узнал все, что ему было нужно. Боги направили Карму к его *цавай-ламе****.

— Скажи ламе, что чоскйонги**** послали ему ученика, — сказал нагой путешественник.

Озадаченный водонос передал эти слова отшельнику, и тот велел ввести странного посетителя в дом.

Лама Тобсгьяис был эрудированным человеком, внуком китайского служащего и его жены-тибетки. Судя по отзывам Кармы, это был умеренный агностик. Вероятно, он хотел, чтобы его никто не беспокоил и не мешал учить-

* Божество, изображаемое в виде обнаженного аскета.

** Высокоученый монах.

*** Духовному наставнику.

**** В ламаистских верованиях — божества, поклявшиеся защищать буддизм и буддистов.

ся. Возможно, именно из-за этого, а также из-за аристократической тяги к одиночеству он и стал отшельником — в Тибете такие случаи нередки. Однако Карма о своем гуру знал очень мало. Как мы позже узнаем из его собственного рассказа, он мало общался с ламой, а те подробности о его семье и характере, которые он мне поведал, почерпнуты из разговоров с двумя жившими в *ритод* учениками *гешеса*.

Местоположение жилища кушога Тобсгьяиса полностью соответствовало изложенным в буддийских писаниях правилам: «Не слишком близко к селению. Не слишком далеко от селения». Из маленького окошка его домика открывался вид на просторную и безлюдную долину, а за холмом, на котором стоял *ритод*, в нескольких часах ходьбы лежала деревенька.

Жилище затворника было обставлено с аскетической простотой, однако большая библиотека и несколько висящих на стене прекрасных картин говорили о том, что отшельник совсем не беден и разбирается в искусстве.

Наверное, изящный худощавый ученый, каким его описал мне Карма Дорджи, и стоящий перед ним сам Карма, высокий юноша с фигурой атлета — его наготу прикрывали лишь заплетенные в косички длинные волосы, — представляли вместе любопытное зрелище.

Карма пылко бросился перед ламой на колени и повторил, что он ученик, брошенный богами прямо в ноги учителю.

Лама молча выслушал рассказ о *кьилкхоре*, «чудесном» потоке и всем остальном. Когда Карма еще раз сказал, что его бросило прямо «к ногам учителя», кушога Тобсгьяис заметил, что до того места, где Карму подхватила вода, до-

вольно далеко. Потом он поинтересовался, почему на юноше нет одежды.

Когда Карма, преисполненный чувства собственной важности, сослался на Херуку и упомянул о двух годах, проведенных им среди лесов в полной наготе, лама некоторое время молча смотрел на него, потом подозвал одного из учеников и тихо сказал ему:

— Отведи этого беднягу на кухню, усади около огня и дай ему горячего чаю. Еще найди старую шкуру и тоже дай ему. Он два года дрожал.

После этих слов лама велел Карме удалиться.

Карма с удовольствием облачился в *пагдсу**. Горящий огонь, щедро сдобренный маслом горячий чай приятно согревали после ночного купания. Однако уязвленная гордость не давала ему со всей полнотой наслаждаться комфортом.

Карма считал, что лама встретил его не так, как подобает встречать появившихся «чудесным образом» учеников. Юноша решил, что после того, как поест и немного отдохнет, непременно растолкует *гомчену*, кто такой Карма и чего он хочет от учителя. Но кушог Тобсгьяис не предоставил ему такой возможности — казалось, лама позабыл о самом его существовании. Однако касающиеся Кармы распоряжения он, несомненно, дал: ученики продолжали хорошо кормить юношу, и место у очага было всегда в его распоряжении.

Шли дни, недели, и в душе у Кармы росло нетерпение. Кухня, хоть и была очень уютна, теперь казалась ему темницей. Он хотел работать, носить воду или топливо, однако ученики ламы никуда его не выпускали. Распоряжения

* Овечью шкуру.

гомчена были предельно ясны: Карма должен есть и греться — на том обязанности юноши и заканчивались.

Карма все больше тяготился тем, что он никак не может отблагодарить ламу за еду. Сначала он неоднократно просил *трапп* напомнить ламе, что он хочет поговорить с ним, но те всякий раз отказывались передавать его слова гомчену. Отказ они мотивировали нежеланием беспокоить ламу и говорили, что когда *римпоче* захочет его видеть, то позовет сам.

Через некоторое время юноша перестал задавать бесполезные вопросы. Утешением ему служили только те редкие минуты, когда лама появлялся на маленьком балконе и Карма мог его видеть. Иногда юноша слышал, как гомчен разъясняет ученикам или случайному посетителю какой-нибудь философский трактат. Это были единственные проблески света в жизни Кармы; все остальное время ничем не заполненные часы медленно тянулись один за другим, а Карма вновь и вновь возвращался к мыслям о том, почему он оказался в таком положении.

Минуло больше года. Карму одолевало отчаяние. Он с радостью перенес бы самые жестокие испытания, какие бы только смог выдумать лама, но полное пренебрежение гомчена Карму просто ошеломяло.

Во время первой и единственной встречи с ламой юноша тщательно обходил в разговоре свое низкое происхождение; теперь же он заподозрил, что гомчен, наделенный паранормальными способностями, как-то проведал о его невысоком социальном положении. Именно этим Карма объяснял столь странное обхождение. Может, лама его ни во что не ставит, не считает достойным обучения, а кормит только из жалости? С каждым днем уверенность в том, что

это так и есть, крепла в мозгу Кармы, причиняя гордому юноше невыносимые страдания.

И все же он был убежден, что именно чудо привело его к ламе Тобсгьяису и что во всем мире только он один может стать его учителем. Он и не помышлял о новом путешествии и поисках нового наставника, однако временами подумывал о самоубийстве.

Тибетцы считают, что, если человек хочет достичь успеха в занятиях мистикой, он должен найти собственного *цавай-ламу* — духовного учителя из своих прошлых жизней. Если такое невозможно, учителем должен стать тот, кому ученик приходится любящим родственником, или последователем, или верным слугой. Узы, возникающие при этом, — это, как говорят в Тибете, узы «былых деяний»^{*}.

Когда в *ритод* приехал племянник отшельника, лама-*тулку*, Карма пребывал уже в совершенно подавленном расположении духа. *Тулку* возглавлял один из монастырей и путешествовал тогда с большой свитой. На ламе были сияющие одежды из желтой парчи и роскошный золоченый головной убор в форме пагоды. Гость и его слуги расположились в долине, у подножия скалы, на которой жил отшельник. Они разбили прекрасные шатры, и *тулку*, освежившись чаем, посланным ему ламой в огромном серебряном чайнике, направился к жилищу дяди.

В один из последующих дней *тулку* заметил облаченного в изодранную овечью шкуру странного человека с длинными, свисающими до пола волосами — то был Карма. *Тулку* спросил его, почему он все время сидит у огня и ничего не делает.

^{*} Снгон лас.

Кандидат в маги воспользовался благоприятным моментом. Наконец боги смилостивились! Несомненно, это они пробудили в лама интерес к бедному юноше.

Он представился всеми своими именами, рассказал, как долгое время жил в лесу без одежды, как колдовал в ущелье над *кьилкхором*, рассказал о потоке, о лучах света, струившихся от *ритода* к его голове. В конце он упомянул о забывчивости кушога Тобсгьяиса, умоляя ламу-тулку замолвить за него словечко перед отшельником. Как я поняла, этот лама, которому Карма все рассказал, и его дядя были людьми одного склада. Не выказывая ни малейшего сострадания, *тулку* просто осведомился, чему хотел научиться у отшельника его собеседник.

Этот вопрос окрылил Карму. Наконец он нашел человека, с которым можно поговорить о том, что его так волнует! Без тени смущения он заявил, что хотел обрести магическую силу, хотел научиться летать по воздуху, трясти землю... Тем не менее вопрос о том, зачем ему это понадобилось, Карма тщательно обошел.

Тулку — как потом понял Карма — был удивлен такими детскими замашками, однако пообещал передать его просьбу кушогу Тобсгьяису. В течение последующих двух недель он больше не глядел в сторону юноши.

Наступил день отъезда *тулку*. С грустью смотрел Карма на подножие холма, на слуг *тулку*, державших на поводу богато украшенных и уже оседланных коней. Уезжал человек, которого он считал защитником, посланным ему богом. Уезжал, так и не передав Карме ответ на его просьбу. Наверное, *гомчен* просто оставил ее без внимания. Карму снова охватило отчаяние.

Тулку прошествовал мимо дома отшельника, и Карма собирался уже поприветствовать его традиционным тройным поклоном, когда лама коротко бросил на ходу:

— Следуй за мной.

Карма Дорджи очень удивился. Ему никогда ничего не поручали. Что могло понадобиться ламе?

Когда они подошли к подножию холма, тулку обернулся:

— Я передал *кушогу римпоче*, какие магические способности ты желаешь обрести, — произнес он. — *Римпоче* ответил, что в *ритоде* нет необходимых для этого книг. Зато все они есть в библиотеке моего монастыря, поэтому он захотел, чтобы я взял тебя с собой — в *гомпа* ты сможешь заниматься. Вот тебе лошадь, поедешь с моими *траппами*.

С этими словами он отошел к небольшой группе высокопоставленных духовных лиц из его монастыря, путешествовавших вместе с ним. Все обернулись к *ритоду*, почтительно поклонились, прощаясь с невидимым ламой, вскочили в седла и пустили коней рысью.

Карма не двигался с места; он не мог прийти в себя от изумления. *Траппа* подтолкнул его и сунул в руки поводья... Прежде чем Карма успел осознать случившееся, он уже сидел верхом на лошади, резво трусящей бок о бок с лошадьми слуг ламы.

На четвертый день после прибытия в *гомпа* Карме сообщили, что *тулку* велел доставить в *цамс-кханг* упомянутые *кушо*гом *Тобсгьяисом* книги и юноша может незамедлительно приступить к занятиям. Из монастыря ему будут регулярно приносить еду.

Вместе с проводником Карма поднялся к крошечному побеленному домику, расположенному в живописном

месте. Из окошка были видны золоченые крыши монастыря и простиравшаяся за ним долина, окруженная лесистыми склонами.

Внутри, около маленького алтаря, на нескольких полках лежало тридцать больших *потти** в аккуратных обертках**; страницы книг между резными дощечками были скреплены.

На Карму нахлынула волна радостной гордости. Наконец-то нашелся человек, проявляющий к нему должную почтительность.

Траппа сказал, что *тулку* не обязывает Карму жить в полном уединении. Он может поступать как ему вздумается, — может набирать воду в соседнем ручье, может отлучаться куда пожелает на неограниченное время.

Оставшись один, Карма погрузился в чтение. Он наизусть заучивал множество магических заклинаний, составлял бесчисленные *кылкхоры*, а тсампы и масла для приготовления *торм* использовал больше, чем для стряпни. Кроме того, он упражнялся во всевозможных медитациях, описанных в книгах.

За полтора года его рвение ничуть не ослабло. На улицу он выходил лишь для того, чтобы набрать воды, в окно на окружающий мир вообще не глядел, а с двумя *траппами*, дважды в месяц приносившими ему еду и топливо, ни разу даже не заговорил.

Шло время, и постепенно в голову Карме, когда он медитировал, стали закрадываться неведомые прежде мысли.

* *Потти* — книжный том.

** Тибетские книги состоят из отдельных прямоугольных листов бумаги. Обычно их заворачивают в «намза» (пишется *набза*) — хлопчатобумажную или, чаще, шелковую обертку.

Некоторые почерпнутые из книг слова, некоторые элементы мистических схем обретали смысл, о котором он раньше и не подозревал. Он часто подходил к окну и подолгу смотрел на входящих и выходящих из монастыря монахов. Еще он бродил по горам, разглядывал растения и камни, внимательно наблюдал за плывущими по небу облаками и вечным течением вод. Он часами смотрел вниз на разбросанные в долинах селения, на работавших в полях крестьян, на выючных животных, бредущих по дороге, и на скот, свободно пасущийся на выгонах.

Каждый вечер Карма Дорджи зажигал алтарную лампаду и погружался в медитацию. Однако он уже не пытался использовать практики, описанные в книгах. До поздней ночи, а иногда и до рассвета он оставался в глубоком трансе. Он ничего не чувствовал, ни о чем не думал; он словно переносился на океанское побережье, и медленно прибывающая вода серебристого светящегося океана чуть не накрывала его с головой.

Минуло несколько месяцев, и вот в один из дней — или ночей, он не мог сказать точно, — Карма Дорджи почувствовал, что его тело поднимается над подушкой, на которой он сидит. Как обычно, он медитировал скрестив ноги — в этой же позе он вылетел наружу и долгое время перемещался по воздуху. Наконец он прилетел к себе на родину, в родной монастырь. Было утро, и монахи выходили из молитвенного зала. Многих он узнавал: служителей, тулку, некоторых из старых товарищей. Все они выглядели усталыми и сильно озабоченными, у всех были хмурые, безрадостные лица и тяжелая походка. Карма взирал на них с любопытством. Какими маленькими и ничтожными

казались они с его нынешней высоты! Как изумятся, как ужаснутся они, если сейчас он им явится вознесшимся на небесный трон! И как те, кто презирал безродного монаха, бросятся ниц, трепеща перед ликующим дубтобом, магом, обманувшим непреложные законы природы!..

Пока он упивался мыслями о победе, поднявшееся из самых глубин его души презрение исчезло. Осознав, насколько мелочной будет месть этим ничтожным куклам, он пренебрежительно улыбнулся. С этого момента они перестали интересовать его... Мысли Кармы наполнились блаженным созерцанием прилива необыкновенно спокойного, серебристо блистающего океана.

Нет, показываться монахам он не хотел. Тот Карма Дорджи, который мучился в монастыре, был таким же ничтожеством, как и те, кто жестоко унижал его. Он отказывался от всех их разом...

Погрузившись в раздумья, он приготовился покинуть это место.

И в тот же миг монастырь внезапно зашатался, по стенам пошли трещины. Окрестные горы тоже начали сотрясаться, одни вершины рушились, другие поднимались из недр земли. Солнце молнией метнулось по небу и упало на землю. Вместо него, пронзив небеса, вспыхнуло новое. Фантазмагории вершились во все более стремительном ритме, пока в поле зрения Кармы не осталось ничего, кроме бешеного потока — более всего это напоминало именно поток, пенящиеся волны которого состояли из всего и вся, что только есть в мире.

Такие видения — отнюдь не редкость среди тибетских мистиков. И это совсем не сны. Духовидец бодрствует.

Несмотря на все его воображаемые странствия, ощущения и наблюдаемые им пейзажи, он совершенно четко понимает, где находится, а также кто он такой на самом деле. Когда мистики входят в транс и существует вероятность того, что их потревожат, они тоже вполне ясно осознают свое желание: им нужно, чтобы никто к ним не приближался, ничего им не говорил и не совершал никаких действий, способных прервать их медитацию. Они могут оказаться не в силах ни говорить, ни шевелиться, однако способность слышать и понимать все происходящее у них остается. Тем не менее никакой связи с объектами внешнего мира они не чувствуют, все их существо поглощено событиями и ощущениями транса. Если транс будет резко нарушен каким-либо внешним воздействием или если самому мистiku придется выйти из него мощным усилием воли, то последующий за этим шок сопровождается необычайно сильной болью. После такого удара у человека долго не проходит ощущение дискомфорта.

Во избежание всех этих нежелательных эффектов и их влияния на здоровье мистиков были выработаны правила выхода из трансов и даже из обычных медитаций, если они длятся хоть сколько-нибудь долгое время.

Так, рекомендуется плавно повернуть головой из стороны в сторону, потом помассировать лоб и макушку, выпрямить руки, сцепив их вместе за спиной, и прогнуться назад. Таких упражнений существует довольно много, и каждый может подобрать себе наиболее подходящие.

Последователи японской секты дзэн, занимаясь коллективными медитациями, назначают своего рода надсмотрщика, обученного обнаруживать признаки переу-

томления. Он поддерживает силы ослабевших и восстанавливает их энергию ударами тяжелой трости по плечу. Испытавшие такое подтверждают, что ощущение от удара является наилучшим отдыхом для нервов.

Вернувшись из этого необычного путешествия, Карма Дорджи обнаружил, что сидит у себя в келье на привычном месте. Он пытливо осмотрелся по сторонам. Его маленькая комнатка, книги на полках, алтарь, очаг — все было таким, как и день назад; за те годы, что он провел здесь, в *цамс-кханге* ничего не изменилось.

Карма встал и подошел к окну. Монастырь, долина и лес выглядели как обычно. Ничего не изменилось, и в то же время все было другим.

Карма спокойно разжег огонь и, когда дрова разгорелись, отрезал свои длинные волосы и бросил их в очаг. Затем приготовил чай, неспешно поел, попил, положил в мешок кое-что из провизии и вышел наружу, осторожно притворив за собой дверь.

В монастыре он пошел прямо к особняку *тулку* и, встретив во внутреннем дворике одного из слуг, попросил передать ламе, что он уходит и благодарит *тулку* за сердечное гостеприимство. Сказав это, он покинул *гомпа*.

Через некоторое время Карма услышал, что кто-то его зовет. За ним бежал молодой монах, прислуживавший *тулку*.

— Вас хочет видеть *кушог римпоче*, — сказал тот.

Карма Дорджи вернулся в монастырь.

— Вы покидаете нас? — спросил лама вежливо. — Куда же вы направляетесь?

— Хочу поклониться моему гуру и поблагодарить его, — ответил Карма.

Какое-то время *тулку* молчал, а потом промолвил с грустью:

— Мой почтенный дядя полгода назад ушел «за предел печали»^{*}.

Карма Дорджи не проронил ни слова.

— Если желаете отправиться к его *ритоду*, — продолжал лама, — я дам вам лошадь. Это будет моим прощальным подарком. Сейчас в хижине живет один из учеников кушога Тобсгьяиса.

Карма поблагодарил *тулку*, но от подарка отказался.

Через несколько дней он вновь увидел тот маленький белый домик, когда-то излучавший свет в его сторону.

Он вошел в маленькую комнатку ламы, в которой ему довелось побывать лишь однажды, надолго замер в земном поклоне перед местом, где когда-то сидел отшельник, и всю ночь провел в медитации.

Утром он попрощался с преемником учителя. Тот вручил ему монашеское одеяние, ранее принадлежавшее *гешесу*. Кушога Тобсгьяис перед смертью оставил ясные указания, что его одежду следует передать Карме, когда тот вернется из *цамс-кханга*.

С тех пор, по примеру славного и глубоко чтимого им Миларепы, Карма сделался странствующим аскетом. Когда я с ним познакомилась, он был уже довольно стар, однако и не думал прекращать свои странствия.

Немного найдется анахоретов, чье послушничество было бы столь необычным, как у Кармы. Именно из-за того, что история этого аскета столь своеобразна, я отважи-

* Почтительное выражение, означающее, что дядя умер.

лась рассказать ее со всеми подробностями. Впрочем, обучение новичка никогда не обходится без разного рода эксцессов. Принимая во внимание множество рассказанных мне необыкновенных историй, а также собственный опыт «ученичества» в горах Земли Снегов, я склоняюсь к мысли, что многие из этих рассказов основаны на реальных фактах.

ГЛАВА VI

ОККУЛЬТНАЯ ФИЗКУЛЬТУРА

Скороходы лунг-гом-па

В Тибете существует множество техник, в которых используется не только внутренняя концентрация, но и разнообразные дыхательные упражнения. Цель тех, кто их практикует, может быть как духовного, так и физического характера. Все такие техники называются *лунг-гом*.

Если верить ламаистам, ключ к чародейству следует искать именно в этих весьма любопытных практиках. Между тем тщательное расследование способно несколько охладить восторги по поводу достигаемых таким образом результатов. Тем не менее нельзя отрицать, что мастера *лунг-гом* иногда демонстрируют настоящие чудеса.

Подобные упражнения, как утверждают, могут принести самые разные плоды, но, как правило, словом *лунг-гом* обозначают занятия, направленные на развитие необычайной проворности и способности с немыслимой скоростью перемещаться в пространстве.

В Тибете *лунг-гом* считается очень эффективной системой; во многих преданиях можно найти свидетельства о

людях, с поразительной скоростью преодолевавших большие расстояния.

В биографии Миларепы упоминается, что в доме его наставника, обучавшего будущего поэта черной магии, жил *траппа*, которого не могла догнать даже лошадь. Миларепа похвастается такими же способностями; он утверждает, что смог однажды за несколько дней покрыть расстояние, на преодоление которого у него раньше уходило больше месяца. Объясняет он такую способность умелым использованием «внутреннего воздуха».

Заметим, однако, что мастерство *лунг-гом-па* объясняется не столько сверхъестественным проворством, сколько великолепной выносливостью. Владеющий этим искусством не мчится какое-то время во весь опор, как наши спринтеры, а безостановочно, в течение нескольких суток идет быстрым шагом.

Я разузнала, как готовят *лунг-гом-па*; кроме того, мне посчастливилось собственными глазами повидать троих таких скороходов. Это была настоящая удача: преуспеть в *лунг-гом* пытаются многие монахи, но желанного результата добиваются, несомненно, лишь единицы. Настоящие *лунг-гом-па* встречаются очень редко.

Первого из них я встретила в Северном Тибете, на плато Чан-танг*.

Как-то раз во второй половине дня Йонгден, наши слуги и я неспешно ехали по просторному плато. И тут мое

* Огромный высокогорный район, покрытый альпийскими лугами. В тех местах обитают лишь несколько кочующих скотоводческих племен; люди живут в шатрах. Буквально «Чан-танг» переводится как «северная равнина», однако это название применяют также в отношении любой дикой местности, подобной безлюдным плато Северного Тибета.

внимание привлекла маячащая далеко впереди черная точка; поднеся к глазам бинокль, я различила человека. Я удивилась: в этих местах нечасто встретишь путника; за прошедшие десять дней мы не видели ни одной живой души. Тем более удивительно было видеть здесь пешего и одинокого странника. Кто же этот необычный путешественник?

Один из моих слуг предположил, что он мог ехать с торговым караваном, который подвергся нападению разбойников и был разграблен. Вероятно, каким-то образом этот человек сумел убежать от бандитов (например, ночью) и заблудился в пустыне. Такое вполне могло случиться. Тогда я помогу одинокому путнику добраться до пастушьего лагеря или до того места, которое он укажет, если оно будет нам по пути.

Но, продолжая наблюдать за ним в бинокль, я разглядела, что у него какая-то особая поступь и что он движется с немыслимой скоростью. Мои слуги невооруженным глазом могли различить лишь черное пятнышко, пересекающее травянистую равнину, однако и они вскоре заметили, как быстро это пятнышко перемещается. Я дала им бинокль, и один из слуг, понаблюдав некоторое время за неизвестным, пробормотал:

— *Лама лунг-гом-на чиг да* («Кажется, это лама лунг-гом-на»).

Слова «*лама лунг-гом-на*» сразу пробудили во мне интерес. Я много слышала о тех чудесах, которые творят эти люди, и знала, как таких скороходов готовят. Я и сама пробовала приобщиться к *лунг-гом*, однако никогда еще не встречала *лунг-гом-на*, действительно совершившего одно из тех удивительных путешествий, о которых в Тибете так

много говорят. Неужели мне посчастливилось увидеть именно такого человека?

По мере приближения путника его непривычная скорость становилась все заметнее. А что, если это действительно *лунг-гом-па*? Я хотела посмотреть на него вблизи, хотела расспросить его, сфотографировать... Я много чего хотела. Но лишь только я обо всем этом обмолвилась, человек, признавший в путнике *лунг-гом-па*, воскликнул:

— Ваше преподобие, не останавливайте ламу и не задавайте ему никаких вопросов! Это убьет его. Во время путешествия эти ламы не должны выходить из медитации. Если они прекращают повторять *нгаги*, то находящееся внутри них божество преждевременно покидает их. Потрясение при этом столь велико, что *лунг-гом-па* умирают.

Такое предостережение казалось обычным предрассудком, однако совсем игнорировать его было нельзя. Из того, что я узнала о технике этого явления, следовало, что человек входит в состояние, напоминающее транс. И внезапное пробуждение повлекло бы за собой если не смерть — в таком исходе я сомневалась, — то по меньшей мере болезненный нервный срыв. Я понятия не имела, насколько повредит здоровью скорохода такой шок, и не хотела делать ламу объектом сколько-нибудь жестокого эксперимента. Были и другие причины, помешавшие мне удовлетворить любопытство. Тибетцы воспринимали меня как женщину-ламу, они знали, что я исповедую буддизм, но не видели никакого различия между моим философским пониманием учения Будды и буддизмом ламаистским. Простые тибетцы не задумываются о том, что в буддизме существует множество сект и направлений. И чтобы сохранить доверие и уважение, вызываемое моим монашеским

одеянием, а также теплое отношение со стороны тибетцев, я должна была подчиняться тибетским обычаям — в особенности же, религиозным. Это являлось серьезной помехой и часто очень сильно снижало научную ценность моих наблюдений — но это была неизбежная плата за допуск в область, охраняемую намного тщательней, чем земные границы Тибета. Вот и сейчас я должна была отказаться от полноценного исследования и удовлетвориться одним лишь видом необычайного путешественника.

Тем временем он уже почти поравнялся с нами; я хорошо видела его спокойное, бесстрастное лицо и устремленный куда-то вдаль поверх наших голов пристальный взгляд широко раскрытых глаз. Этот человек не бежал. Он словно парил над землей, прыжками продвигаясь вперед. Он казался упругим и подскакивал, словно мяч, едва касаясь ногами земли. На путнике было обычное, довольно поношенное монашеское одеяние и не менее поношенный плащ.левой рукой — складки одежды наполовину скрадывали ее очертания — он поддерживал полу плаща, а в правой сжимал *пхурба* (магический кинжал). Словно опираясь на трость, он при каждом шаге слегка шевелил правой рукой, как будто острие *пхурба* касалось земли и действительно служило ему опорой.

Когда лама поравнялся с нами, мои слуги спешили и до земли поклонились ему. Однако лама последовал дальше и, кажется, даже не заметил нас.

Я подумала, что сделала достаточную уступку местным обычаям, подавив свое желание остановить путника. В душе у меня уже шевельнулось неясное сожаление, и я решила, что не оставляю все это просто так. Я велела слугам опять сесть на коней и ехать вслед за ламой — он уже успел пре-

одолеть порядочное расстояние. Мы его не обгоняли, просто сохраняли определенную дистанцию. Мой сын и я довольно долго разглядывали *лунг-гом-па*, время от времени поднося к глазам бинокль.

Теперь лица путника мы рассмотреть не могли, но изумительную размеренность его пружинистых шагов по-прежнему различали явственно. Так мы проехали около трех километров, после чего лама свернул с дороги, взобрался на крутой склон и затерялся среди гор, окаймлявших долину. Наши наблюдения на том и закончились, поскольку лошади не смогли бы последовать за ним. Пришлось повернуть назад и продолжить путь.

Меня разбирало любопытство: видел ли лама, что мы его преследуем? Хотя мы и сохраняли приличную дистанцию, всякий путник, находящийся в нормальном состоянии, конечно, заметил бы отряд из шести человек. Но, как я уже сказала, бегун явно был в трансе, и я не могла бы точно сказать, притворялся ли он, что ничего не замечает, и залез на гору, чтобы скрыться от любопытных глаз, или действительно ни о чем не подозревал и просто следовал своим маршрутом.

Утром, через три дня после встречи с *лунг-гом-па*, мы приехали в Тхебгьяи, где живет много *докпа**. Я рассказала им, как по дороге к пастбищу повстречала ламу *лунг-гом-па*. Оказалось, что некоторые из этих людей за день до того, как путника заметили мы, тоже видели его, когда на закате собирали скот. Я приблизительно подсчитала время. Приняв во внимание наше время чистой езды за эти дни и среднюю скорость лошадей, отбросив часы, проведенные на стоянках и привалах, я пришла к такому выводу: для то-

* Дословно «человек безлюдных просторов», пастух.

го, чтобы оказаться в месте нашей с ним встречи, лама должен был целые сутки, не останавливаясь, двигаться с той же скоростью, с какой он проследовал мимо нас.

Ходьбу в течение двадцати четырех часов нельзя считать рекордом, если речь идет о таких прекрасных ходаках, как тибетские горцы. Когда с ламой Йонгденом мы шагали из Китая в Лхасу, то, ничем не подкрепляясь, безостановочно шли иногда по девятнадцать часов кряду. В один из таких марш-бросков нам пришлось по колено в снегу штурмовать высокий перевал Део. Однако наша скорость не идет ни в какое сравнение со скоростью прыжков *лунг-гом-па* — он словно летел на крыльях.

А ведь лама стартовал не из Тхебгьяи. Откуда он шел и какое еще расстояние предстояло ему преодолеть от того места, где мы потеряли его из виду? Никто не знал. Докпа высказывали предположения, что он шел из Цанга: некоторые монастыри в этой провинции знамениты тем, что готовят *лунг-гом-па*. Но с этим ламой они не заговаривали, а в Тхебгьяи сходится множество разных дорог.

О поисках бегуна не могло быть и речи: на таких громадных просторах они были бы невозможны. Или же заняли бы несколько месяцев — несколько месяцев поисков без какой бы то ни было гарантии успеха.

Я упомянула о монастырях Цанга, известных тем, что в них тренируют скорость передвижения в пространстве. Существует легенда, объясняющая, почему самый большой из этих монастырей, *Шалу-гомпа*, стал готовить скороходов *лунг-гом-па*.

Центральные персонажи этой легенды — знаменитые ламы Юнгтён Дордже Пол и историк Бустён. Лама Юнгтён слыл могучим магом, специализировавшимся на укро-

щении свирепых богов. Он родился в 1284 году и считался седьмой реинкарнацией Субхути (ученика исторического Будды). Эту линию рождений позже продолжили таши-ламы; ныне живет шестнадцатая реинкарнация Субхути. Юнгтён Дордже Пол некоторое время жил при дворе императора из монгольской династии, правившей тогда в Китае. Его учителем считают ламу-мистика по имени Зурванг Сендже*, сведения о котором можно почерпнуть лишь в легендах и фантастических преданиях. Прожил Юнгтён Дордже Пол девяносто два года.

Бустён родился в 1288 году в Тхо-пхуте, неподалеку от Шигадзе. Он написал несколько книг по истории, а также был составителем *Кагьюра*, собрания переведенных с санскрита буддийских священных текстов.

Как-то раз Юнгтён решил выполнить священный обряд *дубтхаб*, чтобы подчинить себе бога смерти Шиндже. Этот ритуал следует отправлять каждые двенадцать лет, иначе оголодавший бог станет ежедневно умерщвлять по одному человеку. Во время обряда маг должен подчинить Шиндже своей воле и вырвать у него клятву не убивать людей в течение последующих двенадцати лет. Во время ритуала богу смерти приносят жертвы и каждый день поклоняются — этим ламы заменяют те жизни, которые он поклялся щадить.

Прослышав о намерении Юнгтёна и желая убедиться, что его друг действительно властен над ужасными божествами, Бустён в сопровождении трех ученых лам вошел в храм к магу. Он увидел, что Шиндже уже явился на зов Юнгтёна. Страшный бог был «огромен, как небо», говорится в предании.

* Пишется *Жур дванг бьямпа сенджже*.

Ламы совершают обряд дубтхаб. На них надеты длинные парики, поскольку они изображают богинь.

Говорят, что этот налджорна из Кхама умеет творить чудеса.

Маг сказал, что они пришли как раз вовремя, чтобы доказать силу своей любви и сострадания. Юнгтён сообщил, что сам он во благо человечества должен удерживать Шиндже, которого сейчас необходимо покормить — иначе тот не успокоится, — и предложил одному из лам стать жертвой. Все три спутника Бустёна под разными предложениями уклонились от этой чести и поспешно покинули храм. Бустён остался один. Он заявил, что, если действительно для того, чтобы на протяжении двенадцати лет люди не умирали, требуется человеческая жертва, он готов войти в разверстую пасть Шиндже.

На это благородное заявление маг ответил, что *дубтхаб* может быть успешно завершён и без того, чтобы его друг жертвовал жизнью. Но теперь уже Бустён и его потомки должны будут каждые двенадцать лет совершать этот обряд. Бустён принял на себя эту ответственность. Тогда Юнгтён, применив магию, сотворил множество голубей-фантомов и швырнул их в пасть Шиндже.

С тех пор все последующие инкарнации ламы Бустёна, настоятеля *Шалу-гомпа*, совершали обряд усмирения божества. По всей видимости, Шиндже со временем обзавелся товарищами, так как ламы Шалу во время ритуала вызывают к *нескольким* демонам.

А собрать этих демонов отовсюду должен скороход, называемый *махекетанг*. «Махе» — имя буйвола, на котором ездит Шиндже. Считается, что это животное не знает страха и поэтому отваживается вызывать злых духов — по крайней мере так говорят в Шалу.

Бегуна выбирают из числа монахов Самдин'а или Ньянг-тёд-кьид-фуг.

Пример *туммо*: обнаженный аскет живет среди снегов.

Тибетский отшельник. Этот человек уже провел в одиночестве три года в полной темноте. Теперь он совершает паломничество в Непал. По возвращении в Тибет он собирается медитировать в темноте всю оставшуюся жизнь, ни с кем не разговаривая и никого не принимая.

Желающие сыграть роль *махекетанга* проходят предварительную подготовку в одном из этих монастырей. Подготовка состоит из комплекса дыхательных упражнений, которые на протяжении трех лет и трех месяцев надо совершать в полном одиночестве и в кромешной темноте.

Приведенное ниже упражнение пользуется наибольшей популярностью среди тех отшельников, интеллектуальный уровень которых нельзя назвать высоким, — а таких в Тибете немало.

Монах сидит скрестив ноги на большой и толстой подушке. Он делает медленный и глубокий вдох, словно хочет заполнить воздухом все тело. Затем задерживает дыхание и подпрыгивает, не расцепляя ног и не помогая себе руками, после чего опускается обратно на подушку. На каждом занятии монах многократно повторяет это упражнение. У некоторых лам прыжок получается довольно высоким. Бывает, таким образом тренируются и женщины.

Как можно догадаться, главное в этом упражнении — отнюдь не акробатические прыжки. Тибетцы верят, что, если годами тренировать тело таким способом, оно становится чрезвычайно легким, почти невесомым. И тогда человек может спокойно сесть на ячменный колосок — стебелек не согнется, он может стать на кучку зерен — и ни одно не сдвинется. Подлинная цель упражнения — левитация.

При успешном прохождении одного любопытного испытания, которое вкратце изложено ниже, кандидат считается достигшим или почти достигшим этой цели.

В земле выкапывают яму в рост ученика. Над ямой возводят куполообразное сооружение той же высоты. В са-

мом верху купола проделывается маленькое отверстие. Таким образом, расстояние между человеком, сидящим скрестив ноги на самом дне ямы, и этим отверстием равняется удвоенному росту сидящего. Например, если рост человека 164 см, расстояние составит 3 м 28 см.

Суть испытания в том, что человек, скрестив ноги, подпрыгивает вверх, как это было описано выше. Он должен просочиться наружу через маленькую щелочку в центре купола.

Жители Кхама утверждают, что в их краю люди не раз демонстрировали подобную ловкость, однако я ничего похожего не видела.

Как я узнала из местных источников, окончательное испытание, посвящающее учеников во «взывающих буйволов» (*махекетангов*), не сильно отличается от вышеописанного.

После трех лет, проведенных в темноте, те монахи, которые считают себя способными выдержать испытание, идут в Шалу. Там их запирают в помещении, напоминающем могилу, — я уже описывала его. Однако в Шалу отверстие проделывают не в полочке, а в стене кельи. И ученику не нужно выпрыгивать через крышу: ему оставляют табурет, чтобы можно было по прошествии семи дней выбраться из ямы. В стене кельи есть квадратное отверстие, в которое он должен пролезть; размер отверстия должен быть пропорционален расстоянию между средним и большим пальцем испытуемого.

Тот, кто сможет это сделать, считается *махекетангом*.

Непонятно, как с помощью методики, по которой человек годами должен быть неподвижен, можно выработать необыкновенную быстроту. Но такова особенность

обучения в Шалу; в других монастырях существуют иные, несомненно более рациональные, методы — в том числе и практика пеших переходов. Нельзя забывать и то, что цель метода *лунг-гом* — не наращивание мускулов, а достижение таких психических состояний, при которых невероятные пешие переходы становятся возможными.

Махекетанг пускается в путь на одиннадцатый день десятого месяца тибетского года (соответствует нашему ноябрю); возвращается он на двадцать пятый день того же месяца, побывав за это время в Лхасе, Самье и некоторых других местах. В тот же день он отправляется в Шигадзе, совершает длительное путешествие по высокогорным плато Цанга (*Цанг тёд*) и через месяц возвращается в Шалу. Тогда-то наследный преемник Бустёна и совершает обряд умиротворения: судя по всему, демоны никогда не отвергают приглашения *махекетанга*.

На крайнем западе Сычуаня, в краю, где обитают несколько независимых тибетских племен, я случайно увидела еще одного *лунг-гом-па*. Однако на этот раз мне не посчастливилось наблюдать его в движении.

Мы ехали через лес, Йонгден и я шли впереди слуг и лошадей. На повороте мы увидели мужчину; его обнаженное тело было обвито железными цепями.

Он сидел на камне и так углубился в раздумья, что даже не услышал наших шагов. В немом изумлении мы остановились. Очевидно, внезапно ощутив чье-то присутствие, он поднял голову и уставился на нас, через секунду вскочил и быстрее оленя скрылся в чаще. Какое-то время вдали слышалось бряцанье цепей. Наконец в лесу опять воцарилась тишина.

— Это был *лунг-гом-па*, — сказал Йонгден. — Я уже видел одного такого человека. Эти цепи они носят, чтобы утяжелить тело.

Упражнения *лунг-гом* делают тело таким легким, что его может сдуть ветром.

Третья моя встреча с *лунг-гом-па* произошла в Га (область в Кхаме, Восточный Тибет). Я опять путешествовала с моим маленьким караваном. Однажды на дороге появился совершенно обыкновенного вида *арджопа* — бедный паломник, несущий всю свою поклажу в узелке за плечами. В Тибете можно встретить тысячи таких пилигримов, и мы не обратили особого внимания на еще одного представителя этой многочисленной братии.

Такие нищие и одинокие путники имеют обыкновение присоединяться к торговым караванам или к любому богатому путешественнику, встреченному на дороге. Они пристраиваются рядом с выючными животными, а если этих животных мало, если они не сильно нагружены и быстро передвигаются вместе с всадниками, нищие, конечно, отстают и бредут до тех пор, пока не достигнут места ночлега. Это не так уж утомительно, поскольку во время многодневных переходов тибетцы пускаются в путь с рассветом, а останавливаются где-то в полдень, давая животным возможность весь день пастись и отдыхать.

Усилия, затраченные *арджопой* на то, чтобы догнать всадников или выполнить для них какую-нибудь случайную работу (а такой паломник всегда готов помочь слугам), вознаграждаются тем, что путешественники каждый вечер кормят его, иногда угощают чаем с маслом и тсампой.

Человек, которого мы встретили, тоже присоединился к нам. Он сказал, что был в кхамском монастыре Поданг, а теперь направляется в провинцию Цанг. Живущий подаением пешеход преодолевает такое расстояние за три-четыре месяца. Однако это не смущает тысячи тибетских паломников.

Как-то раз из-за незначительной технической задержки мы снялись со стоянки почти в полдень. Я подумала, что навьюченные мулы не успеют пересечь возвышавшийся перед нами горный хребет, и вместе с сыном и слугой поскакала вперед в поисках воды и поросшей травой поляны, где до наступления сумерек мы могли бы остановиться на ночлег.

Когда хозяин уезжает вперед, сопровождающий его слуга всегда берет с собой сосуд для приготовления чая и кое-какую еду, чтобы господин или лама, поджидая караван с поклажей и шатрами, мог подкрепиться, — мой слуга тоже запасся провизией. Это-то ничем не примечательное событие и привело к тому, что мы смогли стать свидетелями проявления способностей *лунг-гом-па*.

Путь на перевал оказался более долгим, чем я ожидала, и вскоре стало ясно, что мулам никак не успеть подняться на хребет до наступления темноты. Я нашла травянистую площадку недалеко от ручейка и остановилась, поскольку о том, чтобы в темноте спускаться с мулами с перевала, не могло быть и речи. Мы уже выпили чай и собирали для костра коровьи лепешки*, когда ниже по склону я заметила *арджону*, необычайно быстро поднимавшегося к нам. Когда он приблизился, я увидела, что он передвигается та-

* В безлесных областях Тибета никакого другого топлива нет. В краях, где *докпа* выпасают скот, путешественники собирают для костров навоз.

кими же ловкими прыжками, как и лама *лунг-гом-па* из *Тхебгьяи*.

Поравнявшись с нами, *арджона* на какое-то время замер, устремив взгляд прямо перед собой. Он ничуть не запыхался, но пребывал в каком-то полусознательном состоянии и не мог ни двигаться, ни говорить. Постепенно он вышел из транса, и вскоре вполне пришел в себя. Я стала его расспрашивать, и он рассказал, что искусству *лунг-гом* его обучал *гомчен*, живший около монастыря *Поданг*. Теперь же, когда его учитель уехал, он направляется в *Цанг*, в *гомпа Шалу*.

Больше он мне ничего не сказал и весь вечер пребывал в подавленном настроении. Утром он признался *Йонгдену*, что и не думал входить в транс — это случилось под влиянием необычайно низменного помышления.

Идя по дороге вместе с моими слугами, ведшими мулов, он стал терять терпение. Ему казалось, что слуги двигаются слишком медленно, а в это время мы, несомненно, жарим мясо — он видел, как наш слуга взял мясо с собой. Когда он и еще трое слуг доберутся до места ночлега, нужно будет ставить палатки и ухаживать за животными. И прежде, чем лечь спать, они успеют только выпить чаю и поесть *тсампы*.

Он видел наш маленький отряд, видел мясо на тлеющих угольях и, погрузившись в созерцание всего этого, постепенно перестал замечать, что происходит вокруг. Охваченный желанием разделить с нами трапезу, он ускорил шаг и машинально перешел на особую поступь, которой его специально обучали. Эта поступь вызвала ассоциацию с магическими формулами, переданными ему учителем, и он произнес в уме надлежащие заклинания. Эти слова по-

влияти на дыхание, придав ему особый ритм, после чего начался транс. Как бы то ни было, мысль о жарком подчинила себе абсолютно все.

Послушник считал, что совершил грех. Смещение прожорливости, мистических заклинаний и техники *лунг-гом* казалось ему кощунством.

Мой сын-лама поделился со мной доверенными ему секретами. Меня все это очень заинтересовало, и я принялась расспрашивать послушника. Он совершенно не хотел отвечать, однако мне удалось выудить из него кое-какие сведения, подтвердившие то, что я уже знала. Ему говорили, что самое лучшее время для ходока — это закат и ясная ночь, а также приучали фиксировать взгляд на звездном небе.

Очевидно, как и большинство тибетских мистиков, он поклялся не разглашать учение, которое ему передал наставник, и мои вопросы его беспокоили.

Через три дня после этих гонок мы, проснувшись на рассвете, не обнаружили *арджоны* в лагере. Он скрылся ночью и, возможно, воспользовался способностями *лунг-гом-па*. Вероятно, на этот раз цель у него была более благородная, чем желание добыть лакомый кусочек.

Сведения о системе *лунг-гом*, полученные мной из разных источников, кратко можно изложить следующим образом.

Первый шаг, предшествующий изучению самой системы, заключается в обретении силы с помощью ритуала *ангкур*. Под руководством опытного наставника ученик должен несколько лет совершенствоваться в различных дыхательных упражнениях. Только после достижения им

определенного уровня мастерства ученику разрешается совершить попытку овладеть техникой *лунг-гом*.

На этой стадии ученику даруется новый *ангкур*; учитель сообщает ему также магическое заклинание*. Ученику следует сконцентрироваться на этой магической формуле и с определенным ритмом повторять ее в уме — этому же ритму должны подчиняться вдохи и выдохи при ходьбе, а отбивающие такт шаги должны быть синхронизированы с дыханием и слогами проговариваемого заклинания. Идущему нельзя ни разговаривать, ни смотреть по сторонам. Ему нужно сосредоточить взгляд на чем-то далеком и не позволять себе на что-либо отвлекаться.

Тогда человек погружается в транс. Несмотря на то что его сознание большей частью подавлено, оно все же остается достаточно восприимчивым, чтобы ходок видел встречающиеся ему препятствия и помнил нужное направление и цель всего пути.

Наиболее подходящие для *лунг-гом-па* условия — это бескрайние пустынные равнины и, конечно же, сумерки. Даже если ходок устал после долгого дневного перехода, на закате очень легко войти в состояние транса. В трансе усталость престаёт чувствоваться, и путник способен преодолеть еще многие километры.

Менее предпочтительными считаются первые дневные часы.

Полдень и несколько последующих часов, узкие долины, леса и пересеченная местность — условия неблагоприятные. Только мастера *лунг-гом* могут нейтрализовать исходящие от таких мест негативные эманации.

* Заклинание зависит от обычаев той мистической школы, к которой принадлежит лама.

Все эти оговорки наводят на мысль, что в транс лучше погружаться, если вокруг *лунг-гом-па* единообразный ландшафт и нет ничего сколько-нибудь приметного. Очевидно, что в заросшем кустарником и заваленном обломками скал ущелье и около ревущей горной реки легче отвлечься от заклинания и сбиться с дыхания, чем на бескрайней и пустынной равнине. Что касается ритма ходьбы, то на неровной и извилистой тропе выдерживать его крайне сложно.

Мой скромный опыт изучения техники *лунг-гом* свидетельствует, что, кроме великолепных ландшафтов пустынных плато, для трансa вполне подходит и лес с высокими и стройными деревьями — если только в нем нет подлеска и если он пересечен более-менее ровными тропинками. Наверное, неплохо также, если рельеф в лесу будет ровным. Однако все это лишь мои домыслы, основанные на единственном эксперименте, произведенном в девственных лесах Поюла.

Для занятий с новичками подходит любая безоблачная ночь; при этом весьма уместным считается яркий звездный свет. Нередко новичков учат неотрывно смотреть на какую-нибудь звезду. Вероятно, здесь не обходится без гипноза; мне рассказывали, что некоторые из упражняющихся подобным образом новичков не могут продолжать путь и останавливаются, если «их» звезда исчезает за горизонтом или находится прямо у них над головой. А вот другие даже не замечают исчезновения звезды, поскольку в то время, когда она таяла за линией горизонта, в их воображении уже была нарисована картинка, на которой «их» звезда сияла прямо перед ними.

Некоторые из посвященных в тайные учения утверждают, что через несколько лет упражнений *лунг-гом-па* обретает умение вообще не касаться ногами земли: преодолев некоторое расстояние, он начинает с невероятной скоростью просто скользить по воздуху*.

Принимая во внимание собственный небольшой опыт, а также высказывания заслуживающих доверия лам могу без всякого преувеличения сказать, что человек способен достичь состояния, когда вес тела не ощущается. Сотрясения от ударов о камни и другие препятствия сглаживаются, словно под действием обезболивающих препаратов, и человек часами мчится с невероятной скоростью, наслаждаясь состоянием, очень похожим на легкое и приятное головокружение, испытываемое автомобилистами на больших скоростях.

Тибетцы различают регулярные и длительные походы *лунг-гом-па* и странствия *наво*, одержимых медиумов, впадающих в транс помимо своей воли и блуждающих без ясной цели.

Разумно мыслящие ламы хоть и не ставят под сомнение удивительные результаты, которых в конечном счете можно достичь с помощью практики *лунг-гом*, тем не менее относятся к таким феноменам без особого интереса.

В этом они солидарны с Буддой. Вот как древнее предание передает его позицию.

Однажды Будда и несколько его учеников наткнулись посреди леса на хижину, в которой жил тощий йог. Кроме йога, в хижине никого не было.

* Об этом неоднократно упоминается во многих книгах — например, в «*Падма бках тханг*». Такой эффект называется *рканг мгиогс нго сгрубс* (произносится *канг гйог нго дуб*), «легкость ног».

Учитель остановился и спросил, сколько лет йог живет отшельником. «Двадцать пять лет», — ответил тот. «И что ты обрел ценою таких усилий?» — спросил Будда. «Я могу ходить по воде!» — гордо заявил отшельник. «Бедняга, — промолвил Будда сочувственно, — ты действительно израсходовал столько лет на такую безделицу? Но ведь перевозчик переправит тебя на другой берег за бесценок».

Искусство самообогрева среди снегов без использования огня

Перезимовать на высоте трех-пяти тысяч метров в пещере среди снегов, будучи облаченным лишь в тоненькую одежду или вообще без таковой и не замерзнуть — нелегкая задача. Однако ежегодно многие тибетцы успешно проходят это испытание. Такую выносливость они объясняют своей способностью вырабатывать *туммо**.

Слово *туммо* переводится как «жар», «тепло», но в тибетском языке оно обозначает не совсем обычные тепло или жар. Это слово взято из мистической терминологии, и действие такого мистического тепла не сводится лишь к тому, чтобы согреть производящего его отшельника.

Посвященные в тибетское тайное знание различают несколько видов *туммо*: экзотерическое *туммо*, спонтанно возникающее во время экстатических состояний, когда мистика постепенно окутывает «теплый и мягкий плащ богов», эзотерическое *туммо*, позволяющее отшельникам уютно чувствовать себя среди снегов, и *туммо* мистическое, которое имеет к «теплу» самое отдаленное отноше-

* Пишется *глумо*.

ние — это скорее метафора «тепла», поскольку является переживанием «райского блаженства» в земной жизни.

В тайном учении словом *туммо* называется также нематериальный огонь: он нагревает животворящую жидкость и наполняет ее энергией; эта жидкость по узким каналам *ца** устремляется по всему телу.

Предрассудки и самые невероятные представления о физиологии человека породили множество необычных историй о *туммо*, одну из которых я осмелюсь предложить вниманию читателей в коротком изложении.

Знаменитый отшельник Ресчунгпа, ученик Миларепы, не послушал совета своего учителя и ушел от него: желая стать эрудитом, он направился в Лхасу, чтобы изучать там философскую литературу. Поскольку духовный отец не благословил его, Ресчунгпе не везло — по крайней мере с религиозной точки зрения. Один богач, восхитившись образованностью молодого ламы и тем, что он посвящен в тайное знание, выдал за него единственную дочь. Тогда ламы еще могли жениться — все это происходило до реформ Цзонхавы. Девушка совершенно не разделяла восхищения отца Ресчунгпой, однако должна была повиноваться воле родителя. В отместку она устроила бедному мужу невыносимую жизнь — Ресчунгпа, должно быть, не раз потом каялся, что соблазнился богатством.

То, что он кротко сносил дурное обращение, не смягчало нрав его жены. Кончилось тем, что она пырнула его ножом. Но поди ж ты — из раны хлынула не кровь, а живительная жидкость. Поведавший мне эту историю лама сказал, что в результате занятий, направленных на овладение

* Пишется *рца*. Слово, обозначающее и вену, и артерию, и нерв.

туммо, тело Ресчунгпы наполнилось семенем жизни. Сам лама был глубоко убежден, что все это сушая правда.

Справедливости ради следует отметить, что, к чести тибетцев, другой лама посмеялся над этой басней. Он пояснил, что *туммо* действительно может наполнить тело животворной силой, обладающей энергией духовного созидания, однако это будет тонкая и невидимая глазу энергия (*шугс*), а не грубая материальная субстанция.

Несмотря на то что даже среди мистиков лишь некоторые должным образом изучили упомянутые выше несколько видов *туммо*, чудесное воздействие этого тепла, согревающего отшельника и позволяющего ему выжить в заснеженных горах, известно каждому тибетцу. Это не означает, что все знают, откуда оно берется. Совсем наоборот. Ламы держат это в секрете; они утверждают, что тайну *туммо* можно постичь лишь при индивидуальных занятиях под руководством опытного наставника. Если же человек просто где-то прочитает или услышит об этой технике, никакой практической пользы это ему не принесет.

Более того, на положительный результат могут рассчитывать лишь те, кто хорошо подготовлен к занятиям. Ученик считается подготовленным, только если он знаком с различными дыхательными техниками, умеет внутренне концентрироваться и доводить себя до такой стадии транса, когда мысли делаются зримыми. Необходимо также, чтобы лама, имеющий на то полномочия, даровал ему должный *ангкур*.

Посвящению* в *туммо* предшествует длительный испытательный срок.

Очевидно, эти испытания устраиваются и для проверки физических данных ученика. При всем моем уважении к методу *туммо*, я все же сомневаюсь, что он безопасен для людей с хрупким здоровьем. Впрочем, не исключено, что наставники *туммо*, люди отнюдь не глупые, пытаются таким способом помешать слишком самоуверенным ученикам навредить себе — ведь это может бросить тень на репутацию самих учителей.

Не знаю, чем руководствовался досточтимый лама, когда внял моим просьбам сократить испытательный срок и «наделил меня властью» — может, он просто хотел от меня отделаться. Он велел найти безлюдное место, выкупаться в ледяном горном потоке и, не вытираясь и не одеваясь, в полной неподвижности провести ночь в медитации. Зима еще не наступила, однако ночью на высоте трех тысяч метров довольно зябко, и я была очень горда тем, что не простудилась.

Позже, при переправе через реку Меконг, недалеко от Ракши, что в Северном Тибете, я опять искупалась — на этот раз не по своей воле. Когда я выбралась на берег, одежда через несколько минут стала на мне колом... Переодеться было не во что.

Понятно, что тибетцы очень высоко ценят умение противостоять холоду, ведь суровый климат, в котором они живут, часто ставит их на грань гибели.

* Или, если говорить буквально и точно, «наделению властью»: *ангкур* — это ритуал, посредством которого от учителя к ученику передается особого рода энергия.

Пройдя однажды посвящение, человек обязан напрочь отказаться от меховой или шерстяной одежды и не приближаться к костру, чтобы согреться.

После короткого промежутка времени, когда занятия происходят под присмотром находящегося рядом наставника, ученик должен уйти высоко в горы и уединиться в совершенно безлюдном месте. Для Тибета «высоко» — это, как правило, не меньше трех тысяч метров. Искушенные в *туммо* и те, кто этой технике учит, утверждают, что ее ни в коем случае нельзя применять в помещении или вблизи населенных мест. Считается, что дым и дурные запахи, а также различные оккультные причины мешают ученику сконцентрироваться и даже могут ему навредить. Найдя подходящее место, ученик не должен видаться ни с кем, кроме наставника. Учитель может иногда приходить к нему, или же сам ученик время от времени наведывается к ламе.

Выполнять относящиеся к *туммо* упражнения ученик должен до восхода солнца, поскольку на рассвете ему, как правило, нужно погружаться в медитацию. Заниматься следует под открытым небом; ученик должен или совсем раздеться, или быть в тонком хлопчатобумажном одеянии.

Начинающим позволяется сидеть на соломенной подстилке, если она у них есть, на куске мешковины или на деревянной табуретке. Более опытные располагаются на голой земле. Искушенные же в *туммо* садятся прямо на снег или на лед замерзшего озера или реки. Перед упражнениями нельзя ничего есть, особенно нельзя пить горячее.

Разрешаются два положения тела: обычная медитационная поза со скрещенными ногами и поза на западный

манер, когда левая рука лежит на левом колене, правая на правом, мизинец, большой и указательный пальцы выпрямлены, средний и безымянный поджаты к ладони.

Первыми идут дыхательные упражнения, прочищающие ноздри.

Затем человек совершает ритмичные выдохи, мысленно изгоняя из себя гордыню, гнев, ненависть, лень и глупость. А на вдохе он вбирает в себя и впитывает блаженство святости, дух Будды, пять премудростей и все, что есть в мире доброго и возвышенного.

После этого, успокоившись на какое-то время, человек освобождается от всех тревог и мыслей. Пребывая в безмятежном расположении духа, медитирующий представляет, что в его теле на уровне пупка помещается золотой лотос. Из лотоса, блистая словно солнце, восстает слог *рам*. Над ним сверкает слог *ма*. А из *ма* выходит богиня Дорджи Налджорма.

Эти загадочные слоги, называемые «семенами», — не просто начертанные литеры или символы. Это стоящие вертикально живые существа, наделенные движущей силой. *Рам* — это не символ огня, а «семя» огня. Индусы придают огромное значение правильному произношению этих «формул-семян» (*биджа-мантр*). Они считают, что энергия этих формул содержится в самом звуке, обладающем, по их мнению, животворящей силой. Некоторые тибетские мистики соглашались, что правильно произнесенный слог *рам* может породить огонь; однако в Тибете эти слоги используются обычно не как звуки, а скорее как образы стихий, богов и тому подобного. Тибетцы отождествляют *рам* с огнем: по их мнению, если суметь мысленно воспользоваться образом этого слова, можно поджечь все

что угодно, и даже сотворить огонь без какого бы то ни было топлива.

Когда в воображении возникнет Налджорма Дорджи, следует отождествить себя с ней.

«Превратившись» в богиню, нужно представить у себя в области пупка букву А, а на самой макушке — букву Ха*.

От медленных и глубоких вдохов, как от кузнечных мехов, разгорается бездымный огонь; размером и формой он напоминает маленький шарик**. Этот огонь горит в букве А. Каждый вдох, словно ветер, проникает в живот к самому пупку и еще больше раздувает пламя***.

Затем приходит черед задержки дыхания, которую надо производить после каждого вдоха. Постепенно паузы перед выдохом становятся все длиннее.

Человек продолжает мысленно следить за разгорающимся пламенем. По сосуду ума оно поднимается к середине тела.

Тибетцы позаимствовали у индийцев три мистические *нади* (сосуда), играющие важную роль в различных духовных практиках йогов. По-тибетски *нади* называются *ца* и именуются соответственно *рома*, *кьянгма* и *ума*.

По тибетским представлениям, в этих «сосудах» содержится не кровь, а чрезвычайно тонкие нервы, распределяющие потоки духовной энергии. Упомянутые три *ца* — важнейшие из «сосудов»; кроме них существует еще много других каналов.

* Буква тибетского алфавита.

** По-тибетски буквально «шарик козьего помета».

*** В другом упражнении нужно представить, как из буквы Ха капает масло и падает на горящий в А огонь, от чего он все больше разгорается.

Впрочем, просвещенные мистики считают, что всей этой системы *ца* на самом деле нет. По их мнению, это не более чем символы.

В упражнении десять стадий, между которыми нет никаких пауз. Одно за другим следуют плавно переходящие друг в друга различные видения и сопровождающие их ощущения. Вдохи, задержки дыхания и выдохи совершаются в определенном ритме; при этом человек постоянно повторяет магическое заклинание. Его сознание должно быть полностью сконцентрировано на образе огня и порожденном этим образом ощущении тепла.

Десять ступеней упражнения можно коротко описать так:

1. Человек представляет себе — и видит внутренним взором — главный сосуд *ума* в виде тончайшей нити или волосинки. Этот сосуд, наполненный поднимающимся вверх огнем, пересекает поток вдыхаемого воздуха.

2. Сосуд расширился; теперь его толщина равна толщине мизинца.

3. Сосуд продолжает расти и становится размером с руку.

4. Сосуд заполняет все тело — или, скорее, само тело становится *ца*, чем-то вроде трубы, внутри которой только воздух и полыхающее пламя.

5. Телесная оболочка больше не ощущается. Увеличившийся до невообразимых размеров сосуд поглощает весь мир, и *налджорна* чувствует себя как раздутый ветром язык пламени посреди раскаленных волн огненного океана.

Новички, чей разум еще не приучен к длительным медитациям, минуют эти пять ступеней быстрее, чем более

опытные ученики, в состоянии глубокого транса медленно переходящие от одной стадии к другой. Но даже самому быстрому из новичков требуется не меньше часа, чтобы достичь пятой ступени.

Теперь мысленные образы разворачиваются перед внутренним взором медитирующего в обратном порядке.

6. Ураган стихает, огненные волны уменьшаются и успокаиваются, пылающий океан съезживается и уходит в пределы телесной оболочки.

7. Сосуд, уменьшившийся до размеров руки, снова становится различим; огонь горит внутри него.

8. Сосуд становится размером с мизинец.

9. Сосуд становится тонким, как волосинка.

10. Сосуд полностью исчезает; исчезает огонь вместе с сопровождавшими его образами и ощущениями. Исчезают все мысли. Разум погружается в Великую Пустоту, где перестает существовать различие между осознающим и осознаваемым.

Длительность и глубина транса зависят от духовного и физического развития *налджорпы*.

Это упражнение с последними пятью ступенями или без них можно повторять каждый день, его можно выполнять в любой момент, когда человек почувствует холод. Наиболее же подходящее время — раннее утро, пока солнце еще не встало.

Возможно, Миларепа прибег именно к этой технике, когда его пещеру Лачи-Канг (неподалеку от Эвереста) внезапно завалило снегом и он вынужден был остаться в ней до весны. Обо всем этом он написал поэму, фрагмент которой в вольном переводе приведен ниже.

Завывающий ветер отступил перед
тонкой рубахой,
Под которой был огненный жар.
Жизнь и смерть сошлись в поединке за бойца,
что жил на горе.
Одержав победу, я поставил вешку
для отшельников:
Пусть знают они великую силу туммо.

Миларепа выражает свои чувства очень поэтично, однако, за исключением того, что зима застигла его неожиданно и у него не было ни подходящего жилья, ни запасов провизии, его случай ничем не примечателен. Многие тибетские затворники зимуют в таких же условиях.

Я не столь самонадеянна, чтобы сравнивать мои зимние опыты в тибетских горах с подвигами анахоретов вроде Миларепы, однако все, о чем он говорит, мне хорошо знакомо.

Я тоже жила в пещерах и в лачугах высоко в горах. И несмотря на то, что у меня всегда было вдоволь еды и топлива, я тоже познала все тяготы жизни отшельника. Но я помню и абсолютное безмолвие, и поразительную отрешенность от всего на свете, и безмятежное спокойствие, окружавшие мое жилище. И не думаю, что тех, кто проводит жизнь таким образом, нужно жалеть. Им скорее надо завидовать.

Кроме тех упражнений, что были мной вкратце изложены, существует еще много других, тоже направленных на овладение *туммо*. Однако все они более или менее однотипны. В каждом из них обязательно присутствует длительная задержка дыхания и мысленный образ огня. Все эти упражнения сводятся в основном к самовнушению.

Говорят, что *туммо* — составная часть одного из шести оставленных Наротой* тайных учений.

Вот короткое изложение метода Нароты. Не следует забывать, что все эти упражнения предназначены для тех, кто уже долгие годы тренировался и занимался дыхательной гимнастикой.

Ученик садится скрестив ноги; кисти рук пропущены под бедрами и соединены между собой. Затем нужно:

- трижды повернуть туловище справа налево и трижды слева направо;
- как можно более интенсивно сделать животом взбалтывающие движения;
- несколько раз встряхнуть всем туловищем, словно «норовистая лошадь». Затем, оставаясь в позе со скрещенными ногами, нужно подпрыгнуть. Эти три упражнения следует повторить трижды, после каждого цикла стараясь подпрыгнуть как можно выше.

Неудивительно, что после такой разминки человеку станет теплее. Это упражнение заимствовано из индийской хатха-йоги, но ни о чем похожем на тибетское *туммо* в индийских трактатах не упоминается.

На следующем этапе ученик задерживает дыхание до тех пор, пока живот не приобретет «форму горшка»**.

Затем, как и в предыдущем упражнении, следует вызывать в воображении облик Дорджи Налджорма. Под пупком, на ладонях и ступнях нужно представить по солнцу.

* О Нароте (Наропе) см. гл. V.

** Такое сравнение я слышала и от тибетских отшельников.

Солнца в ладонях и ступнях трутся друг о друга, и от этого загорается пламя. Оно зажигает солнце под пупком, которое тоже вспыхивает и наполняет огнем все тело.

При каждом выдохе весь мир кажется объатым пламенем.

В конце упражнения ученик высоко подпрыгивает двадцать один раз*.

Несмотря на то что зрительные образы в первом и втором упражнениях имеют много общего, все же эти упражнения сильно разнятся между собой: во втором присутствуют прыжки и жестикуляция, тогда как первое предполагает полную неподвижность.

Весьма возможно, что здесь, как и во многих других случаях, использован опыт оккультистов-бёнпо. Один из бёнпо однажды сказал мне, что именно представление образа огня, а совсем не дыхание способствует выделению тепла во время транса. Я позволила себе усомниться, и он добавил: «Человека можно убить внушением, а самовнушением он может убить себя сам**». А если самовнушение может вызвать смерть, то тем более оно способно породить тепло».

Те, кто хорошо овладел техникой *туммо*, автоматически совершают все эти вдохи, задержки дыхания и выдохи так, как того требует методика. Их внимание ни на что не отвлекается во время мысленной концентрации на образе пламени и повторов заклинания, сопровождающего меди-

* Из «Чос друк бсдус пахи зин брис», «Трактата шести учений», приписываемого Нароте.

** Понятно, что термины «внушение» и «самовнушение» сюда привлекла я; тибетец говорил соответственно «убить силой мысли» и «убить себя своим же воображением».

тацию. Таким опытным ученикам не нужно прилагать ни малейшего усилия, чтобы увидеть растущую мощь пламени. Приобретенные ими навыки способствуют тому, что все идет как бы само собой, и тепло — конечная цель медитации — медленно разливается по всему телу.

Иногда в конце учебного курса ученики сдают что-то вроде экзамена.

Тех, кто чувствует в себе силы выдержать этот экзамен, морозной зимней ночью приводят на берег реки или озера. Если водоем замерз, во льду пробивают прорубь. Испытание устраивают лунной ночью, когда дует сильный ветер — зимой в Тибете такие ночи не редки.

Сбросив с себя всю одежду, новообращенные садятся на землю и скрещивают ноги. Каждый обматывает вокруг себя намоченную в ледяной воде простыню — ее нужно высушить жаром собственного тела. Как только простыня высохнет, ее опять окунают в прорубь, и ученик снова должен сушить ее на себе. Все это повторяется до рассвета. Побеждает тот, кто высушит наибольшее количество простыней.

Ходят слухи, что бывают ученики, способные высушить за ночь до сорока полотнищ ткани. Возможно, здесь следует сделать скидку на некоторое преувеличение, а может, все объясняется размером простыней — иногда они бывают очень маленькими, почти символическими. Вместе с тем я сама видела, как некоторые *респа* неоднократно высушивали отрезы материи размером с большой платок.

Для того чтобы ученика признали истинным *респа* и он получил право носить белую хлопковую юбку, отличный знак искушенного в *туммо*, он, как того требуют древние правила, должен высушить не менее трех просты-

ней. Однако вряд ли в наши дни этот обычай строго соблюдается.

Ресна называют людей, которые в любой мороз и на любой высоте носят лишь тонкое хлопковое одеяние. Однако многие тибетские *ресна* под тонкую одежду надевают теплую. Это либо мошенники, либо монахи, которые действительно изучали практику *туммо*, но не довели учебу до конца.

И все же наряду с надувалами и бездарями существуют и истинные мастера *туммо*. Они идут даже дальше *ресна*: пренебрегая тонким хлопком, такие люди живут в каком-нибудь укромном горном уголке вообще без всякой одежды. Говорят, некоторые из них проводят так всю жизнь.

Тибетцы очень гордятся этим своим умением и не упускают возможности пустить шпильку в адрес нагих индийских йогов, встречающихся им во время паломничества. Им невдомек, что у индийцев обнаженность аскета символизирует самоотречение, а совсем не выносливость.

Как-то один из таких сверх-*ресна*, изучавший *туммо* вблизи Канг-Тисе*, путешествовал в компании еще одного *ресна* и слуги-мирянина по индийским равнинам из Непала в Гайя и увидел загоравшего на солнце нагого *садху*, лежавшего на коврике в весьма претенциозной позе.

— Старина, сходи на берег Цо-Мопханга** — тогда ты будешь выглядеть по-другому! — насмешливо обратился тибетский отшельник к индийцу, который, конечно, не говорил по-тибетски и так и не понял, почему трое путешественников так непочтительно смеялись над ним.

* Тибетское название хребта Кайлас в Западном Тибете.

** Священное озеро около горы Кайлас; высота около 4200 метров над уровнем моря.

Рассказал мне это тот самый отшельник-тибетец — даже состарившись, он смеялся, когда вспоминал ту невинную шутку молодости.

Как правило, в самом начале учебы внутренний жар или ощущение теплоты чувствуются лишь во время выполнения упражнения. Стоит только ослабить внимание и прекратить дыхательную гимнастику, как холод начинает потихоньку подбираться к телу. А вот у тех учеников, которые годами упорно занимались, выделение тепла становится одной из физиологических функций организма. Эта функция включается автоматически, как только понижается температура окружающей среды.

Кроме сушки простыней, существует еще много других способов установить, сколько тепла может излучать новообращенный. Например, квалификация испытуемого, сидящего в сугробе, определяется количеством вытаявшего вокруг него снега, а также радиусом проталины.

Европейцу трудно судить о том, чего действительно могут достичь практикующие *туммо*, однако мастерство последних подтверждается фактами. Зимующие высоко в горах отшельники, как я уже говорила, вообще не одеваются, а если и одеваются, то во что-то очень легкое. Не только я видела этих людей. Говорили, что одного из них заметили члены альпинистской экспедиции, совершавшей восхождение на Эверест.

В заключение скажу, что мой скромный опыт занятий *туммо* тоже дал ощутимые результаты.

Послания «с попутным ветром»

Тибетские мистики необычайно молчаливы; те из них, у кого есть ученики, обучают их по такой методике, где много разговоров не требуется.

Ученики отшельников-созерцателей вообще редко видят своих учителей — лишь во время уроков и если ученику что-то потребуется.

Паузы между этими встречами могут составить и несколько месяцев, и несколько лет. Но несмотря на кажущуюся отчужденность учителя и ученика, в их распоряжении есть много различных способов общения, если таковое покажется им необходимым, — особенно когда ученик уже прошел начальную стадию обучения.

Телепатия — часть тайного тибетского знания; она кажется мне своего рода беспроволочным телеграфом Земли Снегов. Но если на Западе услугами телеграфа может воспользоваться каждый, то тонкие способы пересылки сообщений «с попутным ветром» остаются привилегией горстки искушенных в этом искусстве тибетцев.

Нельзя сказать, что телепатия — нечто совсем новое для европейцев. Представители обществ, занимающихся исследованиями сверхъестественных феноменов, не раз поднимали вопрос об этом явлении. Однако телепатическая связь обычно происходит случайно. Часто сам «телепат» совершенно не осознает своей роли в этом акте. При стечении определенных обстоятельств человек посылает в пространство некие таинственные волны, достигающие адресата, но делает он это неосознанно и без определенной цели. С другой стороны, эксперименты по телепатической

передаче волевых импульсов обычно дают сомнительные результаты, поскольку не могут быть успешно повторены сколько угодно раз.

С тибетцами дело обстоит иначе. Они уверены, что телепатия — это наука, и ее, как и любую другую науку, можно изучить. Для этого нужно избрать правильный курс обучения и самому быть подходящим материалом для воплощения теории в практику.

Обрести телепатические способности, как говорят тибетцы, можно разными способами. Однако все посвященные в тайное знание сходятся на том, что в их основе всегда лежит высокая концентрация мысли.

Заметим: западные исследования телепатии выявили ту же причину ее возникновения, что и тибетские.

Учителя-мистики утверждают, что телепатические способности человек может развить лишь при условии, что он умеет контролировать свое сознание: лишь тогда возможно возникновение «однонаправленной» мысли, которая подчиняется воле и определяет успех телепатического сеанса.

Не менее важна и роль сознательного адресата, всегда готового уловить едва ощутимый толчок телепатических волн. В начале обучения предполагаемый адресат должен быть «настроен» на вероятного адресанта.

Высочайшая степень концентрации внимания на каком-то объекте до тех пор, пока все остальное не исчезнет из мыслей, — основа ламаистской духовной техники. Сюда же входят и психические упражнения, развивающие умение обнаруживать разные *потоки энергии*, пересекающие друг друга во всех направлениях.

Есть ламы, утверждающие, что телепатия, *туммо* и все подобные им феномены — это всего лишь побочный продукт духовного развития; следовательно, отдельно изучать их не нужно. Телепатия объясняет приписываемые великим *гомченам* и *дубченам** сверхъестественные возможности, которые позволяют им на любых расстояниях общаться с учениками.

Однако некоторым мистикам все это представляется в ином свете. Соглашаясь с тем, что телепатия и подобные ей явления — побочные продукты духовного просвещения, они утверждают: даже не достигнув высших ступеней духовного развития, человек все же может развить в себе способность к телепатии и тому подобным вещам.

Учителя-мистики в чем-то соглашались с ними, в чем-то нет, однако многие из них прививают ученикам телепатические способности.

Многие тибетские отшельники без всяких специальных тренировок научились принимать телепатические послания от гуру. Такое умение расценивается как доказательство безграничной преданности ученика. К некоторым пришло умение и отправлять сообщения.

Методы тех, кто сознательно развивает телепатические способности, я сейчас кратко изложу.

Прежде всего, ученик должен изучить все техники погружения в транс «однонаправленности», научиться сосредоточиваться на чем-то одном, заставляя все мысли попросту улетучиваться из головы.

* Дубчен буквально означает «добившийся великого успеха». Очевидно, это человек, «обладающий сверхъестественными способностями», т. е. то же, что и маг.

Также нужно освоить технику, направленную на полное «опустошение» разума от всех мыслей, когда в голове — лишь мертвая тишина и чернота.

Затем следует проанализировать и отделить один от другого различные факторы, способствующие возникновению внезапных, совершенно неожиданных психических или даже физических ощущений. Это могут быть и разные расположения духа: внезапная радость, грусть или страх или же неожиданные воспоминания о людях, вещах или событиях, никак не связанных с медитацией.

После того как ученик достаточно долго упражнялся самостоятельно, он может в тихой и темной комнате погрузиться в медитацию вместе с учителем; мысли обоих должны быть сконцентрированы на одном и том же. Потом они сверяют пережитые обоими стадии медитации. Подмечаются сходства и различия.

После этого ученик останавливает, насколько это возможно, умственную деятельность, изгоняет из головы все мысли, соображения и мысленные образы. Он просто наблюдает за теми мыслями, что сами собой возникают у него в мозгу; он ничуть не привязан ни к одной из новых забот, ни к одному ощущению. Он отмечает в уме все появляющиеся у него мысленные образы. А после медитации рассказывает о них учителю: наставник сверяет их с теми образами, которые он мысленно внушал ученику.

Потом ученик удаляется на определенное расстояние и учитель мысленно отдает ему приказ. Если ученик приказ понял и ответил на него правильным действием, упражнение продолжается. Эти двое отходят друг от друга все дальше.

Тибетцы верят, что *дубчен*ы, если захотят, могут читать мысли окружающих. А раз человек наделен такой способностью, то не имеет смысла учить другого телепатировать ему: *дубчен* обнаружит само намерение выйти с ним на связь до того, как сообщение будет отправлено. Есть у *дубчена* такая сила или нет, ему все равно приходится действовать так, словно он на самом деле ею обладает. Поэтому его ученики практикуются в передаче телепатем друг другу. Двое и больше послушников под надзором учителя общаются между собой; весь процесс очень похож на описанный выше.

Отправляя неожиданные послания в тот момент, когда адресат, скорее всего, занят и совсем не думает о «почте», послушники проверяют, насколько они продвинулись в развитии телепатических способностей.

Они также пробуют установить связь с теми людьми, с которыми никогда вместе не занимались и которые ничего не знают о телепатии. Некоторые экспериментируют с животными.

Так проходят годы. И никому не известно, скольким из таких учеников удалось добиться результата.

Но какими бы ни были плоды занятий, наиболее уважаемые из учителей-мистиков все же не одобряют сверхусилий, направленных на обретение паранормальных способностей, — они считают это детскими забавами.

Будто бы и доказано, что великие анахореты-созерцатели могут мысленно соотноситься с учениками и, как говорят, не только с ними, однако телепатия, как уже отмечалось, считается лишь побочным продуктом глубинного постижения духовных основ и духовного просветления.

Говорят, что, если благодаря просветлению, обретенному посредством созерцания и медитации, ученик перестанет воспринимать собственное «я» и «я» других как совершенно различные, лишенные точек соприкосновения сущности, он без труда станет телепатом.

В результате длительных занятий самоанализом человек открывает такие точки соприкосновения и входит в мир, где нет отдельных индивидуумов, где постоянно ощущается, как разные существа непрерывно трансформируются друг в друга.

Описать словами это сверхъестественное, мистическое ощущение невозможно. Что в таких описаниях правда, а что выдумка, я предпочитаю не обсуждать.

Но одно я могу сказать точно: ламаисты-мистики для общения с учениками не прибегают к использованию грубой материи (имеются в виду падающие с потолка письма или послания, которые послушник находит под подушкой). Если спросить обо всем этом у отшельника-созерцателя, ученого ламы или у высокопоставленного духовного лица, исповедующего ламаизм, они вряд ли воспримут вопрос всерьез — скорее, сочтут вас за дерзкого шутника.

Помню, как забавно отреагировал один лама из Ташилхунпо на мой рассказ о том, что некоторые «пхилинги»^{*} верят в возможность письменного общения с умершими и даже с тибетскими учителями-мистиками. «И эти люди завоевали Индию!» — воскликнул лама, напроочь сраженный наивностью таких грозных во всем остальном англичан.

^{*} Иностранцы как таковые. Однако тибетцы подразумевают под этим словом в основном англичан — единственных иностранцев, которых, не считая русских, они видели. Русских они называют не *пхилингами*, а *уруссо*.

Многолетние наблюдения убеждают меня, что в Тибете исключительно благоприятная атмосфера для проявления телепатии и других оккультных феноменов. Что же это за атмосфера?

Было бы слишком самонадеянно пытаться определить ее, пока остается невыясненной природа самих этих феноменов.

Возможно, все объясняется большой высотой над уровнем моря. Нельзя забывать и о великой тишине, в которую погружен этот край, — тишине, которую (если можно употребить такое выражение) слышно и сквозь бесшумный рев самых неистовых водопадов.

Нельзя сбрасывать со счетов безлюдность этих мест: здесь нет огромных скопищ людей, чья умственная деятельность порождает множество волнующих тонкий эфир вихрей психической энергии. Большую роль играет и спокойствие тибетцев — их сознание, в отличие от нашего, не забито разными мыслями, их не так одолевают тревоги.

Какими бы ни были причины, телепатия, как сознательная, так и неосознанная, в Тибете встречается особенно часто.

Что касается лично меня, то я совершенно уверена, что получала телепатические послания от лам, под руководством которых занималась различными духовными и физическими практиками. Не исключено, что этих посланий было намного больше, чем мне кажется. Просто помню я только те случаи, когда лама впоследствии осведомлялся, поняла ли я то, что он имел в виду.

Могу рассказать о двух совершенно разных инцидентах, иллюстрирующих если не телепатию, то какое-то общее направление в мыслях учителя и ученика.

Первое происшествие случилось в долине реки Дайншин во время моего путешествия в Лхасу. Пославший, как мне казалось, типичное телепатическое сообщение лама принадлежал к монастырю Чосдзонг.

Мы с Йонгденом заночевали тогда под открытым небом в канаве — во время сезона дождей ее промыли ливни, но ко времени нашего прихода эту канаву как раз прихватило ледком и воды в ней уже не было. Разжечь костер было не из чего, и утром нам даже не удалось вскипятить традиционный чай с маслом. Терзаемые голодом и жаждой, мы ехали по дороге, пока около полудня не увидели сидящего на седельном коврике* ламу представительной наружности — он как раз заканчивал обедать. Около него сидели трое *трапп* аристократического вида. Они совсем не походили на слуг — скорее это были ученики, сопровождавшие учителя. Рядом четыре стреноженные лошади пощипывали сухую траву.

У путников была вязанка дров — они могли разложить костер; от стоящего на углях чайника еще шел пар.

Как и подобало нищим паломникам, чей вид мы на себя напустили**, мы вежливо поприветствовали ламу. Очевидно, наши лица красноречиво выражали желания, охватившие нас при виде чайника. Лама тихо пробормотал:

* При верховой езде тибетцы используют седла с подкладкой, поверх которых кладут еще и коврик. Когда всадник останавливается передохнуть, коврик часто служит ему подстилкой.

** См. «Мое путешествие в Лхасу». Мы тогда передвигались по Тибету инкогнито.

«Нингдже!»^{*} и, уже погромче, велел нам спешиться и достать миски^{**} для чая и тсампы.

Траппа разлил остатки чая в наши чашки, поставил перед нами мешок с тсампой, а сам ушел помогать седлать коней. Внезапно одна из лошадей чего-то испугалась и метнулась прочь. Такое случается нередко, и *траппа*, взяв веревку, побежал за ней.

Лама не отличался разговорчивостью; он просто молча следил за лошадью, бегущей в сторону деревни. Мы ели тсампу и тоже ничего не говорили. Когда мой взгляд упал на пустой деревянный горшок с остатками творога, я подумала, что лама, должно быть, разжился им на видневшейся невдалеке ферме.

Когда ежедневный рацион состоит из одной лишь тсампы без всяких овощей, желудку приходится очень туго. Чтобы как-то с этим бороться, я при любой возможности старалась есть молочную пищу. Я прошептала Йонгдену на ухо: «Когда лама уедет, пойдя на ферму и попроси немного творогу».

Мы сидели в отдалении от ламы, и говорила я очень тихо. Но лама, похоже, все услышал. Он внимательно посмотрел на меня и опять проговорил вполголоса: «Нингдже!»

Затем он повернул голову в ту сторону, куда ускакала лошадь. Животное, хоть и отбежало недалеко, пребывало в игривом расположении духа и не давало *траппе* взнuzдать себя. Наконец оно позволило накинуть себе на шею веревку и послушно пошло за монахом.

* Распространенное выражение сочувствия. Его можно истолковать как «очень жаль!», «бедняги» и т. п.

** Путешественники-тибетцы всегда за пазухой носят деревянную миску. Богатые путники кладут миску в ларец, который несет слуга.

Лама сидел неподвижно и пристально глядел на идущего к нам *траппу*. Тот внезапно остановился, и, осмотревшись по сторонам, подошел к ближайшему валуну и привязал к нему лошадь. Он немного прошел по своим же следам назад, потом свернул с дороги и направился к ферме. Через некоторое время он вернулся к лошади, неся что-то в руках. Он приблизился к нам, и это «что-то» оказалось полным горшком творога. Он не отдал его сразу ламе, а вопросительно смотрел на учителя, будто спрашивая: «Это то, что вы хотели? Что мне делать с этим творогом?»

На немой вопрос ученика лама утвердительно кивнул и велел отдать творог мне.

Другой случай произошел не в самом Тибете, а на приграничных землях, присоединенных к китайским провинциям Сычуань и Ганьсу.

Когда наш маленький отряд въехал в огромный первозданный лес, простирающийся от Тагана до перевала Кунка, к нам присоединились шесть путников. Ходили слухи, что в тех местах промышляют банды дерзких грабителей, и те, кому было нужно проехать по лесу, объединялись в отряды как можно более многочисленные и хорошо вооруженные. Пятеро из моих новых попутчиков оказались китайскими торговцами, шестой — *нгагсна-бёнпо*. Длинные волосы этого высокого человека были обернуты красной материей — тюрбан получался весьма увесистый.

Желая выведать все, что только возможно о религии этого края, я предложила *нгагсна* разделить с нами стол в надежде, что его удастся разговорить. Выяснилось, что он едет к своему учителю, магу-бёнпо, совершающему большой *дубтхаб* на соседней горе. Целью ритуала было укротить злобного демона, повадившегося терроризировать

одно маленькое местное племя. После дипломатического вступления я сказала, что хотела бы навестить этого мага, на что его ученик ответил, что это совершенно невозможно. Свой отказ он мотивировал тем, что на протяжении всего лунного месяца, необходимого для отправления ритуала, его наставника ни в коем случае нельзя беспокоить.

Поняв, что спорить с *нгагсна* бесполезно, я решила последовать за ним, когда по ту сторону перевала он нас покинет. Если мне удастся незаметно подкрасться к жилищу мага, возможно, я увижу и самого колдуна, и то, чем он занят. Исходя из этих соображений я велела слугам не спускать с *нгагсна* глаз, чтобы он не мог скрыться незамеченным.

Может, они слишком громко об этом говорили между собой, но *нгагсна* разгадал мой замысел и заявил, что все мои ухищрения все равно пойдут прахом.

Я ответила, что совсем не желаю зла его учителю, а просто хочу поговорить с ним, чтобы просветиться. Слугам я сказала еще тщательнее следить за нашим попутчиком. *Нгагсна* не мог не заметить, что стал пленником. Однако он знал, что ему не причинят никакого вреда. Последнее обстоятельство, а также то, что кормили его отменно — а тибетцы проявляют к вопросам питания самый живой интерес, — способствовало тому, что ко всей этой истории он отнесся весьма благодушно.

— Не бойтесь, я не убегу, — говорил он мне. — Если хотите, можете связать меня по рукам и ногам. Мне совсем не обязательно бежать вперед, чтобы предупредить учителя о вашем приходе. Он уже и так все знает — *Нгаис лунг ги ленг ла лен танг цар*. (Я известил его по воздуху.)

Нгагсна имеют обыкновение похвастаться таким количеством разнообразных умений, что на его слова я обратила не больше внимания, чем на заявления его собратьев, тоже занимающихся черной магией.

На этот раз я просчиталась.

За перевалом простирались бескрайние пастбища. На этих просторных плато грабителей можно было уже не опасаться. Китайские торговцы, которые в лесу не отходили от нас ни на шаг, почувствовали себя в полной безопасности и покинули наш отряд. Я все еще намеревалась последовать за *нгагсна*, когда из-за перегиба показались шестеро всадников. Приблизившись на полном скаку, они спешили, поприветствовали меня, подарили «*кха-таги*» (приветственные шарфы) и преподнесли масло. Когда с церемониями было покончено, пожилой мужчина сказал, что его послал великий бёнпо *нгагсна*: маг просит путешественницу отказаться от намерения посетить его, поскольку лишь посвященный ученик имеет право приходить в то место, где сооружен тайный магический *кылкхор*.

Мне пришлось подчиниться. Наверное, *нгагсна* действительно предупредил учителя по воздуху. Настаивать было бесполезно.

Если бы я даже игнорировала только что явленное доказательство необычайных способностей колдуна и продолжала сомневаться в его оккультной силе, способной остановить меня, то не обращать внимания на окруживших меня вооруженных мускулистых горцев я не могла. Они были в высшей степени вежливы и казались очень милыми. Однако поведение их могло резко измениться, если бы моя настойчивость поставила под угрозу срыва ритуал, в котором было заинтересовано целое племя. Поэтому я

вручила *нгагсна* приветственный шарф и немного серебра с тем, чтобы он передал все это его учителю. Пожелав тибетцам, чтобы такой первоклассный маг действительно помог им, я простилась с ними. Мы расстались друзьями.

Похоже, тибетцам знакома и зрительная телепатия. Если верить тибетским историям о знаменитых ламах, то во многих из этих преданий можно найти описания такого явления. Но правда и выдумка так тесно переплелись в этих сказаниях, что они вызывают скорее сомнения, чем веру во всякие необычные происшествия.

Вместе с тем существуют люди, утверждающие, что они видели образы, переданные им способом, очень напоминающим телепатию. Эти видения совсем не похожи на сны. Иногда они возникают во время медитации, но бывает и такое, что эти образы появляются, когда человек занят какими-то повседневными делами.

Лама-*ципа** рассказал мне, как однажды во время еды он увидел своего друга ламу-*гвид***, с которым не встречался вот уже несколько лет. Лама-*гвид* стоял на пороге своего дома. Рядом с ним был молодой *траппа* с узелком за спиной — он собирался уходить. Путник на прощание поклонился ламе в ноги. Тот с улыбкой произнес несколько слов и указал рукой на север. *Траппа* повернулся в указанном направлении и трижды поклонился.

Выпрямившись, *траппа* поправил на себе монашеское одеяние — лама заметил, что в одном месте оно было сильно порвано. Потом картина исчезла.

* Астролог.

** Преподавателя училища ритуальной магии.

Через несколько недель этот юноша прибыл к ламе. Его учитель, лама-*гьид*, захотел, чтобы он выучился астрологическим расчетам.

Траппа рассказал, что когда на прощание он поклонился своему первому учителю, тот сказал: «Ты идешь к новому наставнику, так что поклонись и ему тоже». И указал на север, где было жилище *ципы*.

Лама увидел и большую прореху на платье ученика.

Я спросила, означает ли это, что лама-*гьид* предупреждал друга о том, что он посылает молодого *траппу*. Лама ничего не мог мне ответить, поскольку все это произошло совсем недавно, и *ципа* еще не успел связаться с ламой-*гьид*.

Ко всему изложенному могу добавить, что тибетцы, как правило, намного меньше, чем мы, стремятся проникнуть в природу сверхъестественных феноменов. Причисляя их к разряду явлений необычных, они все же не смотрят на них как на что-то из ряда вон выходящее. У них нет навязчивой идеи о законах природы и о том, что возможно и что невозможно, — а значит, нет причин для волнений. Тибетец — образованный или невежественный — безоговорочно признает, что для того, кто знает, как нужно действовать, нет ничего невозможного. И какие-либо сверхъестественные способности чудотворца не вызывают у него никаких эмоций, кроме восхищения этим человеком.

ГЛАВА VII

МИСТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ И ДУХОВНЫЕ ПРАКТИКИ

Тибетский религиозный мир можно условно разделить на два лагеря. К первому принадлежат те, кто возможность освобождения видит в строгом соблюдении всех моральных норм и монашеских правил. Ко второму лагерю примыкают сторонники рационального подхода, с точки зрения которых человек должен быть свободен от каких бы то ни было догм.

Однако четкого раздела между приверженцами этих двух направлений нет. Несмотря на то что они очень любят дискутировать по теоретическим вопросам и критиковать друг друга, редко случается такое, чтобы одна из сторон занимала жесткую и непримиримую позицию по отношению к другой.

Даже монахи, ратующие за соблюдение правил морали, понимают, что, хотя добродетельная жизнь и монашеское благочиние и составляют огромную ценность и могут быть рекомендованы большинству людей, они все же суть не более чем подготовка к высшему бытию. Что касается представителей другого лагеря, то все они признают боль-

Хижина тибетского анахорета.

Жилища отшельников в Чукха на северо-востоке Тибета.

шое значение истового соблюдения моральных законов и правил, установленных для членов религиозной общины.

Более того, представители обоих лагерей сходятся в том, что первый путь безопаснее, чем второй. Безупречный образ жизни, добрые дела, справедливость, сострадание, отрешенность от мирской суеты, бескорыстие и спокойствие духа — все это, как говорят, очищает и постепенно освобождает «глаза души от грязи»*, — а значит, ведет к просветлению, то есть спасению.

Что же касается метода, называемого мистиками Коротким, или Прямым Путем**, то он считается наиболее рискованным. Учителя мистики, идущего по этому Пути, сравнивают с путником, который сошел с горной дороги, плавной спиралью поднимающейся к вершине: вместо того, чтобы идти по ней, человек предпочел напрямую штурмовать гору, карабкаясь по скалам и преодолевая трещины с помощью веревки. Надеяться преуспеть в таком предприятии могут лишь те, кто отличается незаурядными ловкостью и силой и не страдает головокружениями. Но даже сильнейший не застрахован от истощения или внезапного обморока. А это неминуемо влечет за собой страшное падение — и вот чересчур самонадеянный альпинист уже лежит с переломанными костями.

* Очень популярная в буддийских текстах метафора. В «Махавагге» читаем: «Бхагаван, оглядывая мир глазами будды, увидел души, чьи глаза были залеплены грязью, увидел существ проницательных и тупоумных, со славным и мерзким характером, тех, кого было легко наставлять, и тех, кого наставлять было трудно...»

** На языке мистиков буквально это звучит как *це гчиг, лус гчиг санг ргьяис*, то есть достижение просветления в одном теле и в одной жизни — в той жизни, в которой человек приступил к духовному совершенствованию. Этот путь тибетцы называют еще *лам чунг*, «короткая дорога».

Лама-маг с севера Тибета. Его передник сделан из распиленных человеческих костей (к стр. 367).

Этим примером тибетские мистики иллюстрируют духовное низвержение в самую бездну, когда человек слишком сильно отклоняется от правильного пути и уподобляется демону.

Один ученый лама говорил, что эти дерзкие теории, которые проповедуют особо искушенные наставники *Короткого Пути*, — относительно пренебрежения всякими правилами и полной духовной свободы, — представляют собой лишь слабый отголосок очень древних учений, бытовавших некогда в Центральной и Северной Азии.

Лама был убежден, что основные положения этих доктрин полностью совпадают с высшим учением Будды — это явствует из разных отрывков его проповедей. Однако, утверждал лама, Будда хорошо понимал, что большинство людей всегда предпочтет подчиниться правилам, с помощью которых можно предотвратить пагубные последствия собственного невежества и которые направят человека на совершенно безопасный путь. Именно поэтому мудрейший Учитель и учредил законы для мирян и монахов с заурядными умственными способностями.

Этот же лама всерьез сомневался, что Будда по происхождению был арийцем. Он говорил, что предки Будды принадлежали к желтой расе, а его предполагаемый преемник, будущий будда Майтрея, родится в Северной Азии. Мне не удалось выяснить, откуда он почерпнул такие сведения. С восточным мистиком невозможно что-либо обсуждать. Если он сказал: «Мне это явилось во время медитации», добиться от него еще каких-то объяснений практически невозможно.

Похожие соображения высказывали и непальские *невары*. Они утверждали, что Будда родился в их краю. «Ве-

ликий индийский мудрец, — говорили они, — был одной с нами крови, а мы принадлежим к той же расе, что и китайцы».

Только что упомянутых положений *Пути Правил* и *Короткого Пути* придерживаются лишь ученые ламы и мистики — а в Тибете, как и повсюду, ученые и мыслители составляют меньшинство. В то время как немало приверженцев «правил» просто прозябают в монастырях, очень многие поборники учения «полной свободы» обретают с помощью этой доктрины смысл всей жизни; хоть у этих людей и мало шансов достичь духовных высот, однако самобытность их не подлежит сомнению.

Большинство магов примыкает именно ко второму лагерю. Это не означает, что все они жаждут быстрее чего-то достичь в духовной области. В *Коротком Пути* их прежде всего привлекает возможность не подчиняться никаким правилам и делать все, что будет выгодно в первую очередь им самим. «Полная свобода» — весьма расплывчатое понятие, оно поддается самым разным толкованиям.

Профессиональных тибетских магов и их учеников можно разделить на две категории.

К первой относятся те, кто желает обрести не непосредственную власть над природой, а способность подчинять себе богов и демонов и заручаться их поддержкой. Эти люди действительно верят в потусторонних существ — в их представлении такие существа не имеют с людьми ничего общего. По мнению этих магов, сила и могущество демонов, которых они пытаются приручить, намного превосходят их, магов, умение — поэтому они считают, что никогда не сумели бы совершить того, на что способны демоны.

Даже применяя такие средства, как заклинания, амулеты и тому подобное, маги четко осознают, что действующая сила этих амулетов и заклинаний исходит не от того, кто их использует.

Ко второй категории можно причислить лишь некоторых мастеров. Временами они используют те же средства, что и их менее образованные коллеги, однако руководствуются при этом иными соображениями. Эти маги придерживаются мнения, что те разнообразные феномены, на которые простой люд взирает как на чудеса, порождаются энергией самого колдуна и зависят от его понимания сути вещей. Многие из них ведут уединенный образ жизни; часто это отшельники, в поведении и наружности которых нет ничего примечательного. Они не пытаются привлечь внимание к себе и своим способностям, и о них часто никто не знает. Маги же первой категории, наоборот, никогда не отказывают себе в удовольствии озадачить людей какой-нибудь эффектной и необычной выходкой. Среди этих магов можно встретить колдунов, прорицателей, некромантов и оккультистов из самых различных слоев общества. Любителей эксцентричных речей и поступков могут позабавить их теоретические выкладки о «полной свободе» и о том, как они эту свободу реализуют. Тем не менее за всеми их сумасбродствами просматриваются обрывки знаний, почерпнутых из давних преданий, забытой истории, древние навыки управления психической энергией. Но в этой пестрой картине, как и во всем, что касается Тибета, довольно трудно разобраться и найти надежную точку отсчета.

Для того чтобы вступить на *Короткий Путь к Освобождению*, не обязательно быть монахом. Знающие утвержда-

ют, что главное — посвящение. Поэтому любой мирянин, признанный способным к духовному росту, может быть принят учителем-мистиком в ученики и, когда настанет время, у него же пройти инициацию. То же можно сказать и об изучающих магию. Впрочем, большинство мистиков и магов все равно начинают религиозную жизнь послушниками в монастырях.

Выбор учителя, способного стать поводырем на трудном пути мистика, где человеку встречается множество обманчивых миражей, — важнейший шаг для того, кто желает стать посвященным. От личных качеств выбранного учеником гуру будет зависеть, как повернется дальнейшая жизнь новичка.

С людьми, которые попросились в ученики к тому, кого лучше было бы обойти десятой дорогой, часто происходят самые невероятные вещи. Но если духовным наставником молодого монаха станет не отшельник и не «экстремист» *Короткого Пути*, то послушничество юноши, возможно, и не омрачится трагическими происшествиями.

На протяжении испытательного срока, который может тянуться неопределенно долго, лама проверяет характер нового ученика. В дальнейшем он может ограничиться тем, что доходчиво объяснит юноше смысл некоторых религиозных трактатов и символических изображений (*кьилкхоров*), да еще обучит его систематическим медитациям, для которых эти изображения предназначены.

Если же лама сочтет ученика перспективным, он подробно ознакомит его с программой дальнейшего воспитания. Это воспитание состоит из следующих ступеней:

Тава — рассматривание, изучение.

Гомпа — размышление, медитация.

Чьод па — практика, постижение. Осуществление того, к чему человек стремился на двух предыдущих стадиях.

В другом, менее распространенном варианте та же, по существу, программа передается следующими четырьмя понятиями:

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ

Тон — «значение», «причина», т. е. постижение сути вещей, их происхождения и смерти, а также всего, что оказывает на них влияние.

Лоб — «изучение» различных доктрин.

ВТОРАЯ СТУПЕНЬ

Гом — размышление или медитация над тем, что человек узнал и открыл. Интроспективные медитации.

ТРЕТЬЯ СТУПЕНЬ

Тогс — Понимание.

Поскольку ученик должен выполнять все надлежащие упражнения в полной тишине, лама практически всегда велит ему поселиться в *цаме**.

Слово *цам* переводится как «ограждение», «граница территории». На языке религии «жить в *цаме*» означает жить в уединении, за чертой, которую нельзя переступить.

Этот «барьер» может быть разным. У опытных мистиков он имеет духовную природу; говорят, для того, чтобы

* Пишется *мтиамс*, произносится *цам*.

уединиться и медитировать, им не нужны никакие материальные приспособления.

Существует несколько вариантов *цама*, каждый из которых имеет множество подвидов.

Я перечислю их, переходя от общедоступных видов к более строгим.

Лама или верующий-мирянин запирается в комнате или в собственном доме. Он или вовсе не выходит наружу, или делает это только в условленное время и лишь для осуществления некоторых религиозных церемоний: например, ходит между культовыми сооружениями, кланяется священным реликвиям или же совершает еще что-то в этом роде.

Установленные для *цамспы** правила могут разрешать ему показываться кому-либо на глаза или же запрещать это. В первом случае ему можно обмениваться короткими репликами с домочадцами, родственниками, слугами и даже принимать посетителей. Во втором же случае видеть *цамспу* допускается лишь тем, кто ему прислуживает. Пришедший посетитель становится в пределах слышимости вне комнаты *цамспы*. Вход занавешен портьерой, и собеседник не виден, — все устроено как в некоторых женских католических орденах, где практикуется созерцание.

Многие тибетцы прибегают к таким мягким формам затворничества и без религиозной цели. Они делают это, если хотят позаниматься в спокойной обстановке, изучить какую-нибудь отрасль тибетского знания: грамматику, философию, астрологию, медицину и т. д.

* Того, кто живет в *цаме*. Не путать с *тсампой* (пишется *рисампа*) — перемолотым или прожаренным ячменем.

Более строгие варианты таковы:

- затворник имеет право видеть только одного слугу;
- затворник отказывается от речи, а свои желания излагает письменно;
- затворник только приоткрывает окно и ничего, кроме неба, не видит: ни пейзажа, ни находящихся во дворе предметов;
- затворник отказывается от созерцания неба и полностью закрывает окно или поселяется в комнате без окон, куда попадает непрямой свет;
- затворник не видится вообще ни с кем.

В последнем случае, когда отшельнику приносят еду, он удаляется в другую комнату — конечно, если в распоряжении *цамсны* имеется несколько помещений. Если другой комнаты нет, пищу оставляют снаружи около входа. Анахорета об этом возвещают стуком, и жильцы дома покидают смежную комнату или коридоры, чтобы он мог выйти, не попавшись никому на глаза. Возвращает *цамсна* посуду или еще какой-либо предмет домашнего обихода тем же способом: перед тем, как выйти из комнаты, он стучит или звонит в колокольчик.

Некоторые из тех, кто практикует этот особый вид *цама*, при необходимости могут письменно попросить о чем-то; иные же отказываются и от такой возможности: они не могут дать знать ни о чем из того, что им может понадобиться. Даже если прислужник забудет принести еду, им надлежит сносить голод молча.

Обычно *цамы*, а особенно *цамы* со строгими ограничениями, проводящиеся в домашней обстановке, длятся недолго — самое большее год. Чаще же всего люди уединяются на три месяца, на месяц и просто на несколько дней.

Миряне проводят в одиночестве, как правило, не более месяца.

Понятно, что обычное жилище не подходит для того, чтобы погрузиться в строгий и длительный *цам*. Какие бы меры ни предпринимались, все равно сквозь тонкую дверь *цамсна* будет слышать, как вокруг снуют озабоченные мирской суетой люди, до его слуха будет доноситься шум.

Есть некоторые монастыри, где достаточно тихо и спокойно, — однако далеко не во всех такая благодатная обстановка. Поэтому во многих *гомпа* есть маленькие домики, выстроенные специально для тех, кто захочет жить в одиночестве.

Эти дома называются *цамс-кхангами**. Иногда они расположены в глухом уголке в пределах монастырской территории. Но как правило их сооружают в стороне от монастыря, на какой-нибудь горе, и обносят стеной. Нередко в безлюдных местах в двух-трех днях пути от монастыря можно увидеть даже несколько таких домиков для медитаций.

Спланированы *цамс-кханги* в соответствии с обозначенными выше различными задачами и требованиями.

Из окна одного такого жилища может открываться прекрасный пейзаж, в то время как другой дом окружен стенами, закрывающими весь обзор. В последнем случае ограждение часто образует маленький внутренний дворик или террасу. В таком дворике *цамсна* может сидеть или ходить, дышать свежим воздухом, никем не видимый и сам не видящий ничего из окружающего мира.

* От слов *михамс* и *кханг*, «дом, где человек живет один».

В большинстве *цамс-кхангов* две комнаты. В одной затворник спит и проводит большую часть дня, а во второй (обычно это кухня) может жить слуга.

Если установленные для *цамсы* правила велят не видеть вообще никого и соблюдать полную тишину, прислужник живет в отдельной хижине. Тогда в стене или в двери комнаты отшельника проделывается двойное окошко, куда затворнику просовывают миску с едой.

Твердая пища подается лишь единожды в день, тогда как приправленный маслом чай — несколько раз. Если лама принадлежит к одной из сект «красношапочников», чай чередуется с пивом*. Тибетцы имеют обыкновение держать под рукой мешочек ячменной муки — затворник волен в любой момент употребить ее с чаем или пивом.

В хижинах, построенных специально для медитаций, могут жить лишь члены религиозной общины. Некоторые монахи живут там по несколько лет подряд. По канонам, в *цамс-кханге* надлежит оставаться три года, три месяца, три недели и три дня. Есть люди, которые в течение жизни два

* Буддизм строго запрещает пить содержащие алкоголь напитки, однако тибетцы-«красношапочники» утверждают, что Падмасамбхава, основатель их секты, употреблять спиртное разрешал. Есть и довольно осторожные «красношапочники», заявляющие, что Падмасамбхава позволял употреблять алкоголь для отправления определенных ритуалов и в таком количестве, которое может поместиться в ладони человека. Падмасамбхава, выходец из Северной Индии и приверженец тантризма, обучил новообращенных тибетцев поклоняться так, как поклоняется его секта. Многих тибетцев, как и многих тантристов, две священные капли вина привели к обыкновенному пьянству. Индийская пословица гласит: «Один пьет, чтобы совершить обряд, а другой совершает обряд, чтобы пить». Но любящие выпить тибетцы уже не пытаются делать это под религиозным предлогом, как их индийские братья во бражничестве.

или три раза уединяются в такой долгий *цам*; бывают случаи, когда люди остаются в *цамс-кхангах* на всю жизнь.

Существует еще более строгая форма *цама*: пребывание в полной темноте.

В темноте медитируют не только ламаисты. Эта практика распространена во всех буддийских странах. В Бирме я видела несколько помещений, предназначенных именно для этой цели, а во время пребывания в Сагайских горах даже медитировала в таких комнатах. Однако не в пример бирманцам и другим монахам-буддистам, проводящим в темноте лишь несколько часов, некоторые тибетские отшельники заживо погребают себя в таких полумогилах. Правда, в подобные крайности монахи впадают нечасто.

Когда затворник решает долго жить в темноте, комнату ему обычно устраивают в гроте или еще в каком-нибудь полуподземном помещении. Вентиляция осуществляется через трубы, которые сконструированы так, чтобы не пропускать в келью отшельника дневной свет. Но делается такое крайне редко. Обычно воздух попадает внутрь естественным путем, через щели, трещины и т. д. — такая вентиляция всегда оставляет желать лучшего. Хотя вместе с воздухом через щели внутрь часто проникают и солнечные лучи, светом это можно назвать лишь с большой натяжкой: в некоторых из мрачных келий невозможно разглядеть вообще ничего. Правда, со временем глаза *цампы* привыкают к темноте, и он различает смутные очертания предметов.

От тех, кто долгое время жил в темноте, я слышала, что затворники иногда наблюдают поразительный эффект иллюминации: временами комнату заливают яркий свет; в других случаях контуры всех находящихся в келье предме-

тов начинают светиться. Бывает, перед затворником предстают фантасмагорические видения светящихся цветов, пейзажей или людей.

Несомненно, оптические явления подобного рода случаются не только в Тибете: я слышала о них и в Бирме от *бхиккху*, имевших опыт медитации в темноте. Подозреваю, подобные ночные видения являлись всем анахоретам.

Тибетцы считают, что таким способом можно определить уровень устойчивости сознания. Весь этот калейдоскопический мираж они рассматривают как существующий лишь в голове *цамсы*. По их мнению, причина возникновения таких видений — неконтролируемое возбуждение сознания. Когда же сознание успокаивается, видения исчезают. Остается лишь маленькая точка — она может быть либо черной, либо напоминать крохотный светящийся шарик. Поначалу шарик перемещается из стороны в сторону; цель человека — сделать его неподвижным.

Миг, когда шарик полностью застывает и больше не меняется ни в размере, ни в цвете, и есть тот момент, когда мистик способен сконцентрироваться на любом предмете и никакая мысль не собьет «однонаправленность» его сознания. На следующей стадии шарик исчезает, он тонет в крошечной тьме. Но эта стадия не всегда достижима: многих одолевает горделивая радость от явившегося им волшебства — они считают, что увидели рай.

Кроме таких развлечений, затворника в его келье ожидает еще множество других, более тонких проявлений магии. Все это, как утверждают духовные учителя, западни,

подстерегающие непросвещенного ученика, отважившегося ступить на путь мистика.

Под конец долгого пребывания в темноте *цамсна* начинает постепенно приучать глаза к свету. В глиняной стене проделывается отверстие величиной с булавочную головку. Его ежедневно расширяют, пока оно не превратится в маленькое окошко. Весь процесс может затянуться на несколько месяцев. Отверстие в стене делает либо сам затворник, либо его гуру или друг. Чем дольше *цамсна* находился в темноте, тем медленнее расширяют отверстие.

Если человек впервые становится затворником — в темноте или в светлой комнате, — гуру обычно инструктирует его во время заточения.

Лама общается с *цамспой* через двойное окошко, предусмотренное для передачи еды. Учитель того *цамсны*, который не должен ни с кем видаться, часто опечатывает дверь, где сидит его ученик, собственной печатью. Такое опечатывание — целая религиозная церемония. Еще одна церемония происходит, когда учитель ломает печать, а затворник выходит наружу.

Если *цам* не очень строгий, на двери *цамс-кханга* часто вешают флаг с указанием имен тех, кому дозволено навещать затворника: обычно это имена слуг или людей, которым приходится к *цамсне* разрешает его учитель.

По обычаю, около жилища затворника, уединившегося на всю жизнь, в землю или в специально поставленный горшок ставят сухую ветку.

«Цамс-кхангами» обычно называются хижины для медитаций, построенные вблизи монастыря. Жилища, отсто-

ящие от *гомпа* на некотором расстоянии, именуются *ритодами**.

Ритоды никогда не строят в долинах — их всегда возводят на возвышенностях; место для *ритода* выбирается по определенным критериям. Главные условия, которым оно должно соответствовать, изложены в двух широко известных тибетских стихотворных строках:

Гьяб *рии таг*
Дун *рии цо***.

Скальная стена позади,
Горное озеро напротив.

Имеется в виду, что *ритод* нужно расположить на склоне так, чтобы на заднем плане, а еще лучше прямо за ним, были скалы, а внизу — озеро или хотя бы ручей.

Другие требования, предъявляемые к местоположению *ритода*, связаны с теми или иными духовными и физическими практиками. Например, из некоторых жилищ должен открываться широкий обзор, чтобы отшельник мог видеть рассветы и закаты. Или же в *ритоде* почти не должно быть слышно ни шума ветра, ни плеска воды. В другом случае желательна близость леса, безжизненной пустыни и т. д.

Ритодны не обязательно все время сидят взаперти. Если *цам* не очень строгий, то в часы, когда не нужно медитировать или выполнять какие-либо упражнения, большинство затворников выходят наружу. Предписания гуру или самостоятельно установленные ограничения могут

* Пишется *ри кхрод*.

** Пишется *ргьяб рихи браг, мдун рихи мцхо*.

либо разрешать, либо запрещать им разговаривать с соседями во время походов за водой, поисков топлива или прогулок вокруг хижины. Иногда духовный отец *ритодпы* велит ему медитировать под открытым небом — или затворник сам принимает такое решение.

Собственно говоря, слово *ритод* означает «несколько отдельно стоящих домиков», но обычно так называют любую хижину или пещеру, где живет отшельник.

Именно в такие первобытные жилища, расположенные вдали от населенных мест, и удаляются суровые *налджорпы*, поставившие перед собой цель покорить труднодоступные высоты духа.

Те, кто еще не прошел стадию послушничества, время от времени (иногда раз в несколько лет) навещаются к гуру, чтобы рассказать о накопленном духовном опыте, о мыслях, которые посещали их во время медитаций, а также чтобы выслушать его наставления и получить духовную энергию (ритуал *ангкур*).

Некоторые учителя-отшельники позволяют нескольким перспективным ученикам поселиться около них. Правда, «около» — это довольно растяжимое понятие. Иногда ученик селится на той же горе, что и его наставник, только немного ниже, в другом же случае этих двух людей разделяют один-два дня пути.

Нетрудно догадаться, что далеко не все обитатели *цамсхангов* и *ритодов* — святые мудрецы.

Мошенничество и псевдомистицизм уже давно проникли в мир тибетских анахоретов. Притворщика можно встретить даже на залитых солнцем заснеженных горных хребтах. Выдавая себя за *гомчен*ов, похваляясь сверхъестественными способностями и тем, что они посвящены в тай-

ное знание, эти люди дурачат простодушных крестьян и пастухов, живущих в шатрах. Европейцу может показаться, что за получаемые таким путем материальные выгоды или славу отшельник с лихвой расплачивается тяготами своей жизни. Однако на подобную сделку следует смотреть глазами не европейца, а тибетца.

Тибетцы — сильные и здоровые люди; холод, ночлег под открытым небом, одиночество и все то, от чего западный человек предпочел бы уклониться, тибетцев ничуть не смущает. Даже среди представителей аристократии мало найдется людей, которые во время путешествия или при каких-либо иных обстоятельствах не испытали бы все это на себе. Предприимчивые шарлатаны от религии, часто неграмотные, вышедшие из самых низов общества и не имеющие никаких шансов достичь высокого положения в монастыре, в *ритоде* ведут просто-таки безбедную жизнь по сравнению с той, которая была бы уготована им в каком-нибудь другом месте.

Для того чтобы достичь известности, наиболее честолюбивые из них действительно могут какое-то время соблюдать необычайно строгий режим. Однако через несколько лет, когда их репутация в достаточной мере утвердится, такие отшельники забывают все строгости. Потом они нередко живут просто в собственном доме: миряне балуют их подношениями и окружают всяческими удобствами.

Некоторые не прилагают вообще никаких усилий для того, чтобы о них узнали. Они просто поселяются в удобном месте в нескольких милях от богатой деревни или селения пастухов. На первых порах им, возможно, придется несладко, они могут даже некоторое время голодать: ти-

бетцы не сразу проникаются доверием к ламам, «не имеющим полномочий». Но если человек умен и знает нужные «подходы», ему постепенно начнут верить. Он должен предсказывать будущее и изгонять демонов, вызывающих болезни. Если ему повезет, несколько его пророчеств исполнятся, а после заклинания злых духов выздоровеет человек или животное. А больше ничего и не нужно, перед отшельником и так откроются блистательные перспективы.

Думаю, не многие из европейцев соблазнились бы стать псевдоаскетами в диких трущобах — тибетцам же подобная жизнь нравится. Такие мошенники обычно кончают тем, что попадают на собственную удочку. Безусловно, они не обретают той славы, что настоящие мистики, но их уважают, им не нужно зарабатывать на жизнь и у них всегда есть в достаточном количестве чай, масло и тсампа. Чтобы полностью удовлетворить желания этих изобретательных, но простоватых жуликов, требуется еще разве что какая-нибудь хижина или пещера, кое-как приспособленная под жилое помещение. Многие из этих людей наделены довольно симпатичным характером и не так уж плохи. Почти всегда они виделись мне обыкновенными шутниками, их хитрости меня невероятно забавляли, поэтому отношусь я к ним с известной долей снисхождения.

На Западе распространено мнение, что человек не может долгое время быть один. Считается, что это неминуемо приводит к нервному расстройству, а в конечном счете — к отупению и помешательству.

Возможно, для тех, кто был объектом соответствующих исследований, подобное утверждение и справедливо. Это смотрители маяков, оказавшиеся на необитаемом ос-

трове жертвы кораблекрушения, исследователи, заблудившиеся в безлюдных краях, преступники, отбывающие заключение в одиночных камерах. Однако на тибетских отшельников такое правило не распространяется — даже после десяти- или двадцатилетнего уединения в горах или в *цамс-кхангах* они остаются в здравом уме. Можно оспаривать явившиеся им во время долгих медитаций откровения, но умственная полноценность этих людей сомнению не подлежит.

И неудивительно: отшельники неплохо подготовлены к одиночеству. Перед тем как запереться в *цамс-кханге* или поселиться в *ритоде*, они накапливают в голове множество разных мыслей, которые разделят с ними их уединение. Более того, каким бы долгим ни было затворничество, отшельнику отводится в нем отнюдь не пассивная роль. Каждый его день наполнен систематическими упражнениями по тренировке духа, попытками проникнуть в тайное знание или медитациями над философскими вопросами. Затворник часто с головой погружается во все эти изыскания, наблюдения за самим собой и действительно бывает очень занят. Он вряд ли замечает свое одиночество.

Я никогда не слышала, чтобы тибетский анахорет жаловался на дефицит человеческого общения, ощущаемый им хотя бы в начале затворничества. Как правило, узнавшим вкус отшельничества кажется очень трудным, почти невозможным вернуться к обычной жизни или получать удовольствие от регулярных контактов с людьми.

Что бы ни думали об этом непосвященные, в уединении и полном одиночестве есть своя прелесть.

Невозможно передать словами то почти чувственное удовольствие, когда человек затворяет за собой дверь

цамс-кханга или с огромной высоты смотрит, как с наступлением зимы внизу, в долинах вырастают сугробы первого снега, как этот снег на долгие месяцы окружает его жилище белоснежным, холодным и неприступным крепостным валом.

Очевидно, только тот, кто сам пережил все это, способен понять необоримую тягу многих уроженцев Востока к одиночеству.

Живя в *цамс-кхангах* и *ритодах*, отшельники применяют множество самых разнообразных методик, которые не стоит и пытаться перечислить; пожалуй, полного перечня их не знает никто.

В тибетской мистической литературе можно встретить более или менее исчерпывающие описания некоторых таких практик. Но, как правило, в книгах почти ничего не говорится о цели этих упражнений — о том, что нас интересовало бы больше всего. Получить точные сведения можно лишь от людей, обучавшихся тому или иному упражнению традиционным устным способом. Нельзя полагаться и на свидетельства, услышанные лишь от одного посвященного: одним и тем же вещам различное толкование дают не только разные секты, но и разные учителя.

Было бы ошибкой думать, что все тибетцы, живущие в *цамс-кхангах* или уединяющиеся где-то еще, обладают недюжинным умом и раздумывают над мировыми проблемами. Мне случалось беседовать и с псевдо-гомченами, которые к религиозной жизни относились как к профессии. Немало есть и благонамеренных простофиль, и людей заурядных способностей, которые берут с собой в *цамс-кханг* все суеверия народного ламаизма.

Многие из них проводят время, повторяя тысячи и даже миллионы раз одну-единственную формулу — обычно это непонятная им мантра на санскрите. Другие повторяют тибетский текст — его они тоже часто не понимают, словно составлен он на каком-то иностранном языке.

Самая простая формула — всем известное *Ом мани падме хум!* Имеется в виду, что широко известны сами упомянутые здесь слова, поскольку они знакомы иностранцам по многим книгам. Однако это не означает, что так же хорошо люди понимают и смысл мантры.

Путешественники-миряне и даже некоторые востоковеды, не вникая в ее значение, спешат объявить о бессмысленности всего выражения. Ученые авторы даже в наше время переводят первое слово формулы *ом* как наше банальное «ах!», а *хум*, последнее слово, — как «аминь».

В Индии существует обширная литература, посвященная мистическому слову *ом*: у него есть экзотерическое, эзотерическое и мистическое толкование. Оно может означать три составляющие индуистской Троицы: Брахму, Вишну и Шиву, а также Брахман, «Недвойственное» в философии адвайта. *Ом* символизирует Невыразимый Абсолют; в мистицизме это последнее слово, после которого — только тишина. Согласно высказыванию Шри Шанкарачарьи*, это «опора для медитации», или, как написано в «Мундака-упанишаде», «лук, с помощью которого отдельное «я» настигает «Я» абсолютное»**. .

* В его комментарии к Мундака-упанишаде.

** «Сказано, что *Пранава* (таково название священного звука *ом*) — это лук, Атман (отдельное «я») — стрела, а Брахман (абсолютное «Я»; Абсолют) — мишень».

Кроме того, *ом* — это животворящий звук, вибрации которого создают миры. Если мистик способен услышать все неисчислимые голоса, крики, песни и остальные звуки, издаваемые всеми живыми существами, он слышит этот уникальный *ом*. Тот же *ом* вибрирует и в самой глубине сущности мистика. Тот, кто умеет правильно интонировать этот звук, может творить чудеса, а тот, кто знает, как произнести его беззвучно, обретает полную свободу.

Слог *ом* вместе с мантрами, в которые он входит, тибетцы позаимствовали у индийцев, но им вряд ли известно то множество значений, которое вкладывают в него их южные соседи. Не знают они и о том, какое важное место занимает этот слог в индийской религии и философии.

Ламаисты повторяют слог *ом* наряду с прочими санскритскими формулами, не уделяя ему особого внимания. Другим же мистическим словам, таким, как «хум!» и особенно «*пхат!*», приписывается исключительная сила, их активно используют в магии и при отправлении мистических ритуалов.

Таковы сведения, касающиеся первого слова формулы.

Мани падме на санскрите означает «сокровище в лотосе». Казалось бы, здесь все ясно, но на самом деле эти слова истолковываются не так просто, как кажется.

Простые люди верят, что декламация *Ом мани падме хум!* обеспечивает счастливое рождение в Нуб Девачен — западном рае Великого Блаженства.

Более «ученые» утверждают, что шесть слогов этой формулы отвечают шести классам разумных существ и шести мистическим цветам.

Ом — белый; соответствует собакам (*лха*).

Ма — голубой; соответствует не-собакам (*лха-майи*^{*}).

Ни — желтый; соответствует людям (*ми*).

Пад — зеленый; соответствует животным (*тудо*).

Ме — красный; соответствует не-людям (*идагам*^{**} или другим *ми-ма-ин*^{***}).

Хум — черный; соответствует тем, кто живет в чистилищах.

Существует шесть точек зрения, касающихся того, зачем нужно проговаривать эти шесть слогов. Бытует поверье, что, если часто их повторять, следующее рождение произойдет в западном рае Великого Блаженства. Считающие себя более просвещенными полагают, что повторение этого заклинания освобождает от рождения в одном из шести перечисленных царств.

Формулу *Ом мани падме хум!* при некоторых медитациях используют как подспорье. При этом медитирующий отождествляет шесть видов существ с шестью слогами, окрашенными в определенный цвет, как это было описано выше. Образуется нечто вроде бесконечной цепочки слогов, циркулирующих по телу с потоком воздуха, вдыхаемого через одну ноздрю и выдыхаемого через другую.

По мере того как у человека повышается степень концентрации сознания, цепочка представляется ему все более длинной. Мистические слова вместе с выдыхаемым

* Существа наподобие титанов; всегда в состоянии войны с богами.

** Тело у *идагов* огромное, как гора, а шея тонкая, как нитка. Эти несчастные существа всегда мучаются от голода и жажды. Когда они приближаются к воде, чтобы напиться, жидкость превращается в огонь. Каждое утро ламы дают *идагам* освященную воду, чтобы облегчить их страдания: освященная вода не превращается в пламя.

*** К *ми-ма-ин* относятся полубоги и духи — как добрые, так и злые.

воздухом относятся на некоторое расстояние и не успевают при вдохе опять попасть в тело. Цепочка не рвется — она растягивается, словно резиновый ремешок, и всегда находится в контакте с медитирующим.

Постепенно исчезают очертания тибетских букв, и тот, кто смог «пожать плоды» упражнения, воспринимает эти шесть слогов как шесть царств, в которых рождаются, двигаются, радуются, страдают и умирают миллионы существ шести разных видов.

Потом медитирующий должен осознать, что эти шесть царств (весь ощущаемый мир) — субъективные образы, порождение сознания, которое создает их и в котором они растворяются.

С помощью этой техники опытные мистики достигают такой стадии транса, когда буквы формулы вместе с соответствующими существами и тем, что эти существа делают, сливаются с Тем, что за неимением лучшего слова махаянисты называют *Пустотой*.

Осознав *Пустоту*, человек освобождается от иллюзии земной жизни, а значит, и от перерождений, предопределяемых этим обманчивым миражом.

По другой версии *Ом мани падме хум!* истолковывается буквально: «Драгоценность в лотосе». Разделение на слоги здесь во внимание не принимается.

В этом случае наиболее простое объяснение таково: в лотосе (лотос символизирует весь мир) заключено драгоценное учение Будды.

Лотос можно понимать и как символ сознания. В его глубинах человек, предающийся интроспективной медитации, способен обнаружить драгоценное зерно знания,

истины, реальности, свободы или нирваны — все это разные названия одного понятия.

Наконец, упомянем о значении, связанном с некоторыми доктринами буддизма махаяны.

С точки зрения этих учений, нирвана, высшее освобождение, — это отнюдь не что-то отдельное от сансары, мирского бытия. Мистик находит нирвану в сансаре, как драгоценный камень в сердцевине лотоса. Нирвана, «драгоценность», приходит вместе с просветлением. А сансара существует, когда существует иллюзия — эта иллюзия скрывает от человека нирвану подобно тому, как лепестки лотоса укрывают от глаза спрятанную под ними драгоценность.

Хум, последнее слово формулы, — это мистическое обозначение ярости, употребляемое для сдерживания свирепых богов и подчинения своей воле демонов. Какова же связь между этим словом, «драгоценностью в лотосе» и индийским *ом*? Здесь тоже существует несколько объяснений.

Хум — что-то вроде мистического боевого клича, вызова на бой. Кто же враг? Каждый представляет его по-своему: это может быть могущественный демон или же те три пагубных качества человека, которые не дают ему вырваться из круга перерождений: вожделение, ненависть и глупость. Более глубокие мыслители врагом называют человеческое «я». Говорят, хум может означать также сознание, свободное от объективного содержимого, и т. д. и т. п.

Существует также слог, который употребляется по произнесении *Ом мани падме хум!* сто восемь раз — количество повторений отсчитывается с помощью четок. Это слог *хри!* Некоторые считают, что он символизирует скры-

тую за внешней оболочкой внутреннюю реальность, изначальную суть вещей.

Кроме *Ом мани падме хум!* тибетцы повторяют и формулу *Ом ваджра саттва*, что означает «Ом, непревзойденный (алмазный)!». Очевидно, «непревзойденный» — это Будда. Красношапочники восхваляют основателя их секты Падмасамбхаву частыми повторениями *Ом ваджра гуру падма сиддхи хум!* («Ом, непревзойденный великий гуру Падма-чудотворец, хум!»).

Среди более длинных формул широкой известностью пользуется та, что именуется «Кьябдо»*. Это уже чисто тибетская формула, смысл которой прост, но ни в коем случае не банален. Звучит она так:

— Я обретаю убежище во всех священных обителях. О отцы и матери (прародители), в облике разумных существ шести различных видов блуждающие по кругу перерождений! Чтобы достичь нирваны, где нет ни страха, ни печали, обратите ваши помыслы к просветлению.

Эту формулу часто сообщают начинающим, чтобы они повторяли ее в самом начале *цама*. Но ее можно повторять и просто так — слова эти всем известны. Считается, что произносить их похвально в любой ситуации, они всегда будут эффективны. Поэтому во время путешествия в Лхасу именно такое заклинание я проговаривала, когда переставала монотонно повторять *Ом мани падме хум*, считая за лучшее напустить на себя вид человека, предающегося благочестивому занятию. Таким способом я избегала надоедливых разговоров и нескромных вопросов, которые могли бы раскрыть мое инкогнито.

* «Обретение пристанища».

Обычный «кьябдо-цамс» предполагает, что человек уединяется в отдельной хижине или даже в собственной комнате и сто тысяч раз повторяет приведенную выше формулу, столько же раз простираясь на земле ниц. Необязательно повторять именно эти слова — их можно заменить другими.

Земной поклон у тибетцев бывает двух разновидностей. Одна из них очень похожа на китайский церемониал «гоудоу». Разница лишь в том, что, перед тем как преклонить колена, человек поднимает руки над головой и, соединив ладони, проводит ими около лба, рта и сердца.

Тибетец трижды кланяется подобным образом, когда видит священные изображения в храмах, когда приветствует высокопоставленных лам, своего гуру, священные книги и священные сооружения.

Другой тип поклонов, называемый *кьянг чаг*, заимствован у индийцев: человек ничком ложится на землю. Используется он в *кьябдо* и еще нескольких сугубо религиозных практиках.

Те *цамсна*, которые стремятся получить титул *чагбум*, повторяют формулу *кьябдо* сто тысяч раз и отвечают столько же земных поклонов, касаясь лбом земли или, если они находятся у себя в комнате, пола. От соприкосновения с жесткой поверхностью на лбу у них образуются шишки и даже синяки. По этим характерным признакам знающие люди определяют, успешно ли прошел ритуал.

Если *цамсна* считает, что достиг в *кьябдо* совершенства, он приступает к дыхательным упражнениям. Эти упражнения заключаются в том, что человек принимает различные, часто весьма необычные позы и учится задерживать

дыхание на вдохе и выдохе*, по-разному вдыхать и выдыхать воздух.

Часто *цамсна* тренируются в обнаженном виде, и по очертаниям, которые во время упражнений принимает их живот, можно судить о степени их мастерства.

Считается, что кроме результатов, ощутимых физически, — они были описаны в предыдущей главе, — с помощью дыхательной гимнастики можно побороть гнев и любые страсти, преодолеть чувственные желания, а также обрести покой, подготовить сознание к медитациям и активизировать духовную энергию.

«Дыхание — это быстроногий скакун, а разум — наездник», — говорят тибетские мистики. И совсем не безразлично, хорошо ли тренирован скакун. Но и дыхание, в свою очередь, оказывает влияние на физическую и умственную активность. Исходя из этого, было выделено два различных метода: более легкий, когда с помощью дыхания контролируют мозг, и более сложный, когда уже голова регулирует дыхание.

Затворник часто дополняет дыхательные упражнения, которые он повторяет по несколько раз, медитациями-созерцаниями с *кьилкхорами*** . Особо важное и видное место *кьилкхоры* занимают в магических ритуалах, называемых *дубтхабами* («методами достижения успеха»).

Кьилкхоры — это схемы, нарисованные на бумаге или на ткани; случается, их гравировать на камне, металле или вырезают на дереве. Иные *кьилкхоры* составляют с помощью маленьких флажков, алтарных ламп, благовонных

* Имеется в виду, что после выдоха некоторое время нужно не вдыхать воздух. Такое состояние называется «быть пустым».

** Пишется *дкьилкхор*.

палочек и сосудов, наполненных зерном, водой и т. п. Существа, которые, как считается, обитают в *кьилкхоре*, и все, что им принадлежит, обозначают пирамидальными лепешками, именуемыми *торма*.

Разноцветные *кьилкхоры* рисуют также на полу и стенах храма. Я видела несколько таких рисунков — их диаметр был около двух метров.

Само слово *кьилкхор* означает «круг», однако среди многочисленных разновидностей этих изображений бывают и квадратные. *Кьилкхоры*, используемые в ритуалах черной магии и для укрощения злобных духов, имеют треугольную форму.

Монахи, желающие досконально овладеть искусством составления *кьилкхоров*, годами изучают основные его положения. Умению конструировать *кьилкхоры* учат в одном из четырех училищ, существующих в больших монастырях: составление *кьилкхоров* — часть официальных ламатских магических ритуалов. Что же касается тайных *кьилкхоров*, применяемых в различных мистических техниках и черной магии, то каждый изучает их в частном порядке со своим учителем.

Малейшая ошибка в составлении *кьилкхора* или в местоположении в нем *торм* может иметь самые пагубные последствия, поскольку такой рисунок — это магический инструмент, и с тем, кто пользуется им неумело, он расправляется достаточно сурово.

Более того, к составлению *кьилкхоров* может приступать лишь тот, кто уполномочен на такое действие и прошел надлежащее посвящение; соответствующего посвящения требует каждый новый вид священных изображе-

ний. Изображение, составленное непосвященным, не оживает и не имеет никакой силы.

Очень немногие понимают символику *кьилкхоров* и знакомы с теориями, обосновывающими их применение в оккультных техниках.

Ясно, что в *цамс-кхангах* могут быть составлены лишь упрощенные варианты *кьилкхоров* — для больших и сложных изображений в этих домиках просто нет места.

По всей видимости, в начале духовного воспитания наставник показывает ученику, как сконструировать такой *кьилкхор* (*ртен*), который поможет лучше сконцентрироваться во время медитации.

Приведу одно из наиболее часто практикуемых послушниками упражнений. Выполнять его можно как с *кьилкхором*, так и без него.

Человек вызывает в воображении облик божества. Сначала только оно одно предстает перед внутренним взором медитирующего; затем из тела этого бога появляются другие божества, похожие или непохожие на первое. Чаще всего их бывает четверо, но случаются медитации, где это число может доходить и до нескольких сот. Иногда их бесчисленное множество.

Когда все действующие персонажи окружают центральную фигуру и их очертания становятся отчетливо видны, первое божество снова словно бы поглощает их. Оно опять остается в одиночестве и постепенно растворяется в воздухе. Сначала исчезают ноги, потом все тело и, наконец, голова. Остается лишь маленькая точка. Она может быть темной, цветной, может просто светиться. Учителя-мистики истолковывают ее как показатель духовного роста учеников.

Эта точка приближается к тому, кто смотрит на нее, и растворяется в этом человеке. Нужно запомнить часть тела, в которой она якобы исчезла. После всего этого следует сеанс медитации; такое упражнение можно повторять неограниченное количество раз.

Вместо божества можно представить лотос. Он медленно раскрывает лепестки, на каждом из которых стоит бодхисаттва; один из бодхисаттв сидит на троне в самой сердцевине цветка. Но вот лотос закрывается; от каждого лепестка исходит луч света, тонуший в середине цветочной чашечки. Когда он закроется совсем, свет покинет его сердцевину и проникнет в медитирующего.

Подобных практик довольно много.

На этом этапе останавливается немало новичков. Все эти видения описаны здесь довольно сухо и прозаично, читателю они могут показаться даже нелепыми. Но после того, как монах несколько лет практикуется в их представлении, они открывают ему свои многочисленные и самые неожиданные грани, становящиеся компонентами некоей завораживающей мозаики.

Затворник видит такие зрелища, которые могут сравниться с прекраснейшими постановками волшебных сказок. Если эти видения способны очаровать даже тех, кто осознает их иллюзорную природу, то совсем не удивительно, если у зрителей, принимающих богоподобных актеров за реально существующих, они вызовут бурный восторг.

Впрочем, такие упражнения созданы совсем не для того, чтобы изумлять отшельников. Настоящая их цель — дать понять ученику, что все миры и все то, что он ощущает, — не что иное, как плод его воображения, самый обычный мираж.

Порождает их сознание,
И в сознании они растворяются.

В этом положении заключена основная идея учения тибетских мистиков.

Если же говорить о монахе, который, вместо того чтобы жить в монастыре под руководством одного из монастырских лам, решился поступить в ученики к отшельнику-созерцателю *налджорне*, то здесь ситуация совершенно иная. Методы обучения у *налджорн*, как мы помним по предыдущей главе, довольно необычны, а иногда даже жестоки.

Последователи *Короткого Пути* уделяют особенное внимание триединству «наблюдения, размышления и понимания»; во время обучения вся умственная энергия учеников идет на то, чтобы продвинуться от одного из этих этапов к другому. Используемые при этом средства иногда представляются стороннему наблюдателю несколько необычными, но если поинтересоваться, какую именно цель поставил перед собой затворник, они начинают казаться не такими уж нелепыми. Очевидно и то, что люди, когда-то составлявшие эти своеобразные методики, прекрасно разбирались в особенностях внутреннего мира собратьев по религии и, конечно, учли эти особенности в своих разработках.

Говорят, Падмасамбхава так описал ступени мистического пути:

1. Как можно больше читать о разных религиях и направлениях в философии. Прислушиваться, что говорят о разных доктринах ученые мужи, и самому перепробовать многие из них.

2. Подобно орлу, выдергивающему овцу из отары, выбрать из всех учений одно-единственное.
3. Оставаться кротким, вести себя скромно, не пытаться возвыситься в глазах людей. В то же время за этой внешней незаметностью пусть будет дух, парящий высоко над мирской силой и славой.
4. Быть безразличным ко всему на свете. Держаться так, как ведут себя питающиеся чем придется собака или свинья. Не проводить никакого различия между предметами материального мира. Ничего не избегать и ни к чему не стремиться. С одинаковым равнодушием принимать богатство и нищету, похвалу и презрение, никак не различать добродетель и порок, благородство и низость. Не сокрушаться и не раскаиваться ни в чем, но и не радоваться, не гордиться своими достижениями.
5. Беспристрастно и невозмутимо принимая во внимание разные точки зрения и разное поведение живых существ, понимать, что таковы природа вещей и способы проявления активности всего живого. Всегда оставаться спокойным. Взирать на мир, как смотрит человек с самой высокой горы на лежащие далеко внизу долины и вершины^{*}.

* Ср. отрывок из *Дхаммапады*: «Побеждая тщеславие вдумчивостью, ученый муж восходит на одну высоту духа за другой и взирает сверху на глупцов. Свободный от всех печалей, он смотрит на страдающих людей, как стоящий на вершине смотрит на обитателей долины». *Дхаммапада* — буддийский текст палийского канона.

6. Считается, что шестую ступень нельзя описать словами. Эта стадия соответствует постижению *Пустоты*^{*}, которая в ламаистской терминологии означает «невыразимую реальность».

Однако ни этот, ни другие планы не помогают свести все разнообразные упражнения, придуманные тибетскими мистиками-анахоретами, в последовательную систему. Кроме того что на практике все эти упражнения смешиваются между собой, каждый лама разрабатывает еще и свой особенный метод воспитания, причем редко случается встретить двух учеников одного наставника, обучающихся по одинаковой программе.

Нужно быть готовым столкнуться с некоторым хаосом в образовании мистиков — этот хаос неизбежен при огромном разнообразии методов и направлений, которое, впрочем, нисколько не смущает гуру — адептов *Короткого Пути*. «Свобода» — девиз высокогорной Земли Снегов. Необычно здесь то, что для учеников дорога полной свободы начинается с полного подчинения. Но это подчинение касается лишь умственных и физических упражнений, а также установленного учителем образа жизни. Никаких догм не существует. Ученик сам выбирает, во что ему верить, в чем сомневаться и что отрицать.

Один лама сказал мне, что роль опытного наставника в *Коротком Пути* заключается в том, чтобы управлять «чисткой». Лама должен подвигнуть ученика на путь освобождения от верований, взглядов, приобретенных привычек и врожденных склонностей, являющихся частью его

* Следует понимать ее как постижение небытия или неизменного «Я», согласно тибетскому высказыванию: «У человека “я” нет; ни в чем нет “я”».

нынешнего существа, а также багажом из предыдущих жизней, начало которых затерялось во мраке времен.

С другой стороны, учитель не должен допустить, чтобы его подопечный взамен прежних убеждений, мыслей и привычек приобрел новые, которые были бы столь же бессмысленны и неразумны.

В *Коротком Пути* учат, как перестать воображать себе что-либо. Если в ходе медитации наставник и велит ученику что-либо представить, то делает он это для того, чтобы юноша с помощью осознанного воссоздания одних ощущений и чувств понял всю иллюзорность других чувств и ощущений, которые люди принимают за чистую монету — а ведь все это тоже лишь плод воображения.

Тибетский реформатор Цзонхава определял медитацию как «средство^{*}, помогающее с корнем вырвать из головы все воображаемое».

В этом выкорчевывании «воображаемого» и сжигании его семян, с тем чтобы и в будущем у человека не возникло никаких сумасбродных идей, и заключается основной смысл упомянутой выше «чистки».

Учителя-мистики особенно настаивают на выполнении двух следующих упражнений.

Первое: внимательное наблюдение за собственными мыслями без всякого вмешательства в них.

Ученик располагается где-нибудь в тихом уголке и старается как можно дольше не придавать своим мыслям никакого направления. Он отмечает спонтанно возникающие у него образы, воспоминания, желания и т. п., наблю-

* Цзонхава употребляет здесь слово *кхунгс*, означающее «источник», «начало». Цитата взята из его сочинения *«Свет на пути»*. Похожее определение встречается и у Патанджали в его *«Йога-сутрах»*.

дает, как появляются новые мысли, а старые тонут где-то в темных глубинах сознания.

Перед его внутренним взором предстают также разные образы, совсем не связанные с тем, что он думает: закрывая глаза, он видит людей, животных, пейзажи...

Во время упражнения он не размышляет о разворачивающемся перед ним действе — он просто следит за непрерывным и переменчивым потоком мыслей, которые кружатся у него в голове, толкаются, борются друг с другом и в конце концов исчезают.

Считается, что ученик близок к достижению цели упражнения, когда с него начнет сползать давно и прочно укрепившаяся личина стороннего наблюдателя. Ученик должен осознать: он тоже актер на этой сумасшедшей сцене. Его нынешнее самонаблюдение, все его поступки и мысли — то, что он называет собой, — не более чем эфемерные пузырьки в водовороте бесчисленного множества таких же пузырьков: они на время соединяются между собой, потом разделяются, потом лопаются, а затем опять возникают на поверхности воды, подчиняясь бешеному ритму.

Цель второго упражнения — упорядочить сознание и сконцентрироваться на чем-либо одном.

Упражнения, направленные на развитие навыков концентрации, показаны абсолютно всем, в то время как наблюдение за мыслями рекомендуется практиковать наиболее развитым в интеллектуальном отношении ученикам.

Тренировки «единонаправленности» мысли характерны для всех буддийских сект.

В южных буддийских странах, таких, как Цейлон, Сиам и Бирма, для этого упражнения придумали специальное приспособление, именуемое *каси́нас*. Это разноцветные глиняные диски, или какая-то круглая емкость, наполненная водой, или же экран с круглой дырочкой, через которую ученик глядит на огонь.

На каждый из этих кругов нужно пристально смотреть до тех пор, пока ученик не будет ясно видеть его и с закрытыми глазами.

Все это проделывают не для того, чтобы войти в гипнотическое состояние, как полагают некоторые западные исследователи, а чтобы сконцентрировать внимание. Если мысленный образ предмета так же ясен и ярок, как реальный предмет, учитель делает вывод, что эффект «единонаправленности» достигнут.

Для тренировки внимания, по мнению тибетцев, подходит все что угодно. Предпочтение следует отдавать тому, что способно привлечь и задержать на себе мысли новичка.

Расскажу известную в тибетских религиозных кругах историю, герой которой успешно справился с таким упражнением.

Юноша попросился в ученики к анахорету-мистику. Отшельник решил начать обучение с упражнений по концентрации внимания.

— Чем ты занимаешься? — спросил он нового ученика.

— Пасу в горах яков, — ответил юноша.

— Вот и славно, — сказал *гомчен*. — Над яком и медитируй.

Новичок отправился в пещеру, которую вряд ли можно было назвать человеческим жилищем (такие укрытия

всегда есть на населенной пастухами территории), и уселся медитировать.

Через некоторое время учитель пошел к пещере и позвал ученика. Услышав голос *гомчена*, юноша встал и собрался выйти из своего первобытного убежища. Но медитация прошла успешно: он полностью отождествил себя с объектом медитации, он забыл, кто он такой, — он почувствовал себя яком. Человек еще смог бы выбраться из пещеры, но для огромного быка выход слишком узок. Пытаясь как-то справиться с воображаемым препятствием, парень крикнул учителю: «Не могу выйти — рога мешают!»

Ко всему связанному с религией тибетцы относятся с большим пиететом, что, впрочем, не мешает им сохранять отменное чувство юмора. Они не упускают случая посмеяться над простодушными новичками, часто попадающими впросак при исполнении упражнений.

Как-то раз, когда я путешествовала в компании *налджорны* из Гартога, мне рассказали следующее.

Однажды, проведя некоторое время с гуру и выслушав его наставления, один ревностный ученик возвращался к себе. В дороге он начал медитировать и, как водится среди усердных учеников, вообразил, что его почтенный учитель сидит у него на голове. Через некоторое время он достиг такой стадии транса, что был совершенно уверен в том, что он несет своего ламу.

Под ногу юноше попал камешек или еще что-то, и он упал. Но степень его концентрации была так велика, что даже падение не нарушило ее. Он поднялся, громко извиняясь:

— Прошу прощения, многоценный. Я так сожалею, что уронил вас! Надеюсь, вы не ушиб... Ой, где же вы?..

И парень помчался на самое дно ущелья проверять, не туда ли, чего доброго, скатился лама.

Другую историю о «ламе на голове» мне поведал лама-*дугна**. Эта шутка более грубая, чем предыдущая, и вполне в духе здоровяков-горцев *дугна*.

Однажды некоей монахине ее духовный учитель велел во время медитации представить, что он сидит у нее на голове. Она послушалась и так хорошо представила своего наставника, что лама — а надо сказать, это был высокий и тучный человек — своим весом причинил ей немалую боль.

Похоже, во всех странах женщины наделены изумительной смекалкой по части того, как выйти сухими из воды. Когда гуру поинтересовался, выполнила ли монахиня его предписания и сидел ли он у нее на голове, монахиня ответила:

— О да, многоценный. Но вы такой тяжелый, что я поменялась с вами местами и сама села вам на голову.

Объектом концентрации сознания в некоторых упражнениях выступает элемент ландшафта — например, сад.

Сначала ученик ходит по саду, исследуя в нем каждую пядь. Он изучает растущие в саду цветы, обращает внимание на их вид, осматривает деревья, оценивает их высоту, запоминает очертания ветвей, листьев — словом, рассматривает все, что только сможет обнаружить.

Когда в голове ученика сложится образ сада, то есть когда перед его закрытыми глазами стоит та же картина, что и перед открытыми, он начинает одну за другой сти-

* Уроженец Бутана.

рать в ней различные детали, которые все вместе и образовывали сад.

Постепенно цветы утрачивают цвет и форму, распадаются на мелкие частицы, падают в грязь и наконец совсем исчезают. На деревьях пропадают листья, ветви укорачиваются, словно втягиваются в стволы, которые становятся очень хрупкими и тонкими как нити, пока совсем не исчезают.

В конце концов вокруг остается лишь голая земля. Послушник должен изъять камни и почву. Затем исчезает и земля...

Говорят, что с помощью подобных упражнений человек изгоняет из головы представления о форме и материале, постепенно достигая таких состояний сознания, как «пустое, безграничное пространство» и «безграничное сознание». На финальной стадии он входит в «область пустоты», а потом — туда, где нет «ни сознательного, ни бессознательного»^{*}.

Эти четыре типа созерцательных медитаций часто упоминаются в ранних буддийских писаниях; все буддийские секты признают их составной частью духовного воспитания. Называются они «бесформенным созерцанием».

Придумано довольно много методов, способных привести человека к подобным состояниям. Бывает, что последние достигаются медитациями, когда монах очищает мозг от всех мыслей. Иногда же приходится заниматься детальным самоанализом или долго размышлять и медитировать над объектами внешнего мира. Также, говорят, есть люди, способные достичь любого из описанных выше

^{*} То есть в не поддающееся описанию состояние, к которому нельзя применить обычные понятия сознательного и бессознательного.

состояний без всякой подготовки, находясь при этом в любом месте и занимаясь любым делом.

Следующее упражнение я уже вкратце описала в истории о человеке, вообразившем себя яком. Но у этого упражнения есть продолжение, о котором герой той истории ничего не знал.

Например, ученик отождествил себя с деревом, выбрав его как объект медитации. Это значит, он забыл, кто он на самом деле, и ощущает то, что, как бы мы сказали, ощущает дерево. Он чувствует, что его тело — это негнувшийся ствол с ветками, чувствует, как ветер шелестит его листвой. Он отмечает, как под землей шевелятся корни, как поднимается вверх сок и т. д.

Перевоплотившись в дерево (ставшее теперь субъектом) не только физически, но и духовно, он должен во всех подробностях изучить сидящего напротив него человека (ставшего объектом).

Проделав это, монах возвращается сознанием в свое тело и медитирует над образом дерева. Через некоторое время, вновь переместившись в дерево, он опять делает человека объектом. Таким образом, субъект медитации много раз меняется местами с объектом.

Это упражнение часто выполняют в помещении перед изваянием ветки — *гом шинг* (деревом для медитации)*. Бывает, в слабо освещенной, а то и в вовсе темной комнате зажигают благовонную палочку — это тоже помогает настроиться на медитацию. Еще раз подчеркну: все это делается не для достижения гипнотического состояния.

* Простая палка, на которую человек смотрит, чтобы сосредоточиться. В качестве *гом шинга* может выступать дымящаяся благовонная палочка.

Приготовления к медитации называются *ньямпар йагна*. Заключаются они в том, чтобы полностью успокоиться и расслабиться — именно ради этого покоя и нужно сконцентрироваться на крохотном пятнышке огня на самом кончике дымящейся палочки.

Когда те, кто занимается созерцанием часто и регулярно, в урочное время садятся на привычное место медитаций, им нередко кажется, будто они сбросили с плеч тяжелую ношу или пришли в тихое, невероятно спокойное место. Это и есть то ощущение освобождения и безмятежности, которое тибетцы называют *ньямпар йагна*, что значит «выровняться», освободиться от гнетущих мыслей и тревог.

Смысл другого, реже практикуемого упражнения, заключается в «перемещении сознания в тело».

Мы ощущаем сознание в «сердце». Руки мы воспринимаем как «приложения» к телу, а ноги вообще кажутся нам далекой периферией. Верхние и нижние конечности, равно как и другие части нашего тела, мы воспринимаем как *объекты* какого-то далекого *субъекта*.

Нужно попробовать переместить «сознание» из его привычного места обитания, например, в руку. Ученик должен почувствовать, что его пять пальцев и ладонь находятся на самом конце длинного соединительного приспособления (руки), прикрепленного к большой движущейся конструкции (телу).

Иными словами, ученик должен испытать ощущение, которое возникло бы у человека, если бы его глаза и мозг оказались не в голове, а на руке, и эта рука получила способность рассматривать голову и туловище снизу вверх —

в противоположность обычной ситуации, когда человек видит свои руки и туловище, глядя вниз.

Какова может быть цель таких странных упражнений? Ответ, который мне давали на этот вопрос, может многих не удовлетворить — тем не менее он вполне правдоподобен.

Некоторые ламы говорили мне, что эту цель невозможно выразить словами: тот, кто не выполнял таких упражнений, не поймет объяснений.

С помощью этих своеобразных упражнений человек достигает совершенно необычного физического состояния. Эти практики заставляют нас выйти за те пределы, которые мы установили для своего «я». В результате мы поднимаемся до постижения многосоставной и непостоянной природы «я», до понимания того, что этого «я» как сущности вообще нет.

Один из лам в подтверждение своей теории ухватился за поданную мной реплику.

Когда он говорил о сердце как о месте, где находится сознание и сосредоточены все мысли, я сказала, что на Западе вместилищем всего этого обычно считают голову.

— Вот видите, — немедленно откликнулся мой собеседник, — чувствовать и осознавать разум можно в разных местах. *Пхилинги* ощущают, что они думают головой; я чувствую сознание в сердце, — почему же не может существовать человек, считающий, что ум находится в ступне? Однако все это лишь обманчивые ощущения, ничего общего с реальностью не имеющие. Сознание — не в сердце, не в голове и не в какой-либо другой части тела. Нет его и вне человека. Вот для того, чтобы люди это поняли, и существуют такие диковинные упражнения.

Здесь мы опять имеем дело с «чисткой». Упражнения подобного рода направлены на уничтожение привычных понятий, обретенных как бы машинально, без размышлений. Нужно доказать человеку, что на месте этих мыслей и убеждений могут быть и другие. Есть надежда, что ученик придет к выводу, что не может быть истины в теоретических построениях, основанных на чувственном опыте, от которого можно отказаться, заменяя его другим, пусть даже противоположным.

Похожих взглядов придерживаются и последователи китайской секты чань*. Выражают они эти воззрения при помощи довольно-таки загадочных фраз:

— Вот облако пыли встает из океана, и слышно, как грохочут волны.

— Я хожу пешком, но сейчас еду на быке.

— Я перехожу через мост. Глядите-ка — не вода течет, а мост.

— Иду с пустыми руками — и вот! — я несу лопату.

И так далее.

Смысл учения секты чань один из ее приверженцев сформулировал так: «Наблюдать Полярную звезду в Южном полушарии». Этот парадокс напоминает слова другого ламы: «Нужно увидеть белое в черном и черное в белом».

Процитирую популярный в Тибете вопрос, который задают ученикам как отшельники, так и философы, живущие в монастырях: «Флаг полощется на ветру. Что движется — флаг или ветер?»

Движется не флаг и не ветер. Движется сознание.

Последователи секты чань утверждают, что эту загадку сформулировал шестой по счету глава их секты. Однажды

* В Японии эта секта называется дзэн.

во внутреннем дворе монастыря он увидел двоих монахов, наблюдавших за развевавшимся на ветру флагом. Один утверждал: «Это флаг реет». Другой возражал: «Это дует ветер». Учитель объяснил им, что их восприятие зависит на самом деле не от ветра и не от флага, а от чего-то, что находится в них самих.

Одни говорят, что подобный способ мышления занесли в Тибет индийцы, другие утверждают, что это были китайцы. Я же могу привести высказывание одного ламы, считавшего, что «бённо проповедовали такое учение задолго до появления в Тибете Падмасамбхавы»^{*}.

Не углубляясь в исследования трансцендентных последствий перемещения сознания в различные части тела, замечу только, что во время выполнения этого упражнения в том месте, куда человек «помещает сознание», возникает чувство тепла.

Трудно определить, действительно ли температура тела в таких случаях повышается или человеку это только кажется. Сама мысль о том, чтобы узнать это, нарушает внутреннюю концентрацию и уничтожает источник тепла. Что же касается наблюдения за другими людьми, то оно вообще невозможно. Тибетские мистики и их ученики совсем не похожи на западных профессиональных медиумов, работающих за деньги и позволяющих изучать производимые ими эффекты. Даже самый нерадивый из учеников *гомчена* изумится, услышав предложение обследовать его. Так и слышу его ответ: «Мне все равно, верите вы или нет, и у меня нет ни малейшего желания в чем-то вас убеждать. Здесь не цирк, и я не фокусник».

^{*} То есть до проникновения в Тибет буддизма.

Жители Востока, если речь идет не о банальных шарлатанах, действительно не склонны устраивать шоу из обретенного ими мистического, философского или оккультного знания. Завоевать их доверие невероятно сложно. Человек, выискивающий сведения о мистиках, может месяцами жить под одной крышей с каким-нибудь ламой, каждый день пить с ним чай и уехать из его дома в твердой уверенности, что лама — обычный неуч, тогда как на самом деле этот человек смог бы ответить на все его вопросы и рассказать многое такое, о чем исследователю и слышать не приходилось.

Я не знаю, объективно ли упомянутое ощущение тепла, однако вырабатывающее его упражнение не раз согревало мне ноги и позволяло в палатке, а то и без палатки, просто на снегу, хорошо выспаться. Правда, если человек не обладает достаточным опытом его выполнения, то оно потребует затрат большого количества энергии и сильно его утомит.

В заключение хочу обратить внимание читателей на то, что слова, переведенные мной как «сознание» и «разум», в тибетском языке имеют несколько иной смысл, чем в английском.

Тибетцы различают одиннадцать типов «сознания», обозначаемых тремя разными словами. Переводить их приходится словами «разум» и «сознание», но в каждом из них заложен разный философский смысл.

Для проверки степени внутренней концентрации на голову погруженного в медитацию послушника иногда водружают маленькую зажженную лампу.

Тибетцы делают лампы из металла или глины: вся конструкция напоминает чашеобразный сосуд, расширяю-

щийся в нижней части — как будто к первой чаше приделана вторая, перевернутая вверх дном. В светильник заливают растопленное масло; фитиль вставляют в маленькое отверстие, просверленное в донце чаши. Остывая, масло затвердевает, после чего лампа готова к использованию.

Пока человек недвижим, такое устройство еще держится у него на макушке, но стоит ему шевельнуться, и лампа тут же падает. А поскольку высокая степень концентрации предполагает полную неподвижность, падение светильника свидетельствует, что медитация не удалась.

Рассказывают, что некий лама поставил на голову ученику лампу и, наведавшись к нему на следующий день, обнаружил юношу в той же позе, но уже без лампы. Светильник, совсем без масла, стоял около ученика. Новичок не понял смысла упражнения и так ответил наставнику:

— Лампа не упала, я сам снял ее, когда масло выгорело и она потухла.

— Если ты действительно сконцентрировал сознание, то как ты мог узнать, что она потухла и что она вообще есть у тебя на голове? — парировал учитель.

Иногда лампу заменяют маленькой чашкой с водой.

Некоторые учителя перед медитацией или сразу после нее велят ученикам перенести с одного места на другое чашку, до краев наполненную водой. Таким способом проверяется уравновешенность сознания. Малейшее волнение духа, чем бы оно ни было вызвано — радостью или печалью, воспоминанием, желанием и т. д., — немедленно проявляется в движении тела. Легчайшее дрожание пальцев передается чашке — и вот уже некоторое количество воды пролито. По тому, сколько раз проливается вода, оп-

ределяют, насколько беспокойно сознание ученика. Такова по крайней мере теоретическая база этого задания.

Принципы таких упражнений, да и сами упражнения, широко известны на Востоке. В Индии о них ходят забавные истории. Расскажу одну из них.

У одного *риши** был ученик, который, как считал сам *риши*, достаточно далеко продвинулся по пути духовного совершенствования. Наставник отправил его к славному Джанаке, царю-мудрецу, думая, что тот сможет научить юношу еще чему-нибудь. Сначала Джанака несколько дней продержал новоприбывшего у дверей своего дворца, не позволяя ему войти даже во внутренний двор. Но хорошо воспитанный ученик хоть и принадлежал к знатному роду, даже виду не подал, что огорчен, обижен или недоволен таким унижительным обхождением.

Наконец царь принял его. Едва ученик зашел в тронный зал, ему вручили наполненную до самых краев водой чашку, с которой ученик должен был пройти по периметру всего помещения.

Джанаку, хоть он и был равнодушен ко всем мирским прелестям, окружало истинное восточное великолепие. Стены огромного зала сверкали золотом и самоцветами, одежды придворных были усыпаны драгоценностями, а улыбавшиеся юному путнику полураздетые танцовщицы — прекрасны, как богини.

Несмотря ни на что, ученик прошел испытание, не пролив ни капли воды. Ничто из увиденного не всколыхнуло его сознание.

* Мудрец; нередко обладающий сверхъестественными способностями.

Со словами, что юноше больше ничему не нужно учиться, Джанака отослал его назад к гуру.

Тибетцы знают и о *кхорлосах* («колесах»), одном из основных понятий в индийском тантризме. Наиболее вероятно, что эти сведения проникли в Тибет из Индии или Непала. Правда, ламаистское толкование *кхорлосов* во многом отличается от индуистского.

Считается, что *кхорлосы* — это энергетические центры, расположенные в различных частях тела; их еще называют «лотосами». Практики, связанные с *кхорлосами*, относятся к сфере эзотерического образования. Общая цель разнообразных техник, где задействованы *кхорлосы*, — обратить поток энергии в высший лотос *дабтонг*, расположенный на темени, а ту энергию, которая обычно по-животному проявляется в сексе, направить на развитие умственных и сверхъестественных способностей.

Кроме лам из секты дзогчен, почти никто не может обучить этим техникам.

Существует методика, по которой ученик должен созерцать небо и ничего больше не делать. Бывает, что человек ложится навзничь, чтобы видеть только небесный свод. Говорят, что такая медитация и те мысли, которые она порождает, стирают в его сознании понятие индивидуальности, и человек переживает непередаваемое чувство единения со Вселенной.

Ламы не оспаривают тот факт, что большинство из этих мудреных упражнений полезны. Но в посвященных им книгах или в устных объяснениях учителей-мистиков нередко можно заметить скрытое раздражение. Учитель словно бы говорит: «Да, все они нужны, быть может даже необходимы, для большинства новичков — но только в

качестве подготовки к достижению настоящей цели». Давайте же поторопимся и покончим с подготовительным этапом.

С помощью приведенной ниже методики человек может ближе подобраться к этой цели — во всяком случае, принцип действия этого упражнения более понятен.

Учитель велит ученику уединиться в *цамсе* и медитировать — созерцать своего *идама* (бога-покровителя).

Послушник уединяется и концентрируется на образе *идама*, вызывая в воображении знакомый по книгам и рисункам облик божества. Он также повторяет определенные магические заклинания и составляет *кьилкхор*. Цель упражнения — побудить *идама* явиться поклоняющемуся ему ученику (по крайней мере такую цель перед новичком ставит учитель).

Ученик прерывает медитацию лишь для того, чтобы поесть* и немного поспать. Нередко затворник даже не ложится спать, а только дремлет в *гамти***.

Так проходят месяцы и даже годы. Учитель время от времени спрашивается о достигнутых послушником успехах. Наконец настает день, когда ученик сообщает, что его усилия увенчались успехом: он видел *идама*. Как правило, это видение бывает смутным и длится очень недолго. Учитель говорит, что такой успех весьма обнадеживает, но это еще не окончательный результат: желательно, чтобы затворник дольше пребывал в благословенном обществе своего покровителя.

* Как правило, отшельник ест один раз в день, но чай с маслом может пить несколько раз. Некоторые аскеты во время затворничества питаются лишь прожаренной ячменной мукой и водой.

** См. окончание гл. II.

Ученику-налджорне остается лишь согласиться и дальше продолжать попытки увидеть *идама*. Опять проходят месяцы и годы. И вот *идам*, если можно так выразиться, «зафиксирован». Он поселяется в *цамс-кханге*, и затворник всегда его видит в центре *кьилкхора*.

— Вот это хорошо, — говорит наставник, когда ученик сообщает о своем успехе, — но тоже еще не все. Ты должен больше расположить *идама* к себе. Продолжай медитировать, пока не коснешься головой его ног и пока он не заговорит с тобой и не дарует свое благословение.

Можно сказать, что предыдущие стадии, хоть и заняли много времени, все же были наиболее легкой частью упражнения. Сейчас успеха достичь уже намного труднее, и в выполнении этого задания преуспевают очень немногие.

Тот, кому удалось справиться с поставленной задачей, наблюдает, как *идам* оживает. Ученик ясно ощущает прикосновение его ног, когда, упав перед ним ниц, кладет на них голову. Послушник чувствует и тяжесть его ладоней, когда *идам* благословляет его, видит, как бог поводит глазами, шевелит губами, говорит... Но вот *идам* покидает *кьилкхор* и начинает прохаживаться по *цамс-кхангу*.

Это опасный момент. Когда гневных полубогов или демонов вызывают так, как послушник вызвал *идама*, им никогда нельзя позволять выходить из *кьилкхора*, чьи стены делают этих существ пленниками. Если освободить их раньше положенного срока, они могут отомстить человеку за то, что тот заставил их войти в этот напоминающий тюрьму священный круг. Что же касается *идама*, то лик его может быть ужасен, а сила действительно устрашающей, но все же это существо не опасно, поскольку затворнику удалось снискать его расположение. Поэтому чудище мо-

жет свободно бродить по *цамс-кхангу*. Еще лучше, если *идам* выйдет наружу. Помня наставления учителя, послушник осведомляется, не желает ли божество выйти вместе с ним из *цамс-кханга*.

Это самое трудное. Зримый и ощутимый в полумраке отшельничьей хижины, пропитанной запахом благовоний, где действуют порожденные длительной концентрацией сознания оккультные силы, не исчезнет ли фантом *идама*, когда очутится в совершенно иной среде, на ярком свету, ничем не защищенный от влияния враждебных ему сил?

На этом этапе отсеивается еще некоторое количество учеников. Большинство *идамов* отказываются выходить на свежий воздух. Они упорно не желают покидать темный угол *цамс-кханга*. Иногда, рассердившись, они мстят за то, что их вовлекли в этот дерзкий эксперимент. С некоторыми анахоретами происходят странные случаи. Другим же удастся выманить *идама* наружу, и после этого они уже всегда ощущают его присутствие.

— Ты достиг поставленной цели, — говорит наставник ликующему ученику, — и мне больше нечему тебя учить. Теперь к тебе благоволит покровитель, более могущественный, чем я.

Некоторые ученики благодарят ламу и, гордые полученным результатом, возвращаются к себе в монастырь или становятся затворниками, проводя остаток жизни в забавах с фантомом.

Другие же, терзаясь душевной мукой, падают к ногам гуру и каются в страшном грехе: им в сердце закрались сомнения, прогнать которые никак не получалось. Даже когда *идам* говорил с ними, когда он к ним прикасался,

этим ученикам казалось, что все это какая-то фантасмагория, которую они сами же и выдумали.

Учителя такое признание огорчает. Неверующий должен вернуться в *цамс-кханг* и повторить все упражнение сначала, чтобы преодолеть свой скептицизм, проявив который ученик поступил очень неблагодарно по отношению к симпатизировавшему ему *идаму*.

Если вера однажды пошатнулась, она вряд ли снова станет крепкой. На Востоке к духовным учителям относятся с огромным почтением, но если даже это уважительное чувство не станет для ученика сдерживающим фактором, он может поддасться соблазну бросить религиозную деятельность и после столь долгого обучения станет материалистом. Но случается такое очень редко, поскольку, даже усомнившись в реальности *идама*, ученик никогда не ставит под вопрос мудрость учителя.

Через некоторое время ученик вновь признается все в том же — на сей раз его сомнение еще отчетливей. Он даже не сомневается, он совершенно уверен, что *идам* — это порождение его собственного сознания, что у этого божества нет никакого иного существования кроме того, что даровано ему самим послушником.

— Именно это ты и должен был понять, — говорит ему учитель. — Боги, демоны и вся Вселенная — только мираж, существующий лишь в сознании, «порождаемый сознанием и растворяющийся в нем»^{*}.

* Высказывание, часто повторяемое тибетскими мистиками.

ГЛАВА VIII

КАК ТИБЕТЦЫ ОБЪЯСНЯЮТ ПАРАНОРМАЛЬНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

В предыдущей главе уже было упомянуто несколько случаев, которые могут быть расценены как паранормальные явления. Очевидно, небесполезно вновь поднять этот вопрос, поскольку за рубежом широко распространено мнение о Тибете как о крае, где чудеса случаются на каждом шагу.

Однако, что бы там кому ни казалось, настоящие диковинки в Тибете происходят совсем не часто. Не надо забывать, что наблюдения, изложенные мною в сжатом виде на нескольких страницах, — результат исследований, длившихся более десяти лет.

Издревле Тибет известен как волшебная земля мудрецов и магов. Еще в добуддийскую эпоху индийцы взирали на Гималаи с благоговейным трепетом и слагали удивительные истории об укрытом облаками загадочном крае, лежащем с северной стороны высоких заснеженных хребтов.

Китайцев своеобразие дикого тибетского края тоже, очевидно, впечатляло. По одной из легенд, великий китайский философ-мистик Лао-цзы в конце своей долгой

жизни сел на быка и отправился в таинственную страну. Он пересек границу, да так никогда и не вернулся. То же самое иногда рассказывают о Бодхидхарме и о нескольких его учениках-китайцах, последователях буддийской секты медитации (секты чань).

Даже в наши дни можно увидеть индийских паломников, взбирающихся на ведущие в Тибет перевалы. Идут они медленно, как во сне, словно загипнотизированные какими-то видениями. Если спросить их о цели паломничества, почти все ответят, что хотят умереть на тибетской земле. И очень часто холод, голод, высота и усталость способствуют тому, чтобы их мечта исполнилась.

Чем же можно объяснить такую притягательную силу Тибета?

Несомненно, больше всего людей интригует репутация Земли Снегов как края магов и чародеев, где каждый день происходят чудеса. Но тогда возникает вопрос, почему именно Тибет считается страной тайного знания и сверхъестественных явлений.

Возможно, наиболее очевидной причиной является уже упоминавшаяся удаленность Тибета от остального мира: он со всех сторон окружен труднопроходимыми горными хребтами и пустынями.

Люди, вынужденные отказываться от дорогих сердцу грез, поскольку последние несовместимы с окружающей суровой и прозаичной действительностью, жаждут переместить их в более подходящую для идеальных образов волшебную страну. За неимением другого места, люди населяют своими мечтами небесные сады и прочие кущи; с куда большей охотой, однако, они разместили бы их на земле. Именно такую возможность предоставляет Тибет.

Он обладает всеми признаками истинной страны чудес. Думаю, не будет преувеличением сказать, что тибетские пейзажи во всех отношениях превосходят то, что могут вообразить изобретательные архитекторы божественных и демонических миров.

Никакими словами невозможно даже приблизительно описать торжественное величие, тихую красоту, завораживающее очарование и повергающую в трепет первозданность великолепных тибетских пейзажей.

Путешествуя по пустынным высокогорным плато, путник часто чувствует себя незванным гостем. И он подсознательно замедляет шаг, понижает голос, а на случай появления какого-нибудь сверхъестественного существа, хозяина этих мест, с губ странника всегда готовы сорваться слова извинения за незаконное вторжение.

Простые крестьяне и пастухи, хоть и родились в этих краях, тоже подпадают под сильное влияние окружающей среды. Их первобытное сознание преобразует полученные впечатления в образы фантастических полубогов и разнообразнейших духов, которыми простой люд населяет пустынные просторы Тибета и о чьих эксцентричных выходках слагаются бесчисленные истории, пополняющие сокровищницу и без того богатейшего фольклора.

Есть во всем этом и другая сторона: подобно древним пастухам-халдеям с берегов Евфрата, наблюдавшим звездное небо и положившим начало астрономии, тибетские отшельники и странствующие шаманы тоже много размышляли о загадках своей таинственной земли и обнаружили, что их край благоприятствует проявлению различных феноменов. Именно из этих размышлений возникли со временем необычайные умения и навыки; маги из лежа-

щей за Гималаями северной страны были известны и почитаемы в Индии уже много столетий назад.

Хоть Тибет и обособлен от остального мира, нельзя сказать, что он полностью закрыт для иностранцев, — могу засвидетельствовать лично, что это не так. Я несколько раз попадала через гималайские перевалы на южные плато этой страны, годами путешествовала по ее восточным провинциям и северному Чан-тангу, а во время последней поездки пересекла весь Тибет от его юго-восточных границ до Лхасы. Если бы не изоляционистская тибетская политика, такое вполне мог бы проделать любой другой здоровый человек, не боящийся трудностей.

Конечно, в Тибете побывали очень многие индийцы, непальцы, китайцы, а также путешественники других национальностей — особенно после принятия Тибетом буддизма. Они видели, как удивительно расположена эта страна, и слышали о сверхъестественных возможностях, которыми якобы обладают *дубтобы*. Быть может, кто-то из путешественников общался с ламами или магами бёнпо и что-то узнал о мистическом учении отшельников-созерцателей. Рассказывая после путешествия о своих впечатлениях, кое-что они обязательно преувеличивали, и это наряду с уже упомянутыми причинами и менее значительными обстоятельствами тоже способствовало образованию особой чарующей атмосферы, которая окутывает эту страну в наши дни.

Означает ли это, что слава Земли Снегов как страны, где постоянно случаются чудеса, ни на чем не основана? Придерживаться этой точки зрения было бы такой же ошибкой, как и безоговорочно принимать на веру все

услышанное от тибетцев или от некоторых изобретательных шутников-иностранцев.

Самое лучшее здесь — стать на довольно необычную точку зрения, предложенную самими тибетцами. Никто из них не отрицает, что такие события возможны, но никто и не относится к ним как к чудесам — в том смысле, какой вкладывают в это слово европейцы, считающие чудо *сверхъестественным* явлением.

Тибетцы действительно не видят во всех подобных феноменах ничего сверхъестественного. Так называемые чудеса, по их мнению, не более необычны, чем какие-либо повседневные дела, и зависят они лишь от умелого управления малоизвестными законами и силами.

То, что в какой-нибудь другой стране приняли бы за чудо или за случайное вмешательство существ из другого мира, посвященные в тибетское тайное знание* считают обычными психическими явлениями.

Вообще говоря, тибетцы различают два вида таких явлений:

1. Явления, вызванные *неосознанными* действиями одного или нескольких человек. В этом случае тот (или те), кто стал причиной возникновения какого-либо феномена, действует бессознательно и, следовательно, не имеет никакой четко очерченной цели.
2. Явления, вызванные *сознательно*, с некоей определенной целью. Как правило — но здесь бывают и исключения — в таких случаях действует кто-то один.

* Как уже, возможно, отмечалось, «тайное знание» следует понимать не как эзотерическое буддийское учение, а как традиционное знание и традиционные методы достижения цели — эта цель не обязательно должна лежать в духовной области.

Этот «кто-то» может быть как человеком, так и представителем одного из тех шести видов разумных существ, которые, по мнению ламаистов, тоже обитают в нашем мире*. Но кем бы он ни был, он действует по одному и тому же принципу, в соответствии с определенными естественными законами. Никакого чуда здесь нет.

В этой связи интересно заметить, что тибетцы — убежденные детерминисты. Они считают, что любое желание возникает в результате переплетения множества причин, часть из которых связана с самим желанием довольно тесно, иные же — весьма отдаленно.

Я не буду подробно останавливаться на этом вопросе, поскольку он не относится к рассматриваемой нами теме. Следует лишь помнить, что, по мнению тибетцев, всякий феномен, произведенный сознательно или неосознанно, а также всякое физическое или умственное действие — результат сочетания разнообразных факторов.

Наиболее очевидными из этих факторов являются те, которые порождают в сознании субъекта того или иного действия осознанное желание это действие совершить. Сюда же тибетцы относят и те факторы, которые, будучи даже для субъекта *неизвестными*, задействуют некие силы, повлиявшие на его решение поступить тем или иным образом. Оба эти вида причин именуются *гью*, «непосредственной, или основной, причиной». Затем идут внешние по отношению к действующему лицу факторы, которые

* См. стр. 329.

могли способствовать совершению им поступка, — все они называются *кьен**.

Внешние причины часто бывают представлены своими «производными»**. Эти «производные» представляют собой следствия каких-то прошлых мыслей или поступков — причем вовсе не обязательно исходивших от субъекта действия.

Таким образом, говоря о концентрации мысли как о непосредственной причине какого-либо явления, не следует забывать, что, во-первых, по мнению тибетских мистиков, эта концентрация отнюдь не спонтанна, а обусловлена определенной причиной, а во-вторых, кроме этой прямой и очевидной причины, существует еще множество других, второстепенных факторов, в равной мере явившихся подоплекой данного явления.

Секретом же духовного воспитания тибетцы считают развитие способности сосредоточиваться: благодаря должным образом направленным действиям эта способность проявляется еще ярче, чем даже у тех, кто щедро ею наделен от природы.

Учителя-мистики утверждают, что концентрация сознания порождает волны энергии, которые можно направить на что угодно. Термин «волны» здесь целиком мой. Я употребляю его для пущей ясности, а также из-за того, что, как скоро убедится читатель, тибетцы действительно име-

* Например, семя — это *ргью* растения; почва и все содержащиеся в ней вещества, вода, воздух, солнце, посеявший семена садовник и т. п. — его *ркьен* (произносится *гью* и *кьен*).

** По-тибетски *ригс*. Так, молоко присутствует в масле или сыре, семя — в выросшем из него дереве. Тибетцы любят использовать такие иллюстрации.

ют в виду некие силовые «потоки» или «волны» — правда, называют они их просто *шугс* или *цал*^{*}, то есть «энергией». По их мнению, эта энергия вырабатывается при любом физическом или мысленном действии (согласно буддийской классификации — действию сознания, речи или тела). То, каким будет психическое явление, зависит от мощности энергии и от того, куда ее направят.

Этими волнами можно зарядить какой-нибудь предмет. Тем самым он превращается в некое подобие электрического аккумулятора и может потом тем или иным способом отдавать ее. Например, он может повысить уровень жизненной энергии того, кто его коснется, сделать этого человека более мужественным и т. д.

Для достижения своих целей тибетцы нередко прибегают к практикам подобного рода. Многие ламы заготавливают пилюли, святую воду, шарфы с узлами, листы бумаги или полотнища ткани с написанными на них заклинаниями. Все это предназначено для того, чтобы вдохнуть в человека силу и здоровье, предотвратить несчастные случаи, отогнать злых духов, грабителей, отвести пули и тому подобное.

Чтобы зарядить предмет благотворной силой, лама, прежде чем сконцентрироваться на нем, должен очиститься с помощью надлежащей диеты. На эти приготовления иногда уходит несколько недель или месяцев. Впрочем, если речь идет о заколдованном шарфе, то узлы на нем завязывают и освящают всего за несколько минут.

Сообщаемая объекту энергия словно оживляет его. Неодушевленный предмет обретает способность двигаться и выполнять приказы того, кто вдохнул в него жизнь.

* Пишется *рцал*.

Говорят, что *нгагсна* прибегают к подобным вещам, когда хотят кого-то изувечить или убить, — при этом никто и не подозревает, что они имеют какое-то отношение к несчастному случаю.

Приведу пример того, как действует маг. *Нгагсна* берет предмет, который хочет оживить, — скажем, предназначенный для убийства кинжал — и на какое-то время уединяется с ним; иногда такое уединение длится несколько месяцев. Он садится перед кинжалом и концентрирует на нем свои мысли, пытаясь передать неодушевленному предмету свое желание убить того или иного человека.

Свое сосредоточение *нгагсна* часто сопровождает различными ритуалами. Их цель — усилить поток энергии, порожденной магом и влитой в кинжал. Также *нгагсна* просит более могущественных, чем он, существ добровольно помочь ему или же насильно подчиняет их себе и принуждает присовокупить их энергию к энергии оружия.

Эти «существа» часто имеют демоническую природу. Но если убийство является праведным деянием*, совершающимся ради всеобщего блага, то могут быть призваны возвышенные и добрые создания — их умоляют прийти на помощь, но никогда ни к чему не обязывают. Некоторые *нгагсна* считают, что полезно прикоснуться кинжалом к тому человеку, которого они хотят убить, или к его вещам.

Некоторые искушенные в черной магии только смеются над такими ребяческими забавами, заявляя, что те, кто

* Как в случае с царем Гесером из Лина, истреблявшим чудовищ, или с убийством царя Лангдхармы, который хотел вернуть в Тибет добуддийский шаманизм. В этом ламаизм расходится с ортодоксальным буддизмом, осуждающим любые убийства.

занимается подобными вещами, демонстрируют полное невежество в вопросе о причинах якобы случайных смертей или увечий.

Когда колдун решает, что кинжал готов к использованию, он кладет его в поле зрения намеченной жертвы: рано или поздно этот человек возьмет оружие в руки. Как только это произойдет, кинжал оживет, мгновенно передаст импульс держащей его руке и жертва сама себя им ударит.

Говорят, что оживленное однажды оружие становится опасным для *нгагсна*, который тоже может от него пострадать, если только не окажется достаточно умелым и ловким.

Не исключено, что следствием длительного уединения и сложных ритуалов, исполняемых магом, может явиться феномен самовнушения. Поэтому совсем не удивительно, если с *нгагсна* что-то случится. Тем не менее несчастные случаи можно объяснить не только вмешательством демонов и духов, но и эффектом, сходным с тем, который предположительно возникает, когда сотворенный магом фантом выходит из-под контроля своего создателя.

Относительно описанных выше случаев некоторые ламы и бёнпо говорили мне, что это заблуждение — думать, будто кинжал в самом деле оживает и умерщвляет человека. По их словам, жертва, подпадая под влияние концентрированных мыслей колдуна, сама себя гипнотизирует и сама себя убивает.

Несмотря на то что *нгагсна* ставит перед собой цель только оживить кинжал, образ оружия в его мозгу тесно связан с образом человека, против которого направлен ритуал. А поскольку человек может лучше, чем кинжал, воспринимать излучаемые магом «волны», он невольно

подпадает под их влияние. Потом, когда он берет в руки заготовленный магом кинжал, вид оружия и само прикосновение к нему включают внушенную жертве помимо ее воли программу действий, заставляя вонзить лезвие себе в грудь.

Более того, тибетцы уверены, что искушенные в тайном знании могут даже с большого расстояния, не прибегая к посредничеству какого-либо предмета, навеять человеку (и не только человеку) мысль о совершении самоубийства тем или иным способом.

Они единодушны в том, что повредить подобным образом тому, кто владеет паранормальными способностями, невозможно, поскольку он сразу обнаружит направленные на него «волны», распознает их природу и отправит обратно, переадресовав тому, кого сочтет своим недоброжелателем.

Порожденная концентрацией мысли энергия может быть без помощи материальных предметов переправлена на более или менее значительное расстояние. Проявиться она может по-разному — например, стать причиной какого-либо необычного явления или же перенести выработанную магом силу в заранее заданную точку.

Считается, что при совершении ритуалов *ангкур* учителя-мистики осуществляют именно такую передачу энергии.

Об этих ритуалах и о духе, которым они пропитаны, можно говорить очень долго. Объем книги не позволяет дать исчерпывающий анализ теории и практики мистического ламаизма, и на этот раз я вынуждена исключить из повествования много интересного. Ограничусь лишь несколькими словами.

Ламаистский *ангкур* (буквально «наделение властью») — это не «посвящение», однако за неимением в английском языке подходящего слова я иногда называю его и так. *Ангкуры* не подразумевают посвящения в эзотерическое знание, как инициации у древних греков или других народов, — они имеют суточно оккультный характер. Предполагается, что во время этого ритуала от учителя — или из некоего таинственного вместилища силы — передается энергия ученику, способному «улавливать» психические волны.

По словам ламаистов-мистиков, *ангкур* открывает ученику доступ к энергии, а вот сможет ли он усвоить ее, взять ее себе, зависит от его личных способностей.

Я говорила об этом с некоторыми посвященными мистиками, и они определили *ангкур* как «особую возможность», предоставляемую ученику с тем, чтобы он смог «наделить властью» сам себя.

Учителя-мистики, как говорят, пользуются этим же способом, когда на расстоянии хотят подбодрить или укрепить учеников, передав им волны своей энергии.

Не всегда цель магов — подпитать энергией того, на кого направлены волны. Бывает, что эти волны забирают у живого существа часть энергии. Возвратившись с ловко украденной энергией, они вместе с добычей снова поглощаются тем, кто их породил.

Ходят слухи, что с помощью похищенной у других энергии некоторые маги обретают большую силу или продлевают себе жизнь.

Тибетские мистики утверждают также, что те, кто хорошо развил способность сосредоточиваться, могут визуализировать представляемые ими образы и создавать

разнообразные фантомы: людей, богов, животных, неодушевленные предметы, пейзажи и так далее.

Вспомним то, что уже было сказано о *тулку** и о бесчисленном множестве фантомов, которых, по словам да-лай-ламы, может создавать *чангчуб семспа***.

Эти фантомы не обязательно должны быть бесплотными призраками — нередко их можно осязать; они бывают наделены качествами и способностями изображаемых ими существ или предметов.

Так, лошадь-фантом может ржать и бежать рысью. Едущий на ней всадник-фантом может спешиваться, говорить с путниками и вообще вести себя как обычный человек; фантом хижины приютит настоящих путешественников и т. д.

Описаниями подобных случаев изобилуют тибетские предания — особенно много их в знаменитом эпосе о царе Гесере из Лина. У великого героя появляются тысячи двойников. Он создает призрачные караваны с шатрами, сотнями лошадей, лам, торговцев и слуг, причем каждый из этих призраков играет свою роль. Во время битв он творит солдат-фантомов, убивающих врагов точно так же, как если бы на их месте сражались настоящие воины.

Все это кажется взятым из области фантастики, и благоразумный человек может счесть девяносто девять из ста этих историй выдумкой. Тем не менее необычные происшествия случаются, свидетельства о феноменах продолжают поступать — отрицать это невозможно. Тот, кто отказывается верить объяснениям, которые дают всем этим

* См. гл. III.

** На санскрите — бодхисаттва. Существо, находящееся на высокой ступени духовного развития; почти столь же совершенное, как Будда.

явлениям тибетцы, может изобрести собственные. Но далекие от наукообразности объяснения тибетцев нередко интересуют исследователя сами по себе и часто становятся объектом его внимания.

Западные путешественники, едва приблизившиеся к границам Тибета и успевшие составить поверхностное мнение о склонности местных жителей к предрассудкам, будут немало удивлены, услышав о необычайно рационалистическом и скептическом отношении к чудесам, которое эти якобы легковверные и простые люди лелеют в глубинах сознания.

Примером такого отношения могут служить две известные всем тибетцам истории. Несущественно, происходило ли то, о чем в них рассказывается, на самом деле. Для нас важен общий дух этих повествований и то, как в них объясняется природа чудесного.

Когда-то давным-давно путешествовал один торговец со своим караваном. Была гроза, и у купца с головы сдуло шапку.

Тибетцы считают, что если человек находится в пути и у него ветром сдувает головной убор, поднимать его не стоит, иначе случится несчастье. Уступая суеверию, торговец так и оставил шапку на дороге.

Это была мягкая войлочная шапка с меховыми отворотами, которыми при необходимости можно было закрыть уши. Она едва виднелась в колючем кустарнике, куда ее грубо зашвырнул ветер.

Несколькими неделями позже проходивший в сумерках мимо тех кустов человек заметил неясные очертания какого-то предмета: казалось, в зарослях кто-то сидит на корточках. Прохожий не отличался большой храбростью

и поспешил поскорее миновать это место. Утром он рассказал нескольким крестьянам, что видел у дороги «что-то необычное». Другие путники тоже заметили странный предмет, который не смогли опознать, и тоже рассказали о нем крестьянам. Все новые и новые люди разглядывали ни в чем не повинную шапку и сообщали о ней жителям деревни.

Постепенно солнце, дождь и грязь придали головному убору еще более загадочный вид. Войлок приобрел рыжевато-коричневый оттенок, а меховые отвороты стали напоминать уши какого-то животного.

Крестьяне предупреждали останавливающихся в их деревне торговцев и паломников, что на кромке леса затаилось «нечто», не человек, не зверь, поэтому путникам необходимо быть начеку. Кто-то предположил, что это «нечто» — злой дух, и вот сей предмет, никак дотоле не именовавшийся, был возведен в ранг демона.

Шли месяцы; многие смотрели на внушающую ужас старую шапку, о ней говорило все больше людей, и скоро по всем окрестностям прошел слух о притаившемся на краю леса «демоне».

И однажды случилось такое, что несколько прохожих заметили, как ветошь движется. На следующий день она попыталась высвободиться из растущих вокруг нее кустов, а еще через некоторое время побежала за группой путников, в панике бросившихся кто куда.

Шапка ожила из-за того, что многие сосредоточивали на ней свои мысли.

Эта история, которая, как уверяют тибетцы, действительно когда-то произошла, традиционно приводится в качестве примера того, что может выйти даже из неосоз-

нанной и производимой без определенной цели концентрации внимания.

Вторая история может показаться выдумкой шутника-торговца в осмеяние поборников веры, — но на самом деле это не так. В Тибете никто не считает ее смешной или непочтительной. Изложенные в ней факты воспринимаются как показывающие истинную природу любого культа. Каков бы ни был предмет поклонения, верующие сами своей верой и концентрацией мысли наделяют его могуществом.

Одного торговца, каждый год ездившего в Индию, его пожилая мать попросила привезти ей амулет из Святой Земли*. Торговец пообещал матери выполнить ее просьбу, но мысли его были так заняты делами, что о своем обещании он совсем забыл.

Старушка очень расстроилась и на следующий год опять попросила сына привезти ей амулет.

Торговец опять пообещал и опять забыл. То же самое повторилось и на третий год. Но в третий раз, когда купец подъезжал к дому, он вспомнил об обещании и сильно расстроился, понимая, что опять обманет надежды нетерпеливо ожидавшей его старой матери.

Он стал думать, как загладить свою вину, и вдруг его взгляд упал на лежавший на дороге обломок собачьей челюсти.

Внезапно торговца осенила идея. Он выломал из уже успевшей побелеть кости один зуб, очистил его от грязи и завернул находку в шелковый платок. Приехав домой, он

* Святой Землей тибетцы называют колыбель буддизма Индию.

вручил ее матери, заявив, что это драгоценнейшая реликвия, зуб великого Сарипутры*.

Добрая женщина, вне себя от радости и преисполненная благоговения, поместила зуб в ларец, стоявший на алтаре семейного склепа. Каждый день она поклонялась зубу, зажигала лампаду и благовонные палочки. Другие верующие тоже начали поклоняться собачьему зубу, нареченному святой реликвией. Вскоре от зуба стало исходить сияние.

Об этой истории напоминает известная тибетская поговорка:

*Мос гус йод на
Кхьи со од тунг**.*

Переводится это выражение так: «От должного благоговения даже собачий зуб засветится».

Итак, мы вновь убеждаемся, что все теоретические построения тибетцев по поводу паранормальных явлений, по существу, одинаковы: все они основываются на вере в исключительную силу мысли. Пожалуй, такой подход является единственно логичным для тех, кто считает весь зримый нами мир всего лишь субъективным видением.

Описанную в сказках всех народов мира способность магов становиться невидимыми тибетские оккультисты объясняют остановкой мыслительной деятельности.

В тибетских легендах встречаются упоминания о материальных приспособлениях, помогающих стать невидимкой. Возьмем, например, фигурирующий во многих преданиях *дип шинг*. Стоит мельчайшему кусочку этой волшебной древесины, которую прячет в своем гнезде одна

* Знаменитый ученик Будды.

** Пишется *мос гус йод на, кхьи со ход хпхрунг*.

необычайная ворона, попасть в руки человеку или полежать рядом с животным или каким-то предметом — и этот человек, животное или предмет становятся невидимы. Впрочем, великим *налджорнам* и *дубченам* для достижения невидимости не нужны никакие магические инструменты.

Как я поняла, посвященные смотрят на феномен человека-невидимки иначе, чем простые люди. Они считают, что речь идет не о том, чтобы куда-то испариться. Нужно просто ничем не обращать на себя внимания находящихся поблизости разумных существ, и тогда твое присутствие или вовсе не будет обнаружено, или будет лишь слегка ощущаться теми, мимо кого ты проходишь. Твой образ не вызовет в сознании людей ни малейшего отклика и не отложится у них в памяти.

Толкования этого явления, которые давали мне тибетцы, можно коротко изложить следующим образом.

Когда человек толкается среди людей, активно жестикулируя и производя много шума, он провоцирует окружающих на самые разные реакции. У людей просыпается внимание, и они обращают его на того, кто эти реакции у них вызвал. Если же человек проскальзывает бесшумно, никого не касаясь, вряд ли многие что-то почувствуют — их ощущения будут слабыми, способными лишь немного расшевелить их внимание, — значит, человека почти не заметят.

Но каким бы тихим и неподвижным ни был человек, работа его сознания все равно порождает распространяющуюся по сторонам энергию, которую ощущают все, кто входит с ним в контакт. Поэтому, если удастся полностью прекратить работу сознания, человек перестанет вызывать у окружающих какие-либо ощущения и сделается таким образом невидимкой.

Я нашла эту теорию слишком невероятной и возразила, что телесная оболочка все равно будет видна. Ответили мне так: каждую секунду в поле нашего зрения попадает множество предметов, но замечаем мы лишь некоторые, в то время как все остальные не производят на нас никакого впечатления. Зрительный контакт (*миг ги регпа*) не сопровождается установлением связи «знание — сознание» (*нампар шеспа*), и мы не помним, что такой контакт вообще был. По существу, этих предметов мы не видим.

Все необычайные умения, которыми наделяют посвященных в тайное знание, крайне интересны, но все же наиболее интригующая из них — способность оживлять мысленные образы.

В предыдущей главе описывалось, как послушник учится создавать образ своего бога-покровителя, но тогда речь шла о некоем философском просвещении. Это не единственно возможная цель.

Во избежание путаницы мы сначала рассмотрим другой феномен, о природе которого часто спорят не только в Тибете, но и в других восточных и даже западных странах. Случается слышать заявления, что между ним и созиданием мысленных образов можно провести аналогию. На самом же деле эти явления сильно разнятся между собой.

Почти везде есть люди, верящие, что пока тело спит или находится в каталептическом трансе, тонкая душа или дух человека может скитаться по разным местам, совершать разные поступки, иногда вселяясь для этого в какое-нибудь физическое тело — совсем не то, в котором эта душа или дух обычно обретается.

Истории, повествующие об отправляющихся на шабаш ведьмах, были весьма распространены в средние века, и их анализ показал, что, как правило, ведьма во время предполагаемого шабаша лежала, погрузившись в транс. Когда же она приходила в себя, то подробно рассказывала о чудесах, происходивших на дьявольской оргии, где, как ей казалось, она была гостьей. Многих истеричных женщин, имевших такие галлюцинации, сжигали тогда на костре.

В Индии бытует множество легенд о необычайных приключениях людей, полубогов и демонов, которые входили в тела мертвецов, под видом этих мертвецов совершали какие-то поступки, а потом возвращались в собственное тело, остававшееся некоторое время без сознания.

Наиболее известная из этих легенд повествует о Шри Шанкарачарье, знаменитом философе-ведантисте, возвратившем индийским браминам привилегированное положение, которое пошатнулось было под напором рационалистического учения Будды. Если судить по полулегендарным жизнеописаниям Шанкарачарьи, это был действительно неординарный человек. К сожалению, некоего рода кастовый снобизм, как мне кажется, затмил его блестящий во всем остальном разум: он сделался проповедником пагубных социальных теорий, полностью противоречащих исповедуемому им благородному пантеизму.

Предание гласит, что Шанкарачарья вызвал на диспут соперничавшего с ним философа Мандану, сторонника ритуалистического учения *карма-миманса*^{*}, поставив усло-

* С точки зрения последователей этого учения, освобождения можно достичь лишь посредством воздаяния богам жертв, поклонения им и отправления ритуалов. Шанкара же предлагает совсем иной путь — путь познания.

вие, что побежденный в дискуссии станет учеником оппонента и начнет жить так, как его учитель.

Мандана имел дом и жену; Шанкарачарья был *саньясином**. Следовательно, при победе Манданы Шанкара должен был сбросить отшельничьи лохмотья и жениться, а Мандана — покинуть жену и дом и облачиться в желтое одеяние, символ полного самоотречения.

Случилось так, что, когда Шанкара был уже близок к тому, чтобы назвать Мандану своим учеником, поскольку тот проигрывал спор, жена последнего Бхарати, ученая женщина, вмешалась в полемику.

Она заявила, что, по священным книгам, жена и муж — одно целое, а значит, победив только мужа, человек побеждает лишь половину целого. Победа не может считаться полной, если жена тоже не будет побеждена.

Шанкара ничего не ответил; протест был обоснован общепринятыми убеждениями. Он заново начал философскую дискуссию. Понимая, что по своим знаниям и умению спорить она не может сравниться с Шанкарой, Бхарати сделала хитроумный ход.

Индийские священные книги среди прочих наук выделяют и науку плотской любви. Бхарати задала Шанкаре несколько вопросов из этой специфической области, которые немало озадачили аскета.

Он извинился за свое невежество и сказал, что с юных лет занимался лишь медитациями и, поскольку стал *саньясином*, очень далек от женщин и от всего, что с ними связано. Однако, добавил Шанкара, он считает себя вполне способным восполнить этот пробел в знаниях. Не дарует ли ему его очаровательный оппонент отсрочку на месяц,

* Аскетом, полностью отрешившись от мира.

чтобы он смог просветиться? По окончании этого срока он продолжит спор.

Должно быть, Бхарати опрометчиво недооценила способности своего противника — а может, она решила, что ему не хватит месяца, чтобы преуспеть в этой науке. Она согласилась, и Шанкара стал искать учителей.

Как раз тогда умер раджа Амарука. Шанкара, который не мог приступить к занятиям в своем обличии знаменитого аскета, усмотрел в смерти принца удачную возможность. Велев ученикам стеречь свое тело, лежавшее в укромном уголке, он переместил свое «тонкое я» в тело раджи, которого как раз несли на погребальный костер. Ожившего Амаруку к великой радости нескольких *рани*, законных жен раджи, и множества хорошеньких наложниц отнесли обратно во дворец.

Шанкара оказался прилежным учеником и приятно изумил своих жен, которыми престарелый раджа несколько пренебрегал. Советники принца тоже отметили, что со времени воскрешения умственные способности раджи удивительно возросли. Этот умный правитель совсем не походил на знакомого им туповатого принца.

Обитавшие во дворце женщины, а с ними и члены государственного совета заподозрили, что телом покойного Амаруки пользуется дух какого-то могущественного *сиддхи**. В страхе, что этот дух опять воплотится в *сиддху*, советники приказали по всем глухим местам вести поиски безжизненного тела и велели это тело сжечь, как только оно будет найдено.

Что до Шанкары, то он был так поглощен уроками, что совсем забыл, кто он на самом деле, и не имел никакого же-

* Человека, обладающего сверхъестественными способностями.

лания возвращаться в оставленное им на попечение учеников тело аскета.

Когда гуру не вернулся в положенный срок, ученики встревожились, а услышав об объявленных поисках, переполошились не на шутку. Они побежали во дворец раджи, добились, чтобы их допустили к принцу и спели ему философскую песнь, которую он сам же и сочинил. Гуру все вспомнил. Его душа вылетела из тела раджи и вернулась в его собственное тело, которое только что обнаружили и как раз готовились предать погребальному огню.

В совершенстве овладев предметом, Шанкара предстал перед Бхарати, изумив ее блестящими познаниями. Женщина была вынуждена признать себя побежденной.

Эта история вполне может сравниться с повествованиями Боккаччо. Тем не менее даже много веков спустя последователи Шанкары не видят в ней ничего дурного или шокирующего; она все так же популярна среди них. Правда, они уже начинают понимать, что этот рассказ об их светлой памяти учителе не очень правдоподобен, и некоторые его последователи заявляют, что все это выдумал какой-то простодушный фанатик.

Для нас же эта история представляет интерес как источник информации. Она свидетельствует, что в Индии распространена вера в то, что некая тонкая сущность может переселяться из одного тела в другое и даже перемещаться в пространстве, будучи совсем бестелесной. В Тибете, где подобное «перемещение» сущности называется *тронг джуг*^{*}, тоже нередко встречаются подобные воззрения. Возможно, представления о *тронг джуг* пришли в Тибет из Индии. В своей автобиографии Миларепа упомина-

* Пишется *гронг джуг*.

ет, что его наставник лама Марпа узнал секрет *тронг джуг* не от Наропы, своего духовного отца, а от индийского гуру: уже в преклонных летах он отправился в Индию, чтобы обрести это умение.

Следует отметить, что верящие в «перемещение» бесплотной сущности, как правило, убеждены, что тело, которое она покидает, становится безжизненным.

Именно здесь заключается различие между этим феноменом и призраком-*тулна*^{*}, который может быть похож или не похож на своего создателя, сотворившего его сознательно или же неосознанно.

И если тибетские и индийские истории о «перемещениях» можно без колебаний отнести к разряду небылиц, то вопрос о создании *тулна* кажется вполне достойным внимания.

Фантомы, описываемые тибетцами и виденные мной, не похожи на призраков, которые, как говорят, появляются во время спиритуалистических сеансов.

Тибетцев, наблюдавших эти феномены, никто особенно не побуждал к попыткам самостоятельно сотворить *тулна* или познакомиться с медиумом, которому приписывают подобное умение. Поэтому их сознание не было подготовлено к встрече с фантомом и настроено на нее. Не было никакого стола, на который сидящие вокруг него клали бы руки, не было погруженного в транс медиума, не было темного чулана, в котором бы этот медиум уединялся. Не обязательна и темнота: солнце и свежий воздух не отпугивают фантомов.

* Пишется *спрулна*; «магическое, призрачное создание».

Как я уже говорила, создание некоторых призраков похоже на описанную в предыдущей главе визуализацию *идама* и может занять довольно много времени. Но если за дело берется специалист, весь процесс происходит мгновенно или почти мгновенно.

Во всех остальных случаях тот, кто создает призрак, действует, очевидно, неосознанно и даже не подозревает о фантоме, который виден другим людям.

В связи с этой формой визуализации или воплощения мысленного образа вспоминаются несколько случаев, которым я лично была свидетелем.

Молодой тибетец, мой слуга, отправился к себе домой. Я предоставила ему трехнедельный отпуск, по истечении которого он должен был запастись провизией, нанять носильщиков, способных доставить груз через горы, и вернуться вместе с караваном.

Наверное, юноша дома хорошо проводил время. Миновало уже два месяца, а его все не было. Я думала, он уже не вернется.

Но вот однажды он мне приснился. Он явился в каком-то необычном убранстве, в чужеземной шляпе, каких раньше никогда не носил.

На следующее утро ко мне прибежал один из прислужников. «Вангду вернулся, — сказал он. — Я только что видел его внизу».

Такое совпадение показалось мне странным. Я вышла наружу взглянуть на путника.

Я стояла на возвышенности, и Вангду был виден как на ладони. Он шел один, и на нем была именно такая одежда, какую я видела во сне. Юноша медленно продвигался по тропинке, плавно поднимавшейся в гору.

Я заметила, что у него нет никакого багажа. Стоявший рядом слуга сказал: «Вангду пошел вперед; носильщики, верно, позади».

Мы вдвоем продолжали наблюдать за путником. Он зашел за небольшой *чортен* и все не показывался.

Основание *чортена* представляло собой каменный куб высотой не более метра. Расстояние от земли до острой верхушки сооружения равнялось двум метрам. В *чортене* не имелось никаких углублений. Более того, вокруг него ничего не было: ни домов, ни деревьев, ни какой-либо неровности рельефа — ничего такого, куда можно было бы спрятаться.

Мой слуга и я решили, что Вангду сел передохнуть в тени *чортена*. Но время шло, а юноша не появлялся; с помощью бинокля я тщательно осмотрела участок земли перед сооружением — там никого не оказалось.

Неимоверно изумившись, я послала на поиски двоих слуг. В бинокль я следила за их передвижениями; следов Вангду, как и следов кого-либо еще, обнаружено не было.

Этот юноша вместе с караваном появился в долине в конце того же дня, перед самыми сумерками. На нем была уже виденная мною во сне и несколько часов назад одежда и чужеземная шляпа.

Не давая времени ни ему, ни носильщикам пообщаться со слугами и узнать о случившемся, я сразу же допросила юношу и тех, кто пришел с ним. Я узнала, что ночевали они слишком далеко от моего жилища и при всем старании не смогли бы оказаться здесь рано утром. Я установила, что Вангду весь переход шел вместе с караваном.

В течение последующих недель у меня была возможность на нескольких последних станциях, где сменялись

носильщики, уточнить время отбытия каравана — таким образом я проверила то, что мне сказал Вангду и его спутники. Я убедилась, что они действительно говорили правду и Вангду во время последнего перехода был с караваном.

Вторая история такова. Как-то днем ко мне зашел один тибетский художник, пламенный почитатель гневных божеств — особенно ему нравилось изображать их жуткие обличья.

За его спиной смутно виднелось одно из тех фантастических существ, которые он так часто рисовал.

Я вздрогнула, и удивленный художник, приблизившись ко мне на несколько шагов, спросил, что случилось.

Я заметила, что фантом не сдвинулся с места. Быстро обойдя художника стороной, я подошла к призраку, вытянув вперед руку. Прикоснувшись к расплывчатому очертанию, я ощутила пальцами что-то мягкое — оно поддалось под моим легким движением и исчезло.

Я принялась расспрашивать художника, и он признался, что на протяжении последних недель исполнял ритуал *дубтхаб*, вызывая существо, очертания которого я смутно различила. Утром этого дня он как раз рисовал его.

Все мысли тибетца были сосредоточены на образе божества, чьей поддержкой он хотел заручиться для исполнения одного недоброго намерения; сам он фантома не видел.

В этих двух случаях все происходило без сознательной помощи человека. Как сказал один лама-мистик, Вангду и художника вряд ли можно назвать творцами этих феноменов. Эти люди явились лишь одной — возможно, основной — среди множества других причин, обусловивших появление фантомов.

Третье необычайное происшествие, о котором я хочу поведать, относится к категории сознательно порожденных феноменов. То, что сотворенный ламой призрак был похож на создателя, еще не означает, что лама сотворил своего тонкого двойника. Посвященные в тибетское тайное знание дают этому другое объяснение: по их мнению, это был *тулна*, магическое создание, порожденное мощной концентрацией мысли. Как уже неоднократно отмечалось, с помощью концентрации внимания можно визуализировать любой образ.

Случилось это в Кхаме, около *ритода* Пунаг, где тогда стоял наш лагерь. Однажды днем мы с поваром находились в хижине, где помещалась кухня. Юноша попросил у меня кое-какие продукты, и я ответила: «Пойдем в мою палатку, возьмешь там из ящичков все что нужно».

Мы вышли из кухни и, подойдя к палатке, оба увидели ламу-отшельника, сидевшего на складном стуле за моим походным столиком. Я не удивилась, поскольку этот лама частенько приходил побеседовать со мной. Повар только и сказал: «Пришел римпоче. Я пойду делать чай, а продукты заберу позже».

Я ответила: «Хорошо. Приготовь чай и принеси его нам».

Юноша вернулся в кухню, а я пошла к ламе. Я все время смотрела на него — отшельник оставался в неподвижной позе.

Когда я была всего в нескольких шагах от палатки, перед ней возникла словно легкая дымка — будто кто-то отдергивал занавес. И тут же я перестала видеть ламу. Он исчез.

Через некоторое время повар принес чай. Увидев меня одну, он удивился. Не желая пугать юношу, я сказала: «Римпоче приходил просто сказать мне кое-что. Оставаться на чай у него не было времени».

Позже я обо всем поведала ламе. Но в ответ он только рассмеялся и ничего не сказал. Однако позже все повторилось опять. Он просто испарился в воздухе во время беседы. Случилось это на совершенно открытой местности, нигде поблизости не было ни шатров, ни домов, ни чего-либо еще, где можно было бы укрыться.

Как мы видели, сотворение фантома-идама имеет две разные цели. Первая заключается в том, чтобы ученик понял: никаких богов и демонов, кроме созданных его сознанием, не существует. Вторая цель, менее возвышенная, — появление у человека могущественного телохранителя.

Как же фантом божества защищает своего создателя? Он может занять его место.

В Тибете распространен обычай, когда посвященные в эту особую практику ламы каждое утро «надевают» обличье своего идама. Вследствие этого злым духам, на протяжении дня встречающим этих монахов, они видятся не людьми, а жуткими божествами — это, конечно, гарантия того, что ламам не будет причинено ни малейшего вреда.

Говорят, что искусному магу ничего не стоит спрятать свою истинную наружность под любым обличьем.

Наверное, лишь некоторые из тех, кто надевает по утрам маску идама, действительно могут предстать в обличье чудища. Не знаю, насколько они пугают демонов, но людей в заблуждение они, безусловно, не вводят. Правда, мне доводилось слышать, что некоторых лам видели в облике богов ламаистского пантеона.

Кое-кто из лам и *нгагсна*, наслушавшись удивительных преданий о том, как древние *дубтхобы* творили *тулна*, в большой тайне от всех тоже пытаются преуспеть в этой области эзотерического знания.

Для тех, кто не достиг еще достаточной степени духовного и умственного просветления и не полностью осознал природу сил, задействованных в процессе сотворения *тулна*, эта практика считается очень опасной.

Едва *тулна* обретет достаточно жизненной энергии, чтобы быть в состоянии играть роль реального существа, он старается освободиться из-под контроля своего создателя. Тибетские оккультисты утверждают, что это происходит почти автоматически, подобно тому, как ребенок покидает материнское чрево, когда его тело полностью сформируется и сможет существовать автономно. Иногда встречаются буйные фантомы, и тогда между ними и сотворившими их магами происходят страшные схватки, в которых призраки наносят колдунам жестокие увечья или даже убивают их.

Тибетские маги рассказывают и о таких случаях, когда *тулна* не возвращается с задания, а продолжает скитаться по миру в виде куклы, находящейся в полусознательном состоянии и очень опасной. То же самое, говорят, может случиться, если маг умрет, не успев уничтожить фантома. Впрочем, в случае смерти мага призрак или внезапно исчезает, или постепенно тает, как тает от истощения живой организм. С другой стороны, некоторые *тулна* изначально создаются с таким расчетом, что они переживут своего творца. Таких *тулна* можно считать настоящими *тулку**; следует сказать, что разграничение между *тулна* и *тулку*

* См. гл. III.

весьма нечеткое. Существование как первых, так и вторых обосновывают одинаково.

Следует ли с доверием относиться к рассказам о непослушных «материализациях», о фантомах, ставших реальными существами, или правильнее будет просто отмахнуться от них, сочтя все эти истории фантастическими небылицами и плодом больного воображения? Возможно, второй подход более благоразумен. Лично я не поддерживаю ни одну из этих точек зрения. Я просто пересказываю услышанное от вполне заслуживающих доверия людей. Хотя не исключено, что они могли искренне заблуждаться.

И все же, даже делая скидку на всевозможные преувеличения и желание произвести сенсацию, я не могу полностью отрицать возможность визуализации и оживления *тулна*. Мне самой приходилось несколько раз видеть воплотившиеся мысленные образы; кроме этого, мой врожденный скептицизм вынудил меня лично произвести эксперимент, и мои попытки увенчались некоторым успехом. Чтобы на меня не влияла наружность ламаистских богов, которых я ежедневно видела на многочисленных картинах, я решила задействовать в эксперименте ничем не примечательного монаха, низенького и толстенького, который был бы простодушен и весел.

Я уединилась в *цаме* и приступила к концентрации внимания и выполнению надлежащих ритуалов. Через несколько месяцев фантом монаха был готов. Его облик постепенно вырисовался, и монах стал выглядеть как живой. Он жил у меня в комнате и стал кем-то вроде гостя. Я вышла из уединения и вместе со слугами, прихватившими с собой палатки, отправилась в путешествие.

Монах влился в нашу компанию. Мираж не исчезал, несмотря на то что я спала под открытым небом и каждый день проезжала на лошади многие километры. Чтобы видеть *траппу*, мне совсем не нужно было о нем думать. Фантом сам, без моих указаний, делал все то, что обычно делают путешественники. Он ходил, останавливался, оглядывался по сторонам. Обычно его можно было видеть, но иногда он проявлялся только в виде звука, похожего на легкий шорох одежды, а однажды мне показалось, будто кто-то положил руку мне на плечо.

Постепенно облик фантома стал меняться. Толстенный монашек с пухлыми щечками похудел, а его лицо приобрело какое-то насмешливое, хитрое и злобное выражение. Короче говоря, он вышел из-под моего контроля.

Однажды пастух, принесший мне в подарок масло, увидел в моей палатке этого фантома и принял его за живого ламу.

Мне следовало пустить развитие событий на самотек, но присутствие нежелательного спутника начало действовать мне на нервы, *тулна* стал чем-то вроде «дневного кошмара». Как раз тогда я занималась подготовкой путешествия в Лхасу, и мое сознание должно было быть спокойным, не омраченным никакими тревогами, поэтому я решила уничтожить призрак. Мне это удалось, но лишь после шести месяцев напряженной борьбы. Порождение моего сознания оказалось невероятно живучим.

В том, что я могла визуализировать собственную галлюцинацию, нет ничего удивительного. Интересно в этом случае материализации то, что мой мысленный образ могли видеть и другие.

Тибетцы такой феномен объясняют по-разному. Одни считают призрак реально существующим, другие же полагают, что такое видение — это просто вид гипноза: мысли наблюдающего фантом влияют на других людей, и те начинают видеть то же, что и «автор».

Несмотря на попытки тибетцев рационально истолковать все чудеса, многие из этих чудес они объяснить не могут — вероятно, потому, что все они просто выдуманы, а возможно, и по какой-то иной причине.

Тибетцы допускают, что мастера-мистики не обязательно умирают обычным образом: они в любом месте и в любое время могут бесследно уничтожить себя.

Говорят, именно так исчез Ресчунгпа, а Дагмедма, жена ламы Марпы, погрузившись в особую медитацию-созерцание, закончила свои дни, влившись в тело мужа.

Но все это происходило в незапамятные времена; для нас же интересней случаи из недавнего прошлого. И уж тем более они интересны, если происходят не где-то в отшельничьей келье, а на глазах сотен свидетелей.

Сразу оговорюсь, что я не была в числе этих свидетелей, а слышала все от людей, утверждавших, что они собственными глазами видели чудо. Мое же личное отношение к происшедшему исчерпывается тем, что я была знакома с ламой, который, как говорят, загадочным образом исчез.

Этот лама, римпоче Кьонгбу, был одним из духовных учителей и советников по религиозным делам таши-ламы. Когда я в 1916 году приехала в Шигадзе, он был уже довольно стар и жил отшельником в нескольких километрах от города, на берегу Йесру Цангпо (Брахмапутры). Мать таши-ламы глубоко почитала его и, когда я гостила у нее,

рассказала мне несколько невероятных историй об этом достойном человеке.

Она поведала, что с каждым годом тело аскета уменьшается. Тибетцы считают это признаком высокой степени духовного развития; легенды повествуют, как некоторые *дубтобы*, в молодости рослые мужчины, к старости становились совсем крохотными и в конце концов исчезали.

Как раз в то время заканчивалось строительство нового храма с гигантской статуей грядущего будды Майтреи, и все говорили о готовящейся церемонии освящения храма. Таши-лама попросил исполнить этот обряд своего старого духовного советника, но тот отказался, сказав, что умрет прежде, чем храм достроят.

Говорят, что таши-лама стал умолять отшельника отсрочить смерть и благословить новое святилище.

Читателя такая просьба может удивить, однако она полностью соответствует вере тибетцев в то, что мастера-мистики могут выбирать время своей смерти.

Аскет пообещал благословить храм.

Где-то через год после моего отъезда из Шигадзе храм достроили, и в день, предназначенный для торжества *раб-нес**, таши-лама отправил за римпоче Кьонгбу роскошный паланкин и снарядил эскорт, который должен был препроводить отшельника в *гомпа* Ташилхунпо.

Люди, входившие в свиту, видели, что лама сел в паланкин; паланкин закрыли и понесли в монастырь.

Тем временем тысячи людей, прибывших в Ташилхунпо на обряд иногурации, к своему величайшему удивлению увидели, что лама один и идет к ним пешком. Он без-

* Сокращение от *рабту несна*; пишется *рабту гнасна*. Освящение новых сооружений, изображений и др.

молвно зашел в храм, подошел к огромной статуе будды Майтреи, коснулся изваяния и постепенно воссоединился с ним.

Через некоторое время прибыл и эскорт с паланкином. Прислужники открыли дверцу... но внутри никого не оказалось.

Многие люди убеждены, что ламу больше никогда не видели.

Этот случай уже сам по себе был достаточно необычен, чтобы привлечь мое внимание. Но интерес к нему подогревался еще и тем, что я была лично знакома с героем этого инцидента и знала всю предысторию чуда — просьбу таши-ламы освятить храм; местность, о которой шла речь, тоже была мне знакома. Это происшествие не переставало меня интриговать.

Я сгорала от желания отправиться в Шигадзе и расспросить людей о последних днях ламы и найти его могилу, если он действительно умер. Но узнала я об этом необычайном случае как раз когда инкогнито прибыла в Лхасу; ни Йонгден, ни я не могли показаться в Шигадзе, где нас знали очень многие. Если бы в Тибете стало известно, кто мы такие на самом деле, нас бы незамедлительно выслали за пределы страны — а после Лхасы я еще намеревалась посетить монастырь Самье, несколько других *гомпа* на юге Тибета, а также богатую своей историей провинцию Ярлунг. Все эти соображения удержали меня от попытки самой во всем разобраться.

Но перед тем, как покинуть Тибет, Йонгден осторожно расспросил о происшедшем в Шигадзе чуде нескольких человек, которые, как нам казалось, что-то о нем знали.

К сожалению, после этого случая миновало уже несколько лет. В Цанге* с тех пор произошли большие перемены, и нам рассказали о многих чудесах, связанных с перелетом таши-ламы в Китай**. Кроме того, в Цанге не все спокойно было и в политическом плане. Высокопоставленные лица с невероятной тщательностью следили за тем, чтобы не дать ни малейшего повода заподозрить их в лояльности к изгнанному таши-ламе и его приближенным. Также никто не отваживался возвышать престиж храма Майтреи, сооружение которого, по слухам, вызвало неодобрение и зависть при лхасском королевском дворе.

Мы столкнулись с разными мнениями:

1. Лама создал свой фантом, который сел в паланкин, а потом, зайдя в святилище Майтреи, поступил согласно инструкциям ламы. Прикоснувшись к изваянию, *тулна* исчез. Возможно, лама все это время был у себя в келье.
2. Римпоче Кьонгбу на расстоянии вызвал у всех коллективную галлюцинацию.
3. Лама на то время был уже мертв, а в Ташилхунпо явился специально созданный для этой цели фантом.
4. По словам ученика римпоче Кьонгбу, если определенным способом сконцентрировать внимание, то удастся создать некий феномен, который проявится во время какого-либо события в будущем. После того, как внимание сконцентрировано, все остальное пойдет как бы само собой, без вмешательства человека, дав-

* Огромная территория, столицей которой является Шигадзе.

** См. «Мое путешествие в Лхасу».

шего энергию, необходимую для возникновения того или иного явления. Ученик сказал также, что в большинстве случаев этот человек не способен предотвратить то, что было запланировано им самим. Энергия, которую он произвел, уже заключена в какую-то форму, и теперь она не в его власти.

О случающихся в Тибете паранормальных явлениях можно говорить еще очень долго, но мнение лишь одного исследователя, особенно если принять во внимание трудности, с которыми приходится сталкиваться в этой стране ученому, вряд ли может оказаться полным.

Очень хотелось бы, чтобы эти мои выкладки пробудили у других исследователей, более квалифицированных, чем я, желание заняться серьезным анализом упомянутых в этой книге феноменов.

В оккультных исследованиях возможен тот же подход, что и в научных изысканиях. В этой области могут быть сделаны открытия, где не будет ничего сверхъестественного, ничего такого, что сможет служить оправданием предрассудкам и тому хаосу, который царит на этот счет в некоторых головах. Наоборот, такие исследования могут способствовать разъяснению природы так называемых чудес, а чудо, которое удалось объяснить, уже, как известно, не чудо.

Монастырь Самье.

Наши книги можно приобрести

в Киеве

- «Эзотерика», пл. Славы, ТЦ «Квадрат/ Світ книги», тел. 531-99-68
«Мистецтво», ст. м. «Крещатик», ул. Крещатик 24, тел. 228-25-26
«Академкнига», ст. м. «Университет», ул. Б. Хмельницкого 42,
тел. 224-01-07 (тел/факс), 224-51-42
«Эра Водолея», ст. м. «Льва Толстого», ул. Бассейная 9-б,
тел. 235-34-78, 246-59-84 (тел/факс)
«Буква», ст. м. «Льва Толстого», ул. Л. Толстого 11/61, тел. 234-81-97
«Моя Книга», Железнодорожное шоссе 57, 2 эт., тел. 296-68-72

в других городах Украины

- Донецк, «Классика», ул. Университетская 4, тел. (062) 338-07-18
Кривой Рог, «Флорида», ул. Харитоновна 7, тел. (0564) 92-46-21
Одесса, «Логос», ул. Бабеля (Еврейская) 58, тел. (0482) 24-05-79
Одесса, «Лотос Мира», ул. Дерибасовская 18, тел. (0482) 37-27-65
Одесса, «Книга 33», просп. Адмиральский 20, тел. (0482) 66-20-09
Одесса, «Терра Инкогнита», ул. Жуковского 17, тел. (0482) 22-51-29
Винница, «Буква», пл. Гагарина 2, тел. (0432) 35-90-61
Днепропетровск, «Арома-Фиолет», ул. Глинки 19, тел. (0562) 45-13-64
Днепропетровск, «Орфей», ул. Московская 15, тел. (0562) 36-05-38
Севастополь, «Книжная лавка», ул. Суворова 39, тел. (0692) 455-691
Харьков, «BOOKS», 61022, ул. Сумская 51, тел. (0572) 140-470
Черкассы, Дом Книги, ул. Крещатик 200, тел. (0472) 45-99-20
Черновцы, «Світогляд», просп. Независимости 111, 2 эт., тел. (0372) 584-340
Черновцы, «Чайка», ул. Б. Хмельницкого 48, тел. (0372) 51-52-20
Запорожье, ЧП Евдокимов, ул. Сталеваров 12,
тел. (061) 224-62-44, (0612) 33-36-08
Симферополь, «Реномэ», ул. Пушкина, тел. (0652) 25-46-53

в Москве

- Московский Дом Книги, ст. м. «Арбатская», ул. Новый Арбат 8, тел. 290-45-07
«Москва», ст. м. «Тверская», ул. Тверская 8, тел. 229-64-83
«Мир Печати», ст. м. «Белорусская», ул. 2-я Тверская-Ямская 54, тел. 978-36-73
«Библио-Глобус», ст. м. «Лубянка», тел. 928-86-28, 925-24-57
«Белые облака», ст. м. «Китай-город», ул. Покровка 3, тел. 921-61-25

«Молодая гвардия», ст. м. «Полянка», ул. Б.Полянка 28, тел. 238-50-01
«Путь к себе», ст. м. «Белорусская», Ленинградский пр. 10а, тел. 257-39-87
«Игра в бисер», тел. 265-59-15
«Ямское поле», тел.257-04-90

в других городах России

С.-Петербург, ООО «София», В. О., 15-я линия, д. 28 литер «Г»,
тел/факс (812) 327-72-37
С.-Петербург, «Роза Мира», ст. м. «Технологический ин-т»,
6-я Красноармейская ул. 25, тел. (812) 146-87-36, 310-51-35
Томск, «Букинист», пер. Батенькова 5, тел. (3822) 22-49-23
Уфа, «Странник», ул. Социалистическая 23, тел. (3472) 23-37-84
Новосибирск, «Топ-книга», ул. Арбузова 111, тел. (3832) 36-10-26, 36-10-27
Волгоград, «Техническая книга», ул. Мира 11, тел. (8442) 36-35-97
Ростов-на-Дону, «Баро-пресс», тел. (8632) 62-33-03
Иркутск, «Продалить», тел. (3952) 51-30-70, 59-13-70
Ессентуки, ООО «Россы», ул. Октябрьская 424, тел. (86534) 6-93-09
Хабаровск, «Дело», тел. (4212) 34-77-39
Брянск, «Логос», тел. (0832) 44-68-27
Нальчик, «Книжный магазин №11», ул. Захарова 103, тел. (66622) 5-52-01
Омск, «Омский торговый дом», тел. (3812) 25-04-14, 24-04-09
Екатеринбург, «Дом книги», тел. (3432) 59-42-00, 59-24-89
Липецк, «Ариадна», тел. (0742) 43-29-99
Северодвинск, «Зоя», тел. (81842) 6-95-58
Ижевск, «Рифма», тел. (3412) 75-22-33
Воронеж, «Светлана», тел. (0732) 55-45-07
Тюмень, «Встреча», ул. Республики 29, тел. (3452) 46-68-40, 43-32-31

Минск, «Маккус», тел. (0172) 61-69-08

Литературно-художественное издание

Александра ДАВИД-НЕЭЛЬ
Магия и тайна Тибета

Перевод В. Ковальчук

Редактор Д. Палец

Корректоры Е. Введенская, Е. Ладикова-Роева, Т. Зенова

Оригинал-макет И. Петушков

Оформление переплета С. Шибалов

Подписано в печать 15.08.2003 г. Формат 70х100/32

Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Миньон»

Усл. печ. лист. 16,25. Заказ № 3891

Цена договорная. Тираж 5 000

Издательство «София»,

04119, Украина, Киев-119, ул. Белорусская, 36-А

ООО Издательский дом «София»

109028, Москва, ул. Воронцово поле, 15/38, стр.9

Свид-во о регистрации №1027709023759 от 22.11.02

тел. (095) 261-80-19; 105-34-28

Отделы оптовой реализации издательства «София»

в Киеве: (044) 230-27-32, 230-27-34

в Москве: (095) 261-80-19

в Санкт-Петербурге: (812) 327-72-37

Книга-почтой

в России: тел.: (095) 476-32-52, e-mail: kniga@sophia.ru

в Украине: тел.: (044) 513-51-92, 01030 Киев, а/я 41,

e-mail: post_book@sophia.kiev.ua,

<http://www/sophia.kiev.ua>

Отпечатано с готовых диапозитивов во ФГУП ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

«Это невозможно» – слова, которые Александре Давид-Неэль часто приходилось слышать в своей жизни. Отговаривая её от путешествия в Тибет, их произносили не только муж и друзья Александры, но и выдавшие виды британские дипломаты.

Однако слово «невозможно» – не из лексикона этой удивительной француженки. В 1925 году, в возрасте 54 лет, на лошадях и яках Давид-Неэль совершила путешествие по Индии, Китаю и Сиккиму, преодолела Гималаи и добралась до Лхасы – загадочной столицы Тибета. Часть пути она прошла пешком, с лицом, испачканным сажей, – чтобы не привлекать внимания местных жителей. Кто бы мог подумать, что вскоре они будут называть Александру ламой...

Мир, который открылся отважной исследовательнице Востока, искупил все её дорожные невзгоды. Волшебная земля мудрецов и магов превосходила всё, что могут вообразить изобретательные архитекторы божественных и демонических миров. Впервые в жизни Александра стала очевидицей невозможного.

Книга, которую вы держите в руках, – одно из лучших исследований Тибета, опубликованных в наше время. А её автор, без сомнения, одна из самых замечательных женщин XX века.

ISBN 5-9550-0251-0

9 785955 002514

сер 48
95-

Александора Дэвид-Неэль

Маягия и Тайна Тибета